О ДЕСОВЕТИЗАЦИИ.
БЕЛАРУСЬ, НАЧАЛО XXI ВЕКА

МАТЕРИАЛЫ
семинара-конференции
г.Шилуте (Литва)
20—24 августа 2007 г.

МИНСК
2008

Научный редактор

кандидат социологических наук Т. В. Водолажская

О десоветизации. Беларусь, начало XXI века: Материалы семинара-конференции. Шилуте (Литва), 20—24 августа 2007 г. – Минск, 2008. — 149 с.

Настоящее издание включает доклады, сделанные на конференции «Десоветизация и экран массового общественного сознания в Беларуси», проведенной ОО «Центр социальных инноваций» в сотрудничестве с народной школой «Мариашпринг» (Германия) в рамках проекта «Формирование солидарности через активное гражданское образование». И прошедшую конференцию, и настоящий сборник можно считать началом концептуальной работы по десоветизации, требующей практического осуществления в Беларуси.

В представленных текстах обсуждаются различные аспекты десоветизации, она рассматривается с разных сторон, на разных языках и с разных позиций. Кроме текстов докладов в сборник вошли две дискуссии по проблеме десоветизации, которые состоялись уже после конференции и были отражены в средствах массовой информации.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Термин «десоветизация» появился в перестроечные времена и воспринимался скорее как лозунг, идея. Не проводя научных источниковедческих изысканий, можно вспомнить, что в перестроечный дискурс идею десоветизации ввел Г. Х. Попов, очевидно, по аналогии с денацификацией Германии, освобождавшейся от фашизма.

Но для возникшей в начале 90-х годов Республики Беларусь десоветизация сразу стала не просто установкой или декларацией, а практической задачей, программой действий. О ней как о необходимом этапе становления независимого государства пишет В. Мацкевич, обсуждая задачи, стоящие перед первым президентом страны[1] . Однако эта задача не была выполнена в свое время. Скорее наоборот: все развитие Беларуси стало строиться как сохранение и воспроизводство советских норм в новых условиях. Хотя следует признать, что даже при ином исходе первых президентских выборов такая задача вряд ли была бы выполнена. Идеологически она, конечно, была близка национально-ориентированной оппозиции, но для ее выполнения мало одного только желания, необходимо проведение интеллектуальной работы по концептуальному и технологическому оснащению процесса десоветизации. А такая работа не проводилась ни теми, кто оказался у руля страны, ни их противниками.

Тема десоветизации может показаться и неактуальной для современной беларусской ситуации, и «несерьезной», в смысле разворачивания ее в области мышления и деятельности, а пригодной только в политической риторике. Слишком широкое, многозначное и неопределенное понятие, чтобы считать, что с ним можно разбираться и действительно разобраться. Но возвратиться к этой теме нас побудила не идеология и не пересмотр истории последних десятилетий, а ра-

[1] Мацкевич В. В. Вопреки очевидности. – Санкт-Петербург: Невский простор, 2006. – 209 с.

бота по другой проблеме, казалось бы, более локальной и предметной.

В 2007 году в ходе реализации проекта «Формирование солидарности через активное гражданское образование»[2] тема десоветизации была поднята нами как актуальная задача. На оргдеятельностной игре, посвященной программированию гражданского образования,[3] стало очевидным, что построение современного беларусского гражданского образования требует избавления от образования, производящего «советских граждан» – пусть и в слегка модернизированном виде. Вследствие того, что десоветизация не осуществлена, такие сложные и жизненно важные для нации системы деятельности, как гражданское образование, остались без целенаправленного и осмысленного изменения, а отделались мимикрией и несущественной доработкой для соответствия новым требованиям (советский гражданин мало отличается от беларусского с точки зрения содержания образования). Концептуальную слабость и мозаичность идеологии беларусской государственности, призванной привести в соответствие политическую реальность и содержание гражданского образования, признают даже авторы и инициаторы ее создания. На игре стало очевидным, что переход от советского гражданина к гражданину современной Беларуси возможен только через осуществление процесса десоветизации. Поэтому следующим этапом деятельности уже в рамках концепции гражданского образования стало начало концептуальной работы по теме десоветизации, которая призвана сделать возможным ее практическое осуществление в Беларуси.

Действительное решение задачи десоветизации требует значительных и интеллектуальных, и организационных, и волевых усилий. Все осложняется тем, что упущено время. Несомненно, проделать такую работу можно только через выведение ее в поле широкой общественной дискуссии. Надо с чего-то начинать. Мы начали обсуждать проблему десоветизации на конференции, проведенной в г. Шилуте (Литва) 20—24 августа 2007 г. Обсуждать с разных сторон, на разных языках и с разных позиций.

В настоящий сборник включены далеко не все доклады, прозвучавшие на конференции. С огромным сожалением мы должны констатировать, что не можем поместить в этот сборник часть докладов, затрагивавших принципиальные аспекты десоветизации. Например, остаются пока неразвернутыми и нераскрытыми аспекты люстрации в сфере государственного аппарата и местного самоуправления, нострификации ученых степеней и званий, реституций в сфере собственности, недостаточно внимания уделяется вопросам десоветизации в сфере образования и культуры, чему есть несколько причин. Первая — эти аспекты до сих пор очень болезненно воспринимаются беларусским обществом, поэтому беларусские ученые, исследователи и аналитики в силу укоренившейся в беларусской ментальности толерантности стараются не артикулировать четко и однозначно своей позиции по острым и болезненным вопросам, а касаются их скорее абстрактно, подчеркивая неоднозначность и дискуссионность. Мы полагаем, что эта причина не может рассматриваться как уважительная, но ее нельзя игнорировать как диагностическую. Диагностическую в том смысле, что беларусские интеллектуалы и беларусская общественная мысль пока еще очень далеки от насущных и актуальных проблем беларусского общества. Вторая причина более прозаична и связана с различием устной и письменной речи: часть докладов и дискуссий не были оформлены в виде текстов или статей (даже в виде тезисов для конференции), а мы не посчитали возможным давать свою версию бурных и горячих дискуссий на эти темы. В этот сборник вошли только две дискуссии, которые состоялись уже после конференции и были отражены в средствах массовой информации. Будем считать, что все остальные дискуссии находятся в самом разгаре и ждут своего часа, чтобы быть опубликованными.

На наш взгляд, даже эта небольшая часть докладов дает возможность подойти к проблеме с разных сторон, попытаться понять и прочувствовать возможности и пути работы с ней.

---

[2] Проект «Forming diversity and solidarity via activity-based civic education» выполнялся в рамках программы Европейского Союза «Децентрализованная кооперация».

[3] Организационно-деятельностная игра «Гражданское образование в Беларуси: продолжение или начало» состоялась 23–30 марта 2007 года в г. Гёттингене, Германия.

I. ДЕСОВЕТИЗАЦИЯ: ОСНОВАНИЯ И ПОДХОДЫ

Советским интеллигентам от ироничных мыслителей досоветской эпохи досталась в наследство установка, что нет необходимости писать о том, о чем и без них напишут немцы. Русская советская философия, как и вся общественная мысль, была эхом немецкой философии, иногда развивала (а чаще редуцировала и искажала) почерпнутые из немецкой философии и практики идеи. Поговорив в 1989—1991 годах о десоветизации, советские и постсоветские интеллигенты решили, что этого более чем достаточно, — в уверенности, что немцы, как всегда, все уже продумали, написав о денацификации, стало быть, напрягаться не стоит. А после 1991 года публицисты, идеологи и политики решили, что все уже произошло, поэтому тем более не следует напрягаться. Поскольку, понадеявшись на немцев, никто не потрудился проверить, а что же немцы в самом деле думали о денацификации, гуманитарные науки, общественная мысль, политика и образование в постсоветских странах до сих пор пребывают в полном неведении относительно того, как, какими средствами, на основе каких ресурсов и какими субъектами осуществляется десоветизация, точно так же, как плохо понимают и то, как Германия после войны пережила денацификацию.

Доклады первого раздела не могут претендовать на полноту и теоретическое исчерпание темы десоветизации. Мы поместили в этот раздел три беларусских доклада, посвященных восстановлению концептуальных оснований, смысла, содержания десоветизации, построению подходов и заданию системности в процессах десоветизации. К этим трем докладам примыкает доклад немецкого политолога о том, кем и как осуществлялась денацификация Германии. Такая компоновка первого раздела основана на предположении, что именно послевоенная денацификация Германии является наиболее близким и полным аналогом десоветизации в постсоветских странах вообще и Беларуси в первую очередь.

Десоветизация: парадигматика и прагматика

В. Мацкевич

Десоветизация — процесс содержательной и структурной трансформации института власти в обществе, означающий разоформление, деконструкцию, ликвидацию того типа организации институтов власти, который известен в истории как «советская власть», и оформление, конструирование и установление иного типа института власти, например правового государства.

Собственно десоветизация формально может рассматриваться как деинституционализация, то есть как чисто негативное понятие. Обычно политики, мыслители, практики, социологи и философы интересуются позитивным аспектом процесса — институционализацией (по крайней мере, это можно проследить со времен Жана Кальвина и его книги «Institution de la religion Chrestienne», в которой помимо institution — наставления описывалось также и institutionalization — установление христианской церкви как института). История знает ограниченное число прецедентов деинституционализации. Не разворачивая, чисто назывным образом, укажем несколько таких прецедентов:

- секуляризация: тот же Жан Кальвин, занимаясь установлением реформатской церкви в Женеве и Страсбурге, уделяя пристальное внимание позитивному процессу институционализации, на практике занимался деинституционализацией, или секуляризацией полисной структуры Женевы и Страсбурга, также особого внимания может заслуживать секуляризация во время Французской буржуазной революции и в Советской России;
- демонтаж института частной собственности в социалистических странах в Европейской части мира (на Дальний Восток и Среднюю Азию данный прецедент не распространяется);
- денацификация и аналогичные процессы в странах, избавлявшихся от тоталитарных режимов во 2-й половине XX века (Западная Германия, Италия, Испания, Португалия, на страны Латинской Америки, Карибского бассейна и Африки данный прецедент не распространяется).

Естественно, деинституционализация как изолированный процесс может рассматриваться только абстрактно. Социальность не терпит бесформенности примерно так же, как природа не терпит пустоты. Поэтому разоформление, деконструкция или деинституционализация разворачиваются одновременно с оформлением, конструиро-

ванием, институционализацией. Вопрос только в модальности позитивной части этих процессов: осуществляется ли институционализация стихийно или сознательно. Тем не менее, изолированное обсуждение и анализ деинституционализации имеет смысл и самостоятельное значение, поскольку исторический опыт XX века показал, что неуправляемой деинституционализации для некоторых социальных форм не бывает. Тоталитарная, фашистская и коммунистическая формы социальности, будучи более простыми (в теоретико-информационном значении этого слова), являются более живучими и жизнеспособными, нежели современные демократические формы, характерные для открытого общества. Поэтому деинституционализация, в нашем случае десоветизация, не может произойти стихийно и сама собой, а должна проводиться целенаправленно и технично — зная как, «know how». Именно для достижения «знания как» мы и должны разбирать и анализировать десоветизацию отдельно от позитивной части процесса, которую придется рассматривать отдельно, скорее всего, на следующей конференции.

Содержательный анализ десоветизации предполагает описание, конституирование того, что мы должны подвергнуть деконструкции, то есть «советского». «Советское» — достаточно сложный комплексный феномен. Существует огромное множество частных описаний этого феномена. Множественность и частность, может быть, хороши в рамках отдельных предметов и наук, но сильно затрудняют построение практической программы десоветизации. И все же в самом феномене «советского» содержатся определенные подсказки для нас. В частности, в одном из самых устойчивых словосочетаний с прилагательным «советское» — советская власть — указывается на этатизм советского феномена. Этатизм, или гипертрофированность роли государства, в советской социальности позволяет выдвинуть тезис, что разгосударствление можно рассматривать как главнейшую составную часть десоветизации. Даже на уровне здравого смысла понятно, что десоветизация — это ликвидация советской власти. Сложно другое — понять, а в чем же принципиальное отличие советской власти от любой другой, почему мы не можем рассматривать советское государственное устройство в ряду других: например, президентской республики или парламентской. А не можем мы именно потому, что советская власть противопоставляется всем и всяческим формам правового государства, или формам государственности, основанным на приоритете права. Диктатура пролетариата или культ личности, волюнтаризм, авторитарность и директивность не являются временными отклонениями или искажениями советской власти — они суть ее. Советская власть представляет собой разновидность непосредственной демократии (что то же самое, что диктатура охлоса по Аристотелю), когда мнение и решение абсолютного большинства ставятся выше закона, обычая, принципа, нормы и т. п. Это особый тип государственности, который восходит к первобытным формам полисной демократии, известным нам из истории Древней Греции или средневековых городов-государств, находившихся вне влияния Римской империи (и, соответственно, незнакомых с римским правом).

Еще более ранним и характерным предшественником советской власти является «военная демократия», характерная для племен, ведущих агрессивный, завоевательский образ жизни и не достигших стадии государственности. Об этом важно помнить, потому что советская власть не имеет аналогов среди форм государственности, встречающихся в цивилизованном мире после эпохи позднего средневековья. Мы должны отдавать себе отчет в том, что советская власть находится в генетическом родстве не с формами современной государственности, а с такими архаично-атавистическими формами властности, какими являются формы управления в пиратских флотилиях и поселениях и в уголовном мире. Пираты и банды воплощают собой атавизм «военной демократии», являясь клонами племен, находящихся на догосударственной стадии развития и хорошо известных нам по героическому эпосу, начиная с «Илиады» и заканчивая сагами о норманнах. Восхищение эстетикой героического эпоса мешает современным людям обнаружить сходство между отрядом викингов, устанавливающих свою власть на захваченной Сицилии или в Киеве, с ватагой пиратов или разбойников Нового времени и современности. Деяния викингов и разрушителей Трои окутаны героическим ореолом, аналогичные же сюжеты и поведение в современности воспринимаются только в криминальных рамках. Так вот, советская власть и есть распространение до масштабов нации или империи норм и обычаев бандитской ватаги. В силу своей архаичности и простоты советская власть способна к самовоспроизводству, к самовозрождению, как только общество прекращает (или снижает) усилия по поддержанию современного цивилизованного порядка. Поэтому невозможно сравнить десоветизацию как процесс ликвидации некоторого типа государственности с обычной политической реформой в современных государствах (например, с переходом от президентской республики к парламентской — или наоборот). Десоветизация в этом отношении требует гораздо более глубокой деконструкции. При десоветизации невозможно ограничиться переписыванием законов (правовой и поли-

тической реформами), «перетрахиванием» персонального состава (люстрацией) тех или иных властных учреждений. Не отрицая необходимости этого, мы должны усвоить, что десоветизация требует еще и изменения человеческих отношений и человеческих качеств. Понимание этого даже имеется у многих наших современников, но обычно оно оформляется в мистической и магической терминологии, обсуждается изменение сознания или менталитета — как индивидуального, так и массового. Но поскольку на техническом уровне никто не знает и не умеет менять сознание и менталитет, то разговоры о десоветизации моментально скатываются к утопиям и мистике. Наша задача проанализировать феномен «советского» таким образом, чтобы построить на базе этого анализа реалистичные проекты и программы десоветизации.

Итак, мы обозначили один уровень десоветизации — преодоление этатизма. Этатизм органически связан с целым комплексом сходных или близких явлений и процессов. Например, там, где этатизм, там и патернализм, и коллективизм. Если мы рассматриваем патернализм как ментальную характеристику или особенность сознания, то логично приходим к выводу, что работать с этим либо нельзя, либо это работа в рамках психотерапии или мистических практик. Но если мы выйдем на правовой или структурный уровень анализа таких явлений, как этатизм, патернализм, коллективизм, то мы сможем трактовать эти явления как эпифеномены отношений собственности. Тогда преодоление патернализма достигается не гипнозом, а всего лишь передачей ответственности за значимую для человека собственность от государства и коллектива ему лично. И тогда разгосударствление (преодоление этатизма) мы понимаем не как ментальную практику, а как денационализацию собственности, тогда же реальной альтернативой патернализму становится индивидуализация, технически осуществляемая как приватизация, и, соответственно, связанные с приватизацией процессы реституции. Таким образом, рассуждая по аналогии, мы можем и другие аспекты десоветизации рассматривать не на мистическом уровне, а на уровне организации жизни и деятельности людей, понимая при этом, что мы не можем игнорировать ни один из уровней этой самой организации жизни и деятельности.

Поэтому, прекращая рассуждения на примерах и по аналогии, перейдем к структурным описаниям. Нам потребуется структура форм организации жизни и деятельности. На базе этой структуры мы выделим форму советской организации, ее характерные особенности и сможем построить программу разоформления. Двигаясь от общих схем к конкретике, обозначим три наиболее общих уровня, в которых

мы можем описывать формы организации жизни и деятельности (думаю, что схема МД в этих уровнях легко опознается):

1) рационально-эпистемический уровень;
2) коммуникативно-организационный уровень;
3) материально-окказиональный уровень.

На каждом из этих уровней нам придется выделить отдельные процессы и составляющие. Выделяя их, мы можем: руководствоваться существующей предметно-дисциплинарной структурой или отнестись к этому эвристически и креативно, помня о наших целях, и тогда конечный результат будет определяться выбранным нами методом анализа, нашей различительной способностью и ограничиваться только нашей фантазией.

На ***рационально-эпистемическом уровне*** я бы выделил**:**

- идеографический план;
- аксиологический план;
- предметно-дисциплинарный план.

В *идеографическом плане* мы не должны увлекаться и давать волю излишней фантазии и креативности. Нам достаточно сформулировать категориальную пару идей, включающих в себя собственно две идеи — то, что подлежит замене, и то, что заменяет это. Например, десоветизация — беларусизация. В идейном плане, или на идеографическом уровне, возможны дискуссии или идеологическая борьба на базе содержательного наполнения этой самой категориальной пары. Не вдаваясь в анализ ведущихся в беларусском обществе дискуссий, обозначим несколько вариантов (или координат):

десоветизация — беларусизация;
десоветизация — христианизация;
десоветизация — глобализация и т. д.

Иногда в идеологических дискуссиях вместо исходной точки десоветизации принимается идея ликвидации нации или Беларуси как таковой (проблема перхоти радикальным образом решается гильотиной): например, через объединение с другой общностью или включение Беларуси в более широкую общность, в предположении, что формы организации жизни и деятельности более широкой общности буду приоритетными в сравнении с беларусской «совковостью».

В *аксиологическом плане* пространство для работы и творчества гораздо больше, но здесь и наработок много. Можно сказать, что наработано в этом плане даже больше, чем нужно для практики. Ценностный плюрализм современного общества благодаря СМИ доступен и широко распространен. Поэтому проблемы аксиологии решают-

ся не на рациональном уровне, а на уровне организации жизни и деятельности, но на рационально-эпистимическом уровне нам необходимо определиться с подходом к решению аксиологических проблем и выбрать приоритетные практики, через которые мы будем их решать. В качестве подходных идей можно взять «Алгебру совести» Лефевра или идею христианизации, а в качестве практик обязательно необходимо рассматривать педагогику, андрогогику и дидактику, а также различные медиапрактики. Собственно работа с медиапрактиками у нас предусматривается во втором кластере докладов нашей конференции — «Экранные технологии».

Предметно-дисциплинарные аспекты десоветизации можно расписать по традиционным и распространенным дисциплинам:

- политические аспекты десоветизации: политическая реформа государственного правления — разделение властей; административная реформа и т. д.;
- правовые аспекты десоветизации: в этом смысле помимо собственно законотворческой деятельности особое внимание необходимо уделить правоприменительным вопросам;
- экономические аспекты десоветизации: денационализация и приватизация, реституция, ликвидация колхозов, или деколлективизация сельского хозяйства;
- социологические аспекты десоветизации: ретроспективная социология советского общества и широкомасштабная программа исследований переходного общества, возможно, что серьезные исследования потребуют критики и фальсификации существующих социологических теорий;
- культурологические аспекты десоветизации: исследования семантики и семиотики «советского»;
- лингвистический аспект десоветизации: исследование особенностей советского нарратива и дискурса.

На ***коммуникативно-организационном уровне*** необходимо помимо собственно средств массовой информации рассмотреть несколько принципиально важных областей.

Педагогическая сфера коммуникации: общим местом является представление о том, что СМИ сильно мешают педагогике и могут сводить на нет усилия учителей. Однако нельзя закрывать глаза на тот факт, что СМИ не оказывают непосредственного влияния на содержание транслируемых в школах всех уровней идей и знаний. При этом мы не можем однозначно определить, чье влияние на умы подрастающего поколения сильнее — СМИ или всей школы. Это в конечном

итоге определяется тем, что встречает выпускников за пределами школы и вуза, и их рефлексией окружающей жизни и систем деятельности. При консервации архаичных форм жизни и деятельности можно предположить, что влияние школы все же сильнее, особенно если СМИ не проводят организованных кампаний и не имеют программы собственной деятельности, а прячутся за декларативной свободой и плюрализмом. Во всяком случае, в последние десятилетия беларусская школа подтверждает это суждение. Поэтому коммуникация учеников и учителей — как непосредственная, в процессе образования, так и опосредованная, через содержание учебников и рекомендованных для изучения книг, — должна стать предметом особого внимания в программе десоветизации.

Круг чтения: в эпоху перестройки общественные настроения во многом определялись обновленным кругом чтения. На сегодняшний день достижения перестройки в этом отношении утеряны. Я не могу с уверенностью сказать, что круг чтения подвержен каким-то сознательным управляющим воздействиям. Возможно, что эта сфера коммуникации действительно отдана на откуп рыночной конъюнктуре, хотя в это слабо верится. У меня есть подозрение, что определенная часть книг специально «вымывается» из круга чтения, то же самое относится к фильмам и музыке. Было бы интересно проследить, каким образом молодые поколения изолируются от культовых и смыслообразующих произведений эпохи перестройки. Например, на материалах фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние» или книг Гросмана, Домбровского, Оруэлла и т. д.

Круг бытового общения, слухов, сенсаций и т. д.: эта сфера поддается только ограниченному воздействию, но подлежит исследованию и рефлексии.

Профессиональное общение: в профессиональной среде общение, с одной стороны, может напоминать бытовое в силу своей замкнутости или бытийствования в устных формах, но существуют профессиональные журналы, язык директивных документов, темы и сюжеты публичных собраний, встреч, конференций, симпозиумов. До сегодняшнего дня в большинстве профессий эта сфера остается по преимуществу «советской» или советизированной. В первую очередь это относится к силовым профессиям (армия, милиция, КГБ), а также к смежным с ними — таможня, налоговые структуры. То же самое можно сказать о государственных чиновниках всех без исключения уровней, а также о ИТР и служащих на производстве и даже в частном бизнесе. Практически то же самое можно говорить о педагогах, врачах, работниках культуры и журналистах. Может быть, в меньшей степени такое мнение справедливо в отношении научных работников

отдельных специальностей, вузовских преподавателей и работников социальной сферы и общественных организаций.

Отдельного внимания заслуживает *специализированная коммуникация* в сфере PR, дипломатии, трипартистских отношений профсоюзов, нанимателя и государства и прочие переговорные практики. Сама специфика этой коммуникации делает их несоветскими, но коммуникативная компетентность, гуманитарная и правовая грамотность участников коммуникации в этой сфере далеки от удовлетворительного уровня.

С одной стороны, все процессы и аспекты десоветизации на ***материально-окказиональном уровне*** в той или иной степени определяются положением дел на рационально-эпистемическом и коммуникативно-организационном уровнях. Но, с другой стороны, большая часть населения принимает новую реальность только через адаптацию к изменившимся условиям и обстоятельствам жизни, а не через идеи и информацию. Утверждение о том, что бытие определяет сознание, справедливо только в этом отношении. Задача десоветизации на этом уровне распадается на несколько составляющих:

1) доведение разоформления «советского» до зримых и ощутимых форм во всех областях жизни и деятельности;

2) постепенное вовлечение подавляющего большинства взрослого населения в новые отношения по всем значимым для них вопросам жизни и деятельности, преимущественно в повседневности;

3) достижение необратимости произведенных изменений.

Аспекты десоветизации на материально-окказиональном уровне очень многообразны, поэтому я перечислю только те, что лежат на поверхности и затрагивают самые существенные стороны жизни и деятельности. Эти аспекты могут быть классифицированы по типу материала или по содержанию обстоятельств жизни и деятельности (оказий).

1) Знаки и символы. В отношении знаков и символов десоветизация принимает форму семиотической экологии. Степень радикализма и граница допустимого определяются в этом отношении только двумя факторами — глубиной советизации и требующейся скоростью десоветизации. Вопросы «разрушать или не разрушать памятники? исправлять или не исправлять имена?» сообразуются только с этими факторами. Можно вспомнить, что решавшие аналогичные по размерам задачи якобинцы и большевики доходили в секуляризации до переименования месяцев и дней недели и даже до изменения структуры недели.

2) Люди. Ключевым процессом десоветизации по отношению к людям (и наиболее пугающим филистеров) является люстрация.

Именно в силу своей радикальности и пугающего характера люстрация ни в одной постсоветской стране не была доведена до конца. Тем не менее, без люстрации десоветизация невозможна. Разновидностью люстрации является нострификация ученых степеней и званий. Не может человек признаваться ученым, если вместо поиска истины он занимался идеологическим обоснованием «советского» и получил за это соответствующие псевдоученые звание и степень. Люстрация и нострификация не могут быть ограничены только приданием гласности имен запятнавших себя одиозным сотрудничеством с советской властью. Запрет на профессию является необходимой точкой в проведении люстрации и нострификации. Иное дело — временные и типодеятельностные обстоятельства запрета на профессию. Можно запретить бывшим коммунистам избираться в депутаты на одни выборы или до конца жизни, можно ограничить запрет на профессию несколькими годами и только отдельными должностями или даже учреждениями.

3) Деловые и производственные отношения. В отношении этого материала десоветизация проводится, наверное, наиболее успешно. Еще в СССР через внедрение хозрасчета с последующим переходом к рыночным формам началась эрозия советских деловых и производственных отношений. Суть перехода от советских деловых и производственных отношений к рыночным состоит в изменении структуры целеполагания. Цели бизнеса и производства формируются сферой потребления, тогда как цели советского производства и всей системы деловых отношений формулировались в зависимости от функционирования самого производства. Но есть один аспект деловых и производственных отношений, который сам по себе не устраняется переходом на рыночные отношения. Речь идет о коррупции. Такая специфически советская разновидность коррупции, как блат, легко заменяется коррупцией, характерной для рыночных отношений. При этом если этот аспект специально не контролируется, то коррупция принимает совершенно угрожающие размеры. Бытующие в сегодняшней Беларуси формы коррупции представляют собой гибрид советского блата и рыночного протекционизма. В наших условиях эффективная борьба с коррупцией может вестись только в рамке десоветизации.

4) Знание. Работа с этим материалом предполагает такие непопулярные действия, как переписывание истории. Вряд ли санация знания необходима в химии или математике, но в гуманитарных дисциплинах без нее обойтись невозможно. Мы совершенно загубим санацию в знаниевой сфере, если будем рассматривать ее как идеологическую борьбу и противостояние (об этом я говорил выше, обсуждая идеографические аспекты десоветизации). Эта работа должна но-

сить чисто конструктивистский практический характер — переписывание книг, входящих в число самых читаемых и употребляемых, в первую очередь учебников и детских книг, а также написание комментариев, сносок и примечаний к авторским книгам (художественная литература и научные труды).

5) Сознание и совесть. Про работу с этим материалом можно сказать одним словом — покаяние. Но это принципиальная и завершающая часть десоветизации. Мы должна принять на себя ответственность за все «советское» и пообещать, в первую очередь самим себе, никогда к этому не возвращаться. Уловки и увиливание могут состоять в том, чтобы взвалить ответственность за преступления и ошибки советской власти на кого-то другого, например на оккупантов или на русских. Если мы пойдем по этому пути, если мы просто не признаем, проигнорируем преступления и ошибки советской власти, мы не избавимся от «советского» в себе, в беларусах, в нации.

Я не могу претендовать на полноту описания содержания и структуры десоветизации. В той или иной степени я обозначил топику или парадигму того, что я понимаю под десоветизацией. Обсуждая отдельные аспекты, я также касался того, зачем и для чего десоветизация нужна, то есть ее прагматики. За пределами данного текста остались вопросы собственно технологии, того, как и каким образом десоветизацию проводить. Однако частично вопросы технологии я буду поднимать в другом своем докладе во втором кластере докладов нашей конференции, где речь пойдет об экранных технологиях в рамке десоветизации. В целом же технологические аспекты я считаю целесообразным обсудить на следующей конференции, темой которой стала бы позитивная часть общего процесса в паре «деинституционализация — институционализация». Но для того чтобы организовать следующую конференцию с формальной темой «институционализация», мы должны определиться с содержательным наполнением. Одно дело — если мы определимся с тем, что логическим продолжением десоветизации Беларуси будет беларусизация всех сторон и аспектов организации жизни и деятельности людей, тогда тема следующей конференции будет «Беларусизация», или, может быть, христианизация, или что-то из этого разряда, скажем, более размытое — вестернизация или европеизация. Другое дело — если мы не сможем об этом договориться. Правда, если мы не договоримся о позитивной части двуединого процесса «деинституционализация — институционализация», мы не сможем реализовать и негативную. Чтобы проводить десоветизацию, мало знать, от чего мы уходим, нужно иметь сколько-нибудь отчетливое представление о том, куда мы идем.

Изменение и смена политической системы: примеры из немецкой истории (1945 и 1990 гг.)[1]

В. Борхардт

В рамках дискуссий о возможных общественных переменах в Беларуси имеет смысл познакомиться с историческим опытом других стран. Данный текст посвящен некоторым аспектам изменения и смены политической системы в Германии после Второй мировой войны. При этом в центре внимания находится вопрос об обращении с лицами, занимавшими ответственные посты в системах, подвергнутых коренным изменениям.

Предварительное замечание

После 1945 года народу Германии пришлось дважды пережить основательную ломку общественной системы: в 1945 году происходило преодоление последствий национал-социализма, а в 1990 году — ликвидация социалистической системы в бывшей ГДР. Оба этих процесса связывает общее и различное. В то время как на территории западных оккупационных зон и позднее ФРГ существенные части экономической, социальной и культурной системы были сохранены, населению советской зоны оккупации, в последующем гражданам ГДР, пришлось дважды пережить глубочайшие изменения практически во всех сферах общественной жизни и политического устройства общества. Что касается ФРГ, то мы можем говорить о всестороннем изменении системы общественных отношений, для ГДР же адекватным понятием будет смена политической системы. Попытки унифицированного описания этих процессов трансформации, опирающиеся лишь на теорию тоталитаризма, не могут быть успешными вследствие очень разных предпосылок и наполнения самих процессов.

Основания политической реформы после национал-социализма

Безоговорочная капитуляция немецкого вермахта 8 мая 1945 года привела не только к окончанию Второй мировой войны, но и к окончательному краху национал-социалистской системы. Ещё в ходе войны союзники по антигитлеровской коалиции договорились о том, что Гер-

[1] Перевод с немецкого: Сергей Лабода.

мания должна быть оккупирована и в дальнейшем управляться державами-победительницами. Подавляющее большинство немцев приветствовали окончание войны — хотя бы и незримо связанное с военным поражением. Начавшийся затем процесс реформирования политической системы многими немцами воспринимался как процесс изменений в интересах оккупационных властей и в меньшей степени как основание для необходимого начала новой жизни, так как немецкие политики принимали в нем незначительное участие. С одной стороны, это часто вело к скепсису и предубеждению в отношении структурных мероприятий, проводившихся оккупационными властями, а с другой — к проявлению сочувствия к тем немцам, которых затронули негативные последствия решений военной администрации. Реформирование системы поначалу воспринималось как мероприятие держав-победительниц и находило поддержку в послевоенной Германии лишь тогда, когда оно оказывало позитивное влияние на условия жизни людей.

Державы-победительницы ещё в ходе войны неоднократно вели переговоры о возможн ых планах и концепциях политической реформы в Германии и наказании лиц, ответственных за преступления национал-социализма, однако представления немецкой эмиграции о начале новой жизни, особенно о проведении политической чистки после национал-социализма, не оказывали существенного влияния на реальную политику оккупационных властей. Уже в феврале 1945 года на Ялтинской конференции, где определились основные черты оккупационной политики, было заявлено: «Наше непреклонное намерение — уничтожить немецкий милитаризм и нацизм и создать гарантии того, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир во всем мире; <...> подвергнуть всех военных преступников справедливому и быстрому наказанию; <...> искоренить нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; удалить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, культурной жизни и экономики немецкого народа» [4, с. 184]. Этот общий принцип должен был претворяться в политическую практику во время и особенно сразу же после постепенного захвата Германии. Значительная часть этих планов была реализована в рамках процесса, получившего название «денацификация».

На начальном этапе этого процесса применялся так называемый «автоматический арест». В результате примерно 200 тыс. нацистских функционеров и активистов были арестованы, отправлены в тюрьмы и лагеря для интернированных лиц. Сначала интернировались члены самых важных национал-социалистских организаций, участвовавших в преступлениях, таких, как SS, гестапо, руководство НСДАП и

других организаций, которые Нюрнбергским военным трибуналом были названы преступными. К этим цифрам в первый послевоенный год добавились примерно 150 тыс. чиновников и членов общественных организаций, а также около 70 тыс. человек из сферы экономики и торговли, которые в большинстве случаев были сняты со руководящих постов [3, с. 30]. К началу 1947 года число арестованных в западных зонах оккупации уменьшилось вдвое, в то время как в советской оккупационной зоне интернирование затянулось на значительно большие сроки.

В различных директивах оккупационные власти сразу же после принятия ими политической ответственности в своих зонах оккупации сформулировали позицию по отношению к политической чистке. Так, например, в директиве JCS 1067 от 26 апреля 1945 года американских оккупационных властей говорилось: «Контрольный совет должен издать декрет, распускающий нацистскую партию, её отделения, близкие к ней общественные организации и другие подчиненные структуры и все общественные нацистские учреждения, которые являлись инструментами партийного господства, и запрещающий ее восстановление в любой форме. <...> Все члены нацистской партии, которые не только номинально были задействованы в её деятельности, все, кто активно поддерживал нацизм или милитаризм, и все другие лица, которые проявляли враждебность к действиям союзников, должны быть исключены и удалены из общественных учреждений и с самых важных постов общественных и частных предприятий» [1, с. 99]. В 1945 году соответствующие декларации были приняты: в британской зоне оккупации — в марте, в советской — в июле, во французской — в августе. Контрольный совет союзников в директиве от 12 января 1946 года поддержал это основополагающее направление деятельности всех оккупационных властей. После того, как и Потсдамская конференция подтвердила намерение наказывать ответственных лиц нацизма и исключать их из общественной жизни, процесс политической чистки осуществлялся в отдельных зонах оккупации в форме различных предписаний и законов. В качестве примера можно привести закон номер 104 «Об освобождении от национал-социализма и милитаризма» от 5 марта 1946 года, принятый в американской оккупационной зоне. В нем сформулирован принцип: «Виновный привлекается к ответственности. Одновременно каждому дается возможность для оправдания. <...> Индивидуальный приговор выносится с учетом справедливого соотнесения личной ответственности и фактического деяния; затем через четкую систему градации определяется масштаб искупления и исключения из участия в общественной, экономической и

культурной жизни народа с целью устранения влияния национал-социалистских и милитаристских взглядов и идей на длительный срок» [1, с. 263].

Денацификация

Так как сами концепции денацификации в отдельных оккупационных зонах были различны, то и практика их реализации в каждой зоне оккупации различалась. Уже при проведении «автоматического ареста» стало очевидным, что, например, в американской зоне к арестам подходили очень формально, то есть арестовывали на основании принадлежности к нацистским организациям и занимаемых в них постов. В советской оккупационной зоне «автоматический арест» сам по себе являлся инструментом структурных изменений с целью установления нового порядка. На практике это означало, что если, например, многие лица в случае скорее формального образа действий американской оккупационной власти могли избежать ареста, то в советской оккупационной зоне они должны были ожидать, что их могут привлечь к ответственности.

Успешная денацификация не могла проводиться оккупационными властями в одиночку: необходимо было сотрудничество немецких антифашистов. При этом оказалось исключительно трудным привлечь подходящих людей в заново созданные структуры, которые должны были проводить денацификацию. Это объяснялось не только тем, что многие немцы, которых можно было бы принять в расчет для этой работы, скорее предпочитали вести себя более лояльно по отношению к своим немецким согражданам, чем к оккупационной власти. Убежденных антифашистов, которые приветствовали крушение национал-социализма как освобождение, невозможно было найти в большом числе: многие из антифашистских политических деятелей времён до национал-социализма были или уже слишком стары, или не в состоянии активно действовать вследствие пребывания в тюрьмах и лагерях. Возвращающиеся эмигранты также не сразу поступали в распоряжение оккупационных властей. Тем не менее, во всех оккупационных зонах были образованы комиссии, в которых сведущие местные немцы в сотрудничестве и под руководством оккупационных властей проводили денацификацию на практике. Для этого, например, всем совершеннолетним немцам военной администрацией было предписано заполнить анкеты, в которых должна была даваться справка о членстве и сотрудничестве в национал-социалистских организациях или такого рода учреждениях, которые имели значение для

реализации целей национал-социалистской политики. На основании этих анкет затем проводился непосредственно процесс денацификации. Подвергшиеся проверке лица делились по степени вины на 5 формальных категорий:

1) главные виновники (как правило, члены таких названных преступными организаций, как SS, гестапо, политическое руководство НСДАП);

2) виновные (активисты национал-социализма, военные, те, кто извлекал выгоду из национал-социалистской системы);

3) минимально виновные;

4) попутчики;

5) невиновные.

В качестве наказания к виновным лицам применялись следующие меры:

- отправка в исправительно-трудовой лагерь;
- конфискация имущества (целиком или частично);
- запрет заниматься деятельностью по специальности;
- запрет занимать посты в общественных организациях.

Однако довольно быстро стало очевидным, что очень сложно всех активистов, а также извлекших пользу и сочувствующих национал-социализму привлечь к ответственности. В частности, в американской оккупационной зоне с течением времени стали мене строго относиться к распределению по категориям, даже появилось выражение в этой связи — «фабрика попутчиков». Таким образом, например, в отношении американской оккупационной зоны с полным основанием можно констатировать, что статистический баланс денацификации стал «балансом великодушной реабилитации» [1, с. 23]. До конца 1949 года в результате рассмотрения здесь приблизительно 950 тыс. дел 1 654 человека были причислены к первой группе «главных виновников» и 22 122 — ко второй группе «виновных». 106 422 человека в качестве «минимально виновных» были определены в третью группу. В британской оккупационной зоне, по данным Федерального министерства внутренних дел, на 28 февраля 1950 года были обработаны дела 2 410 тыс. человек, из них 1,3 % были отнесены к третьей группе «минимально виновных», 10,9 % считались «попутчиками» и 58,4 % — «невиновными». Во французской зоне рассмотрено 669 068 случаев: лишь 13 человек классифицировано как «главные виновники», 938 — как «виновные», 16 826 — как «минимально виновные». Что касается советской оккупационной зоны, то данные для сравнения не полны. До марта 1948 года комиссии по денацификации в советской зоне оккупа-

ции вынесли решения в целом только по 155 864 случаям, но точной статистики результатов рассмотрения этих дел не существует. Мы знаем лишь, что, начиная с августа 1947 года, среди общего числа проверенных лиц 53,4 % были классифицированы как «попутчики» и то, что в целом из примерно 1,5 млн членов НСДАП, в 1945 году проживавших на территории советской зоны оккупации, около 200 тыс. человек были освобождены от занимаемых должностей [1, с. 24].

Попытка обширной денацификации общественной жизни и важных областей экономики и управления потерпела в результате неудачу. Это подтверждается и тем фактом, что большинство бывших национал-социалистов относительно быстро снова были интегрированы в общество. Упомянем только один пример: в земле Гессен в 1945 году 34 % сотрудников общественных учреждений были уволены. В середине 1949 года почти все из них (за исключением 2 %) были реабилитированы и восстановлены на своих рабочих местах.

Изменение системы

Немецкий пример обвинения и осуждения нацистских преступников и политической чистки государства и экономики наглядно демонстрирует, насколько сложно преодолеть те трудности, которые возникают при попытке поставить политическую систему, в которую были вовлечены почти все политические и экономические элиты страны и которой была охвачена большая часть населения, на новый фундамент. Тем не менее, исходя из немецкого опыта, не следует отказываться от соответствующих мероприятий. Однако нельзя переоценивать их масштаб и результативность. Более важную роль, возможно, играют структурные изменения, призванные стать основанием для установления новой политической и социальной системы. Важными элементами системных реформ в западных оккупационных зонах Германии, наряду с внешнеполитическими факторами, являлись: постепенное восстановление старых и создание новых политических партий, новой системы управления в федеральных землях, улучшение уровня жизни населения в ходе экономического возрождения.

Факторы успеха системных реформ в ФРГ

Следует назвать два главных фактора успеха системных реформ в ФРГ: быструю экономическую «оттепель» с последующим «экономическим чудом», которое привело западных немцев в общество всеобщего благоденствия, а также политическую и культурную интеграцию со странами Запада.

Быстрое — для многих непостижимо быстрое — преодоление экономических проблем послевоенного времени основывалось на валютно-финансовой реформе 1948 года и финансовой помощи западногерманской экономике по плану Маршалла. Ещё до провозглашения Федеративной Республики Германии ощутимо улучшилась жизнь людей. Стремительные темпы роста немецкой экономики в 1950-х годах и связанный с ними постоянный рост уровня жизни в Западной Германии способствовали принятию населением устанавливаемой новой политической системы. Никто не спросил западных немцев, хотели ли они иметь эту систему. Оккупационные власти приняли решение: на западе Германии должна быть построена парламентская демократия. Немцы, не имевшие иного опыта демократической системы, кроме трудных неполных четырнадцати лет первой немецкой демократии, согласились с новым политическим устройством общества, так как ощутили его материальные преимущества. Растущее благосостояние закладывало фундамент для повышения уровня политической стабильности и исключало сомнения в отношении принятия гражданами Германии новых общественно-политических рамочных условий.

Вовлечение ФРГ в ведомую Соединенными Штатами западную систему через договор 1952 года, Парижские договоры 1954 года и участие в основании Европейского экономического сообщества в 1957 году создавали не только внешнюю рамку для развития ФРГ в направлении демократического, поддерживаемого подавляющим большинством граждан, государства, но и одновременно способствовали процессу постепенного изменения общественных ценностей, отказу от националистических, реваншистских и милитаристских традиций. Система демократических ценностей и норм, на которую во многом оказал влияние пример США, смогла укорениться и развиваться на основе позитивного экономического роста со средними темпами более чем 6 % в год и обеспечивалась надежными рамками внешнего сотрудничества.

Из исторического опыта времен образования и становления ФРГ были сделаны соответствующие выводы: в процессе смены политической системы после краха ГДР большинству мероприятий по привлечению к ответственности и чисткам не придавалось первоочередного значения с точки зрения проведения успешных системных изменений.

Проблемные вопросы смены системы в ГДР

Германская Демократическая Республика была образована после Второй мировой войны советскими оккупационными властями, которые руководствовались при этом основаниями и принципами государственно-социалистической системы Советского Союза. Советская военная администрация в Германии изначально не ставила перед собой целью создание собственной политической системы. Но возрастающие притязания, в частности, американских оккупационных властей и начинающаяся «холодная война» создали ситуацию, в которой учреждение государства в соответствии с советскими принципами рассматривалось как немаловажный результат Второй мировой войны, связанной с многочисленными жертвами. Восприятие роли и действий советской оккупационной администрации немецким населением отличалось по существенным позициям от восприятия действий других держав-победительниц. Советский Союз, который испытал на себе основные тяготы начатой национал-социалистами войны, воспринимался как более «чужой», чем западные оккупационные власти. Одновременно многие немцы во время захвата страны Красной Армией получили опыт, который делал невозможным положительное отношение к ней. Не нужно недооценивать также эффект национал-социалистской пропаганды, которая изображала «большевиков» как зверей-недочеловеков. В советской оккупационной зоне проживало не очень много людей, имевших социалистические или коммунистические убеждения еще до прихода к власти национал-социализма, и которые поэтому положительно относились к советским оккупационным властям. Поэтому не удивительно, что описанное выше противоречивое, напряженное отношение к оккупационным властям, обусловленное вынужденным подчинением им и одновременно сочувствием к немецким землякам, усугублялось в советской оккупационной зоне. Неприкрытая в сравнении с западной стороной политика всестороннего структурного переворота в стране еще больше обостряла эту ситуацию.

Одновременно отсутствовали положительные факторы интеграции, которые на западе Германии стали проявляться уже в 1948 году. Экономическую структуру советской оккупационной зоны невозможно было сравнивать со структурой западных оккупационных зон. Даже во времена уже устоявшейся ГДР, по сегодняшним свидетельствам очевидцев, ее плановая система экономики «была нежизнеспособна в качестве независимого экономического организма» и ее «привязка к СССР была основой существования» [5, с. 157].

Однако Советский Союз посчитал необходимым возместить тяжелые материальные потери, понесенные в ходе войны, через репарации и еще больше ослабил и так уже слабую экономическую инфраструктуру в своей оккупационной зоне. Тем самым были созданы значительно худшие стартовые условия для экономического начала новой жизни. Ослабление экономической инфраструктуры через репарации, отсутствие финансовой помощи для восстановительных работ и постоянная миграция рабочих рук на Запад были плохими предпосылками для строительства новой социалистической экономической системы. Конкуренция систем, в частности с ФРГ, сделала эту ситуацию еще более напряженной. Какую бы фазу истории ГДР мы ни взяли, этому государству так и не удалось достичь поддержки большей части граждан. Взгляд на Запад, где экономическое и общественное развитие с невероятной скоростью вело к постоянному улучшению условий жизни людей, не давал многим ощутить скромные успехи социалистического строительства в ГДР. Так как у населения ГДР не спрашивали, хотело ли оно иметь социалистическую общественную систему, то также отсутствовали и положительные факторы, которые облегчали бы самоидентификацию большей части граждан с новым государством. Антифашистский характер нового государства, который положительно воспринимался многими интеллектуалами, очень скоро был смазан всё возрастающим преследованием инакомыслящих не только со стороны советских оккупационных властей, но и, даже еще в большем объеме, со стороны органов власти ГДР. Только благодаря ощутимой экономической поддержке, которую стал оказывать в 1960-х годах СССР, и военному присутствию бывших оккупационных властей ГДР могла гарантировать основы своего существования.

Предпосылки для смены системы спустя 40 лет существования ГДР

Отсутствие реальной поддержки государственно-социалистической общественной системы населением ГДР (хотя в партии СЕПГ насчитывалось 2,4 млн членов) явилось существенной предпосылкой для смены системы спустя 40 лет после основания этого государства. Системная конкуренция с ФРГ и частично проблемы социалистической экономической системы, к возникновению которых приложило руку само государство, снова и снова приводили к трудностям в снабжении населения самым необходимым и к проявлению им недовольства. Все это обусловило внутреннюю готовность к изменениям. Социально-политические амбиции ГДР, почти не отразившиеся на экономике, не находили должной поддержки в сознании граждан ГДР.

Однако все эти внутренние факторы не обязательно привели бы к крушению старой системы. Этому способствовали изменения в международной обстановке: в ходе проводившейся М. Горбачевым политики гласности и перестройки внутренние связи в системе социалистических стран начали ослабевать, и стало очевидным, что вся система по политическим и экономическим причинам больше не имеет никакой перспективы. Назрела необходимость в трансформации, которая должна была принести с собой основополагающие изменения в направлении рыночной экономики. Политическое руководство ГДР отказалось от такой схемы развития, ибо она ставила под угрозу его собственное существование. Население ГДР восприняло эту позицию как очередное доказательство того, что политическое руководство потеряло контакт с народом и действует не в его интересах.

Осуществление смены системы

В мае 1989 года Венгерская Народная Республика открыла свою границу с Австрией и тем самым пробила брешь в «железном занавесе», что привело к массовым бегствам из ГДР и к крушению старой системы. До этого в моменты кризиса ГДР-овской системы Советский Союз вмешивался в ситуацию при помощи военных средств, но Михаил Горбачев во время своего государственного визита по поводу 40-летней годовщины ГДР в октябре 1989 года заявил, что на этот раз Советский Союз не будет вмешиваться во внутренние дела ГДР. Это заявление было воспринято как решающий сигнал к действию готовыми к переменам силами в ГДР. Большинство из них поначалу вовсе и не задумывалось о полной смене системы и присоединении к ФРГ, а имели целью преобразование ГДР в демократическое социалистическое государство. Когда слабость существующей системы стала стремительно проявляться в ходе дискуссий с быстро развивающейся политической оппозицией, все больше людей начали участвовать в демонстрациях протеста. При этом изменялись цели этих демонстраций. Лозунг «Мы — народ» трансформировался в лозунг «Мы — один народ». Политическое руководство ГДР находится под все большим давлением и 9 ноября 1989 года пытается перехватить инициативу в свои руки. Однако произошедшее в этой связи открытие границы, а также отставка старой гвардии руководства ГДР, только придали динамики силам, стремившимся к общественным переменам.

Уже в конце 1989 года стало очевидным, что ГДР дальше не может существовать, а объединение с ФРГ — лишь вопрос времени. Не было сюрпризом, что переговоры между обоими немецкими государствами об оформлении немецкого единства велись не с целью создания нового государства, а с целью присоединении земель ГДР к ФРГ. В двухстороннем немецком государственном договоре от 1 июля 1990 года почти все элементы общественной системы ГДР заменялись соответствующими элементами общественной системы ФРГ. Подписанный обоими немецкими государствами и четырьмя державами — победительницами во Второй мировой войне договор по принципу «2 + 4» предоставлял внешнеполитические гарантии новому государственному образованию. При этом смена системы произошла в захватывающем дух темпе, без ощутимого сопротивления со стороны старой системы. Впоследствии в процессе объединения возникли серьезные проблемы и «Ost-строительство» проходило существенно медленнее, чем на это надеялись бывшие граждане ГДР и обещали политики, но все серьезные проблемы и трудности не привели к пересмотру или принципиальным сомнениям по поводу осуществленной смены политической системы.

Политическая чистка, или Переработка прошлого в ГДР

Совсем иначе, чем после краха национал-социализма, была предпринята попытка подвергнуть всех совершеннолетних граждан ГДР процессу политической чистки после кончины государственно-социалистической системы ГДР. Ограничились лишь привлечением к ответственности лиц, которые принимали политические решения и несли ответственность за преступления и преследование инакомыслящих, а также солдат-пограничников. Согласно подсчетам руководителя мемориала жертв штази «Берлин-Хоеншёнхаузен», Хубертуса Кнабе, было заведено около 62 тыс. дел, но почти 58 тыс. из них были прекращены [2]. То есть более 99 % из числа всех первоначально обвинявшихся избежали наказания. Только менее 1 % действительно оказались в тюрьме — и то в большинстве случаев на короткое время. Все же следует констатировать, что членам политбюро СЕПГ и виновным солдатам-пограничникам не удалось избежать наказания.

Резюме

Изменение и смена политической системы в Германии, которые происходили по окончании Второй мировой войны и после крушения ГДР, сложно сравнивать друг с другом. В то время как в первом случае реформирование системы в западных зонах оккупации изначаль-

но было произведено по инициативе оккупационных властей и только затем получило дополнительную поддержку со стороны затронутых ею граждан, смена политической системы ГДР и ее присоединение к ФРГ представляли собой открытый, поддержанный большинством населения ГДР процесс, проблемные последствия которого обнаружились позже. Большинство опросов общественного мнения, вопреки всем трудностям в новых федеральных землях, и сегодня указывают на устойчивое позитивное отношение к объединению Германии. Вместо радикальной политической чистки, попытка которой не совсем успешно была предпринята после Второй мировой войны, в случае бывшей ГДР усилия были сконцентрированы на дифференцированной переработке прошлого ГДР благодаря работам историков, политологов и других представителей социальных наук. Результатам этих исследований еще не могут быть даны окончательные оценки. Может ли в связи с этим немецкий опыт иметь значение для дискуссии о процессах трансформации в Беларуси, покажет обсуждение в рамках этой конференции.

Литература:

1. Entnazifizierung: Politische Säuberung und Rehabilitierung in den vier Besatzungszonen 1945—1949. — München: Dt. Taschenbuch-Verl., 1991. — 359 s.
2. Goslarsche Zeitung. — 15.08.2007.
3. Reichel P. Vergangenheitsbewaeltigung in Deutschland: Die Auseinandersetzung mit der NS-Diktatur von 1945 bis heute / Peter Reichel. — Munich: Verlag C. H. Beck, 2001. — 253 p.
4. Teheran, Jalta, Potsdam. Die sowjetischen Protokolle von den Kriegskonferenzen der «Großen Drei» / Hrsg. und eingel. von Alexander Fischer. — Köln: Verl. Wissenschaft und Politik, 1968. — 414 s.
5. Wenzel S. Was kostet die Wiedervereinigung? Und wer muß sie bezahlen? Stand und Perspektiven / Siegfried Wenzel. — Erschienen: Berlin: Das Neue Berlin, 2003. — 256 s.

Десоветизация: Смысл, стратегии, поле приложения[1]

Н. Семенов

Два предварительных тезиса. Для бывших «советских людей» тема десоветизации включена в поиск новой самоидентичности: без выполнения этой работы (которая, таким образом, обретает не негативный, а позитивный смысл) они не могут обрести этой новой самоидентичности, а без нее, в свою очередь, не смогут войти в нынешний мир на условиях полноценного признания. Поэтому «советское» в них (в нас) нуждается не в проклятии (обратной стороной которого обычно является пагубное пристрастие), а в своего рода оплакивании. Это условие отпускания отношений, которые объективно изжили себя, хотя субъективно мы все еще в той или иной степени, сознательно или бессознательно, держимся за них. Самоидентификация — рефлексивное достижение, и именно с рефлексивным проектом самости связаны инновации в нашей личной жизни. А поскольку самоидентичность является результатом рефлексивно организованного стремления, то быть рефлексивным — вот требование, которое значит — стремиться к развитию «рефлексивного общества». Тема десоветизации в европейском контексте может отсылать нас к такому историческому прецеденту, как осуществленная в послевоенной Германии денацификация. Но следует заметить, что этот опыт был реализован в совершенно иных условиях и при иных обстоятельствах; сам контекст был радикально иным, и мы не можем просто заимствовать средства, методы и стратегию этого опыта применительно к нынешним задачам, ибо и задачи — другие.

Исходя из трех базовых функций рефлексии (исследовательской, критической и нормативной), мы должны сначала обратиться к реконструкции уже осуществленной социальной практики, выявив те затруднения, которые вызвали объективную потребность «десоветизации». Лишь на втором шаге мы можем заняться обнаружением — в процессе критики — причин этих затруднений. Нормативная же рефлексия связана с переосмыслением (перестройкой) всего нормативного базиса практики. Формант «де» в слове «десоветизация» имеет смысл негации. Тем самым он также находится в некоторой зависимости от ряда таких понятий, как «советский», «советское», «homo soveticus», «совок», «особечивание», «советизация» и т. п. Но это

---

[1] Материалы опубликованы в журнале «Палітычная сфера”, 2007, № 9.

отнюдь не гегелевская негативность. «Десоветизация» не поддается прямому отождествлению ни с гегелевским снятием, ни просто с деструкцией, ни с деконструкцией. В само по себе это слово еще никак не встроена, не вписана стратегия преодоления (отстранения, упразднения, разрушения, разборки) того, что именуют «советским». Одновременно сама логика хронологии «досоветское — советское — постсоветское» что-то нам подспудно навязывает и, следовательно, должна быть рефлексивно выявлена.

Итак, десоветизация предполагает определенное видение советского, понимание его «сути» и его «очевидностей», но равно и полное осознание невозможности жить дальше этими «очевидностями». Это значит, что за знаками и символами «советского человека» больше нет ничего, что воодушевляло бы этот род существования. Переживания, вызванные воспоминанием, остаются, но «душа советского человека» мертва. Представления сохраняют силу инерции, но «идеология» больше не способна мыслить или хотя бы более или менее убедительно имитировать мышление. Возможно, нам необходимо великодушие — его всегда не хватает непримиримому осуждению и проклятию, которые не желают понимать иное, чужое время. Здесь можно вспомнить слова М. Мамардашвили из «Лекций о Прусте»: «Только великодушие может вместить, то есть душа, равная тому миру, какой есть» [3, с. 165]; великодушие как способность быть среди других и, не будучи ими, вместить их в своей душе (а не просто исторгнуть, подчеркнув свою непричастность). В то же время «советское» обнаруживает себя как то, что больше не может быть пространством нашей реализации — ни личной, ни совместной. А десоветизация — это лишь переход, закон перехода в пространство новой осуществимости. Но даже не «новое» здесь является главной характеристикой: суть связана с нашим ответствованием бытию. Мы ответственны быть иначе.

Божества — пафосы — смыслы. Мы не можем жить без божеств, потому что без этого у нас нет самой структуры желания. Божества воплощают совершенное, абсолютное, запредельное и сокровенное. Но божества советского мира мертвы, и в отношении него больше невозможна живая структура желания (только социальное некрофильство). Поэтому — вопреки заявленному выше великодушию — его в принципе невозможно осмыслить «участливым пониманием»: мертв сам его смысл. Ведь если верить уже цитированному автору, «смыслы мы увидим, если у нас есть пафосы, если у нас есть божества. А пафосы и божества обозначают ситуацию желания» [3, с. 221]. Тем самым повторяющиеся следы советского есть буквально «знаки смерти», которая состоялась, но не нашла места погребения — и остановилась на нас и в нас, как тяжкие оковы, мешающие стремительности, дерзновению, полету жизни. И эти «знаки смерти» действуют автоматически — и мы в них, около них умираем по отношению к самим себе. Но можно сказать и так: «советское» не хочет умереть и не может жить, одновременно оно не может (так просто) умереть и не хочет (иначе и на новых основаниях) жить.

Все это, разумеется, лишь поэтические экзерсисы (хотя кто же станет отрицать значимость особой эстетической рефлексии). Однако этимология слова «совет» намекает на некий «свет», брошенный на тебя, посланный, дарованный тебе. И одновременно оно говорит о «со-ведании», совете-совещании. Это уже не совет как послание, а Совет как некий объединенный орган, центр руководства, причем коллективного, а значит, и коллективной ответственности (Советы; общее, обобществленное, деперсонализированное). И правящие здесь «очевидности», которые навязывались и утверждались, привели в конце концов к знаменитому в свое время тезису «советский народ — новая историческая общность». Таким образом, понятие «советского» говорит одновременно и об инстанции, руководящем центре, и о процессе (советский — непрекращающийся процесс совместности-советования) и законе совместного существования, и об индивидуальном свойстве (я — советский человек), и о качестве (ценность которого определяюща, достаточно вспомнить хотя бы стихи В. Маяковского о советском паспорте). «Советский» — это не господин, не пан, не джентльмен, это — «товарищ» (слово, лишенное пола), а коммунизм — это эсхатология советского человека.

И что же? Советское разрушено, рассеялось, ушло? Лишь два примера из нашей повседневной жизни. «Советская Беларусь» — и сегодня у нас самая читаемая газета; будучи самой официозной и пропагандистской, она, тем не менее, почитается в качестве образцовой в смысле «профессионализма» и «объективности». Недавний День независимости был проведен в Беларуси по старым советским образцам. На параде и «народном шествии» доминировало обращение «товарищ», особенно забавно было слышать обращение командующего парадом: «товарищ президент». Знаки советского, то явно, то скрыто, кажется, рассеяны едва ли не повсюду. Не это ли дает неугомонным критикам повод продолжить разговор о десоветизации (а заодно и о ресоветизации и даже рассовечивании)? Стоит задуматься не только о смысле самого понятия «советский» и причинах его живучести, но и о смысле самого этого разговора.

Черты советскости опознаваемы в государственно-бюрократической машине, псевдозападном парламентаризме, самом функциониро-

вании политического поля, в экономике, культурно-символическом пространстве, образовании, общественном мнении, в самом языке и стиле, манере публичных выступлений и заявлений. Что делает «советское» после советского? Дегенерирует или, напротив, неким образом «возрождается», воплощаясь в том, что его «уважительно отклоняет». «Советское» в доминанте, но может быть и в рецессиве. Можно было бы сказать, что «советское» после советского может следовать четырем стратегиям выживания: прямая дегенерация (жить, так сказать, дегенеративно, ведь главное — «жить»); мимикрия; паразитирование в чем-то и на чем-то ином; рассеивание до неузнаваемости. Значит, «десоветизация» должна была бы затронуть все эти четыре линии выживания «советского» после советского, а не сводиться к той популярной демонстрации, когда все, что прежде воспринималось положительно, получает негативную оценку, и наоборот. Действительно ли завершен демонтаж советской системы? Ее быстрое и громогласное крушение может создать опасную иллюзию столь же быстрой, радикальной десоветизации всех сфер социальной жизни. Но разве мы не наблюдаем попыток в тех или иных вариантах соединить план с рынком? Государственное регулирование с допущением частной инициативы? Патернализм с некоторыми демократическими реалиями?

Своего рода «сумму советского» можно было бы выразить так: у него есть коллективное тело — «народ»; у него есть коллективный «разум» — партия (как известно, это «ум, честь и совесть эпохи»); у него есть коллективный дух (буквально «призрак коммунизма»). Но этот «народ» не нес никакой ответственности в силу своей обезличенности. В Российской империи у него были только две канонические роли — борца и страдальца; в советское время осталась только первая. Идеология и вождь (необходимая персонификация «коллективного разума») также не несли никакой ответственности, но уже в силу своей «безошибочности». Таким образом, в «советском» мы можем установить только два вида ответственности — и при этом безусловной (но никак не моральной, ибо «мораль», по большому счету, есть буржуазная выдумка): ответственность перед партией ее членов и ответственность граждан перед государством. Так что «советское» и его основополагающие принципы надо искать на онтологическом уровне, соответственно, оно предстает как угроза онтологической безопасности. И, следуя Э. Гидденсу, мы можем рассмотреть ее на четырех уровнях: рутинная практика социального действия, связанная с ситуациями социального выбора и социального творчества; вопрос конечности человеческой природы и осознания человеком своей конечности (известно, как он решался в рамках обязательного «советского оптимизма»); тема интерсубъективности, ключевой момент как самоидентификации личности, так и восприятия внешнего мира как тождественного и непрерывного; наконец, становление самотождественности, или тождества. На всех этих уровнях «советское» вносит возмущения или разрывы. И вот почему десоветизации подлежит в первую очередь не содержание, а базовые структуры, порождающие механизмы «советскости», причем уже в его превращенных и неузнаваемых формах. (С точки же зрения психоаналитического подхода, речь идет о бессознательном «советского», в котором скрыта его тайна: а именно тайна его буржуазности.)

Но состоялось ли «советское» согласно с собственным понятием, как выразился бы Гегель? Состоялось, однако в модусе директивности, а не свободного и бескорыстного «советования» (поэтому и пресловутый интернационализм — отнюдь не солидаризм). Но если мы можем говорить о «смерти коммунизма» (все же и это не для всех: согласно А. Бадью, крах СССР — вовсе не доказательство «смерти коммунизма», но опасное последствие его отступления), в которую больше никто не верит, то можем ли мы с той же определенностью говорить о смерти «советского»? Чего собственно: дискурса, институционального распорядка, образа жизни и мышления, соответствующего типа человека, предрассудков, все еще впаянных в обыденность нашего существования? Здесь впору задаться вопросом, поставленным Бадью: «что это за „мы“, к которому я обращаюсь и смысл которого было бы неплохо уточнить?» [1, с. 269]. Между прочим, для этого автора понятие «собственная личность» оказывается тем, что всегда сводимо «к собственности над какими-нибудь долгами»: показательная персонофобия). Ответ же таков, что это «мы» исчезло много раньше провозглашения «смерти коммунизма» («мы коммунисты», «мы революционеры», «мы пролетарии», «мы верны событиям Октября», «мы советские люди»). Но распад этого «мы» заставляет повиснуть все «советское», связанное с ним, в пустоте. Что же тут подлежит деконструкции, если радикальной деструкции подверглось «мы», то есть сам носитель «советского»?

Не будем здесь философствовать, как Бадью, по поводу того, принимает или нет смерть форму события. Спросим себя о том, обстоит ли дело с «советским» так, что его «мы» распалось, а его идеология все еще последействует каким-то вторичным образом, или все же распалась эта идеология, не подлежащая реставрации, а «мы», на котором она «самоисполнялась», продолжает пассивно и безлико существовать в рассеянном виде? Ведь «мы» может пребывать и в

фазе мобилизованной тотальности, и в фазе расплывчатой совокупности (допустим, «прежних советских людей»). Или иначе: распад «советского» — это событие, принимающее «радикальную форму единичности и дополнения»? Или это именно распад, не приносящий с собой ничего нового? Не случайно Бадью вопрошает: «Кто может припомнить хотя бы одно новое предложение, хотя бы одну беспрецедентную номинацию, сопровождающую разложение, одновременно неожиданное и вялое, безраздельное и неясное, деспотической формы государства-партии?» [1, с. 272]. Таким образом, распад СССР не есть событие, а лишь его симулякр, без обещания истины, свойственной событию. По сути, все сводится лишь к тому, что то, что уже субъективно умерло («советское»), должно отныне войти в состояние смерти и быть наконец признано таковым. Тогда движение «десоветизации» комично, оно должно состоять в простом признании, выраженном тавтологией: то, что умерло, — умерло. То есть оно само продолжает жить не тем гениальным, что было его призванием, а своей бездарностью. Тем самым оно находит приют в любой бездарности — политической, научной, эстетической, личной и бытовой.

Между тем, «советское» продолжает существовать как минимум в шести модусах (назовем это так): модус грусти, сожаления о прошлом; модус гнева (разрушили «прекрасный мир»); модус упорства (характерный для «человека убеждений»); модус обновленной реставрации; модус удержания «положительных моментов» советского; модус исторического оправдания (это тоже наша история, которой мы должны быть «благодарны») и исторического «примирения». Хорошо, а что же в действительности предлагается взамен? Другой вопрос Бадью тоже остается в силе: «Выборы и частная собственность, политики и дельцы: неужели этим и ограничивается все содержание их устремлений? В таком случае, почему бы не доверить воплощение в жизнь этой программы не инновации мысли, а специалистам-аппаратчикам, и даже экспертам Международного валютного фонда? В качестве духовной надбавки будет выступать Папа, всегда на боевом посту» [1, с. 277]. Примем к сведению и другое: политическую субъективность нельзя объяснить «в категориях лжи, заблуждения или иллюзии. Реальная политическая форма (а не так ли мы должны посмотреть на «советское»? — *Н. С.*) не подчиняется пустоте ложного представления и не имеет какой-нибудь определенной парадигмы (государства или нормы) в центре того, что ее определяет» [1, с. 277—278]. Но именно поэтому крушение советского государства еще не уводит автоматически за собой со сцены социальной и психологической жизни все «советское» как таковое. А сама преданность «советскому» тоже «зависит не от пропаганды (что подразумевало бы представление о рабской сущности сознания людей), но от ситуации» [1, с. 278]. Ну и какова же «наша ситуация»? Осмыслено ли это? Кем? (Кстати, представление о «совке» — это как раз типично советское представление, оно не только не аналитично, но и препятствует всякой аналитике, ведя мысль по проторенному пути).

Могут возразить, что надо заниматься не анализом слова «советский», а тем, что происходило и происходит в мышлении о том, что называется «советским». Однако ведь и само слово, с его денотативным и коннотативными значениями, — не изолированная субстанция, а тоже уже объективированный сгусток этого самого мышления; оно вобрало в себя и держит в себе это «происходящее в мышлении о том, что называется «советским». И проблематизация означает мыслить тот же самый объект, но в других терминах, в силу чего он оказывается нерефлектируемым прежним образом. «Десоветизация» — либо пустые слова (но они тоже что-то значат), либо демонстрация благих намерений (благих для кого, с чьей точки зрения?), либо затушевывание и оттеснение на задний план чего-то более актуального и неназываемого. Либо же это политика (к этому мы еще вернемся) — и тогда она противостоит и первому, и второму, и третьему. Политика — в смысле реализации индивидуальных воль, прошедших, как выразился А. Пятигорский, уже «пусть через самый элементарный выстроенный кристалл политического мышления» [4, с. 13].

Хотя, быть может, преступная «объективность» советского режима больше не актуальная тема, но политическая субъективность его «мы» все еще предъявляет себя в каких-то обходных маневрах и непривычных обличиях? Да и десоветизация ли на повестке дня вообще? То, что система партии-государства и сталинская модель политики потерпели банкротство, изжили себя, — прекрасно. Но они изжили себя еще в пору своего существования. А вот (третий вопрос Бадью) как быть с этим? «Вместо того чтобы открыть путь какой-либо событийности, которая привела бы к появлению новой модели политики и какой-нибудь другой особенной формы эмансипации, <…> это разрушение происходит под лозунгами „демократии“ ликующих собственников», и это, добавляет наш автор, «неясная ситуация, в которой мы видим, как Зло пляшет на руинах Зла» [1, с. 283—284]. Этот нынешний триумф «демократии» Бадью предпочитает называть парламентаризмом (капитало-парламентаризмом). Обязательство, которое он содержит, двояко: «он определяет политике единственное место для воплощения — государство <…> и таким образом фактически аннулирует политику как мысль» [1, с. 285—286]. Действующие

лица этого парламентаризма — политиканы, а не те, кто мыслит политику. И второе: «он требует в качестве регулирующих условий автономию капитала, наличие собственников и рынка» [1, с. 286].

Действительно ли современная политика не имеет непосредственного отношения к истине — и это есть неизбежное философское следствие признания существования правового государства как сущности политической категории демократии? В любом случае мы должны задать вопрос (и это можно сделать только с позиции философии) о том, «как обстоит дело с политикой как процедурой истины». Здесь можно сказать, что категорическое суждение Бадью таково: «Утверждение „смысловое ядро политики находится в Праве“ неизбежно приводит к философскому суждению, декларирующему радикальное положение политики вне темы истины. Если правовое государство является „содержанием“ политических чаяний, то политика не есть процедура истины» [1, с. 292]. В самом деле, если «содержанием» парламентских государств Запада являются «правила законов», то они не претендуют и не могут претендовать на истину. Но тогда они не могут и «учить», не так ли? Или, может быть, отмена функции истины политики не столь катастрофична, позволяя выявиться этой функции там, где она как раз и уместна (этика, религия, сама философия)? Да, но разве политика не затрагивает всего этого? И что же тогда есть политика, если она — не одна из областей действия истины? В то же время (применительно к нашей теме), как только мы примем этот тезис Бадью, радикальная десоветизация, чем бы она ни была, не может осуществиться только, или даже в первую очередь, в правовом поле. Оно само еще подлежит тому, что мы намеревались бы в нем осуществить.

С некоторых пор понятие политики стали путать с понятием государственного управления. Но следствия этого на Западе и Востоке различны: «В первом случае политика перестает принадлежать области истины, „окружающая“ философия носит релятивистский и скептический характер. Во втором случае политика предписывает „государство истины“, а окружающая философия становится философией монизма и догмы» [1, с. 293] (о ней у нас продолжают скучать). В обоих этих вариантах у философии — печальная судьба: либо дистрофия, превращение в общественный духовный излишек и, в лучшем случае, в журналистику, либо превращение ее в государственный формализм, полностью лишенный содержания и к тому же наделенный полицейской функцией. Также и подчинение политики теме права в парламентских обществах предопределяет неотличимость философа от софиста, а ее подчинение бюрократическому аппарату социалистического общества приводит к неотличимости философа от функционера. В последнем случае «в конце концов, позиция, с которой делается высказывание (близость к государству), становится тем, что обосновывает такое „философское“ высказывание. Таким образом, любой аппаратчик или глава государства может сойти за философского оракула, поскольку место, от имени которого он говорит (государство-партия), якобы концентрирует в себе целиком политический процесс истины» [1, с. 295]. Но у нас в значительной мере это так и осталось. Отсюда вывод Бадью (и, думаю, с ним можно согласиться): «право не должно ни быть поставленным в центр политики, ни быть полностью исключенным из ее поля. На самом деле, «правовое» и „неправовое“ как необходимые характеристики государства не являются категориями политики. Тогда как политика, обусловливая философию, есть субъективный процесс истины. И государство для нее не является ни главной ставкой, ни воплощением» [1, с. 295]. Это стоит запомнить: государство не есть ни главная ставка, ни воплощение политики.

Воспротивиться отождествлению политики с государством, а тем самым и тому, что политические процедуры сводимы к вопросам власти. И в этом я опять-таки соглашусь с Бадью: «но сущность политики <…> есть свободный коллективный мыслительный процесс, вызываемый к жизни всегда единичными, особенными событиями», и «такая политика ни в коем случае не есть власть или вопрос власти». И еще более определенно: «Сущность политики есть коллективная эмансипация или же проблема свободы в бесконечных ситуациях. Однако бесконечность ситуаций, в которых на кону стоит судьба, в коллективной мысли не соизмерима с авторитетом ни правил, ни какой-либо части [общества], ни партии» [1, с. 296]. И если то, что «разгосударствление истины остается для нас программой мысли», остается верным, то ведь оно и должно быть прежде всего вписано в процесс десоветизации, если он имеет какой-то смысл. Но это и культурная, цивилизационная задача. Ибо современные развитые общества — это общества высокой рефлексивности. В этом отношении наше общество — не «современно». Согласно Энтони Гидденсу, «фундаментальными чертами общества с высокой рефлексивностью (это, между прочим, именно то, что может противостоять «советскости». — *Н. С.*) являются „открытый“ характер самоидентичности и рефлексивная природа тела» [2, с. 57]. Напротив, нам продолжают под разными именами («патриотизм», «славянские корни», «православная вера», «национальная идентичность», «русская душа» и т. п.) навязывать идентичности закрытого характера.

И все же смысл десоветизации требует уточнений. Ведь это, во-первых, процесс, во-вторых, потребность и обязанность. Но какого порядка: этического, социально-политического, государственного, экономического, культурно-символического? В-третьих, это удостоверение различия, и оно не касается лишь хронологии. Это различие подлежит выявлению, осознанию и принятию. Но смыслом различия не является само различие. Мало знать это различие: прав Мамардашвили, говоривший, что смысл «есть что-то абсолютно другое, что мы видим», и лишь когда «человек отправляется от точки, в которой знание не помогает, он идет в направлении смысла» [3, с. 194]. Нельзя ли высказать предположение, что мы находимся как раз в той «точке», где невозможно понять, как «мы» были «советскими» (как вообще могло быть «советское»), и невозможно понять, как и исходя из чего (откуда-то и как-то появившегося) «мы» можем не быть «советскими»? Но ясно, что десоветизация не есть простой жест решительного отклонения, отбрасывания. Она требует понимания самого «советского» (а не просто дескрипции этого феномена), ответа на вопрос, в чем же суть характера «советскости», проникшего (благодаря чему?) и в образ жизни, и в дискурс, и в мышление, и в характер наших отношений, смыслополагания, наложившего отпечаток на саму личность.

Значит, смысл десоветизации должен удерживать и понимание «советского», и его «непонимание», и разборку «очевидностей» того и другого, и выход в иной горизонт существования (жизни) и смысла. Смысл любого феномена не может быть установлен приложением правила или общей формулы этого феномена. «Десоветизация» тем самым не заключается в просвещении (просветить «ограниченных», «обманутых» людей, показав им «истинное лицо» советского). Она не может быть сведена к трансформации так называемого «общественного сознания» (или, говоря по-другому, ментальности). И одновременно это «советское» мы понимаем уже из другого места, не из того, из которого оно понимало само себя. Как же мы можем войти в «самопонимание» советского человека, который сам себя так называл? Есть язык, дискурс, в котором феномен «советскости» устойчиво жил и, будучи передан нам, продолжает жить, хотя бы в виде «следов». В ряде исследований, посвященных анализу советского дискурса, этот феномен «советскости» описан (например, работа Патрика Серио «Анализ политического дискурса в Советском Союзе»). Однако не продолжаем ли мы воображать «советское» и в плоскости «десоветизации», в то время как между воображением и пониманием имеется существенная разница? («Воображать мы можем только то, чего нет, а то, что мы должны понять, — есть!» [3]). Следует напомнить о

двух разных пониманиях: десоветизация, которая происходит «сама собой», силой новых обстоятельств и тенденций, стихийно, спонтанно, подспудно, — и десоветизация как наше личное и сознательное усилие, как продуманная стратегия.

Вроде бы отказ от «социалистического выбора» и идеологии марксизма-ленинизма уже не может быть оспорен. Но отсутствие теорий постсоциалистического общества поднимает вопросы: насколько этот отказ радикален, последователен, внятен и осознан, что пришло и идет на смену? В то же время обнаружили — и с большим опозданием для себя, — что «существует не один десяток моделей рыночной экономики, и каждая в чем-то верна» [5, с. 151]. Важна в этой работе сама точка зрения, согласно которой «политические структуры выступают трансцендентальной формой экономических понятий» [5, с. 151]. Опираясь на анализ моделей реформ, предложенных в свое время Л. Абалкиным, С. Шаталиным, Г. Явлинским и Е. Гайдаром, автор выделяет три «топоса» реформирования: традиционно-градуалистический, неоклассически-технократический и революционно-технократический. При этом провал идей либерализма в постсоциалистических странах был предсказан еще в 1992 году, а сама ситуация постсоциалистической экономики и политики кардинально отличалась от «классических». (Таким образом, и мы можем поставить вопрос о самой топологии «советского», о присущих ему комплексе объективных структур, совокупности практик и практических схем. Напомним, что легитимные практические схемы являются основой видения и деления социального мира для каждого агента и могут быть операционализированы в виде совокупности оппозиций или иерархий предметов социального мира.)

Итак, попробуем подвести некоторые промежуточные итоги. Что задает понятие (или ситуацию, или процесс) «десоветизации»? Если это то, что выражает фиксированный вопрос (когда сущность ясна и все упирается в поиск «как»), то речь должна идти о технологическом ответе. Но если это проблемная ситуация, то речь идет о поиске адекватного вопроса, что затрагивает и рефлексию самого мышления (проблематизация в самом мышлении). Ибо какое, собственно говоря, мышление, откуда и почему поднимает саму эту тему? Таит ли она в себе угрозу «дестабилизации» или является необходимым моментом развития? В последнем случае речь идет о разотождествлении прежней самотождественности и более сложном самоопределении. Таким образом, мы оказываемся перед необходимостью масштабного преобразования — на объектах, структурах, отношениях, символах, идеях, индивидуумах. С чего начать, что способно запустить всю «це-

почку»? Видимо, с акта самоопределения: кто-то должен радикально по-новому самоопределиться, разорвав прежнюю структуру значимостей. Где же эта точка «пассионарности», говоря словами Гумилева? Придется начать с себя, с тех, кто считает необходимым все это обсуждать.

В целом десоветизация — это бытие в проблематизации и депроблематизации чужой практики. Но для такого бытия как раз необходимо функционально-деятельностное и нормативно-деятельностное самоопределение (С. С. Анисимов). С методологической точки зрения, необходимы как минимум две фазы: критически-аналитическая (распредмечивание) и проектно-конструктивная (опредмечивание). Все это потребует перестройки коммуникативных схем и стратегий, новых логико-мыслительных фиксаций и рефлексивно-деятельностного переориентирования. При этом нельзя просто взять и использовать уже разработанные (для иных ситуаций, контекстов, проблемных полей) стратегии. Но в самом общем плане разве нельзя использовать подход Канта (в его разрешении антиномий чистого разума)? Мы тоже могли бы выделить «примирительную» и «разделительную» стратегии. Первая улаживает спор, вторая — разводит, снимает. С точки зрения одной, эпоха «советского» завершена, а постсоветская — это переходный период, должно появиться нечто «третье», и о нем-то и идет спор. С точки зрения другой, есть свое позитивное и в «советском», и в «постсоветском», так что возможно продуктивное «примирение», которому мешают «крайности» (с одной стороны, как говорят, «огульное охаивание советского», а с другой — пренебрежение новыми реалиями). Условно говоря, мы можем выделить «новаторов» и «прагматиков».

От того, как мыслится «десоветизация», зависят и стратегии ее проведения. Мыслится ли она как деструкция тех или иных блоков наличной социальной жизни, ее предметных выражений? Или как деконструкция, разборка всей социальной машины? Или же в первую очередь самого сознания и сопутствующего ему языка, или как преобразование или инновация схемы деятельности, лежащей в основе социального бытия? Переход к новому целеполаганию и проектированию через посредство проблематизации собственно мышления? Если уж возникает тема «десоветизации», то это связано с каким-то разрывом в деятельности (и социальной, и чисто мыслительной): мы сталкиваемся с каким-то существенным затруднением и с каким-то интересом к выработке иных норм деятельности. Как, кем, откуда и с помощью каких средств этот разрыв фиксируется, осмысляется? Какая парадигматика и синтагматика мыследеятельности здесь нарушена и какие возможности (альтернативы) обнаруживаются? Лично я считаю, что следует различать как минимум три смысла «десоветизации»: 1) идеологически эксплуатируемая тема без ее глубинной рефлексивной проработки; 2) самопроизвольно текущий, но рефлексивно не отслеживаемый и не управляемый процесс со всеми его флуктуациями; 3) проективный, рефлексивно запущенный процесс, обусловленный разрывами в социальной практике. В последнем случае речь идет о перестройке пространств деятельности или проектировании новых — и «десоветизация» есть или условие для этого, или входит в сам процесс этого проектирования. Но необходимо внятно ответить на вопросы: в соответствии с какими ценностями и в ответ на какие потребности это делается? какими средствами? технологически как? исходя из какой проблематизации? кем и должны ли эти «кто» быть организованы и получить (где) соответствующую подготовку?

В уже цитировавшейся книге Александр Пятигорский пишет об отсутствии в современной России «воли, направленной на кристаллизацию политической рефлексии. А она сама не кристаллизируется» [4, с. 16]. И тут он прав. С десоветизацией так же. Это относительно вопроса о «точках приложения». Вот первейшая точка приложения того, что мы здесь называем десоветизацией: кристаллизация политической рефлексии. Ведь если подобная кристаллизация все еще якобы невозможна, то исключительно «потому что то, что сейчас еще живет в вас (в нас), в вашей рефлексии, в конечном счете, сделало Сталина возможным» [4, с. 16]. А у нас сделало возможным — сами знаете кого. Но кристаллизация политической рефлексии — также и обладание собственной историей, вопрос того, действительно ли у нас есть история времени, которому мы принадлежим (и тогда оно принадлежит нам). Пятигорский приводит замечательные слова на сей счет историка Тацита: «Что такое настоящий римлянин? Культурный римлянин, который видит свое время, непрерывно сохраняя его в памяти для сына, и который знает от своего отца время отца, который знает еще время деда». Итак, кристаллизация политической, исторической и философской рефлексии — вопрос воли и мышления, сознающего и признающего свою ответственность. Либо десоветизация есть противостояние деисторизации, дефилософизации и деполитизации, либо ее вовсе нет. И это — чистая политика. Все это к тому же напрямую затрагивает язык. Что касается самих антиисторизма, антифилософичности (положение философии в Беларуси жалкое) и аполитичности (посмотрите хотя бы круглосуточный Первый музыкальный канал), то они также чисто политические явления, но не отрефлексированные.

Если десоветизация будет включена в политическую рефлексию, то она сама станет политическим событием, а если же не будет включена — не станет. Мыслить о десоветизации следует не сточки зрения идеологии, экономики, журналистики и т. п., а с точки зрения политики. Политическая рефлексия равна политическому действию. Но это, между прочим, не дело методолога как методолога. Это дело политика, дело мыслящих политику. Думать — но не в тех же терминах, что и сама советская власть, и не в тех, в которых мыслила «советология», и не в тех, в которых продолжает мыслить нынешняя власть. Значит, в тех, которые уже сами по себе означают подрыв мистифицирующей силы и способности «советского». Такое переключение политической рефлексии, которое может разомкнуть тождество мышления, разгерметизировать его (поскольку власть всегда занята «делом», в которое никто другой, не уполномоченный ею, вмешиваться не может, не смеет и не должен). Требуется как минимум двоякая операция разотождествления («мы советские / несоветские люди») плюс проблематизация и демистификация той конкретной (и способной к вариациям) формы политической власти и той политической рефлексии, в которых огромная страна жила целую эпоху. Пока они не осуществлены во всей своей радикальности, пока, следовательно, нет политической рефлексии этого, все наши «парламентаризмы» и «оппозиции» будут подверстаны под ползучий «советизм».

Литература:

1. Бадью А. Тайная катастрофа: конец государственной истины // Социология под вопросом: социал. науки в постструктуралистск. перспективе: альманах Рос.-фр. центра социологии и философии Ин-та социологии Рос. акад. наук / Отв. ред. Н. А. Шматко. — Москва: Праксис, 2005. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sociologos.net/textes/badiou.htm. — Дата доступа: 14.02.2008.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. — Санкт-Петербург: Питер, 2004. — 208 с.
3. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте: психол. топология пути. — Москва: Ad Marginem, 1995. — 547 с.
4. Пятигорский А. М. Что такое политическая философия: размышления и соображения. — Москва: Европа, 2007. — 141 с.
5. Шматко Н. А. Топосы российской экономической реформы: от ортодоксального марксизма к радикальному либерализму // Социология под вопросом: социал. науки в постструктуралистск. перспективе: альманах Рос.-фр. центра социологии и философии Ин-та социологии Рос. акад. наук / Отв. ред. Н. А. Шматко. — Москва: Праксис, 2005. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sages.isras.ru/RUS/publ/TXT/NAChmatko.htm. — Дата доступа: 14.02.2008.

Системные процессы десоветизации в рамках гуманитарных технологии

С. Мацкевич

При рассмотрении процесса десоветизации в рамках культурной политики в Беларуси встает несколько ключевых методологических вопросов: кто должен осуществлять десоветизацию, какова технология реализации десоветизации, в чем и как можно зафиксировать результативность, успешность или неуспешность данного процесса? Приступая к рассмотрению десоветизации как процесса, мы должны четко зафиксировать объект и его характеристики, в котором происходят или будут происходить некоторые качественные изменения. Ставя задачу десоветизации всей страны и организуя определенную деятельность, мы имеем дело с целостным объектом «Беларусь». Но при этом необходимо четко фиксировать характеристики, по которым можно отслеживать изменения и которые позволят судить о том, осуществляется ли десоветизация. В первом приближении такими характеристиками могут выступать образ жизни, образ мышления, качество жизни, социальная и политическая структура общества, производственная структура, социальные отношения, социальный капитал и т. д. Становится очевидным, что одной характеристики или одного элемента для фиксации динамики процесса десоветизации недостаточно, нужен синтез характеристик целого.

Изменения в объекте «Беларусь» возможны только через искусственно организованную деятельность. Десоветизация — это организованный естественно-искусственный целенаправленный процесс формирования новых качественных характеристик объекта. «Понятие процесса может быть рассмотрено только через понятие *связи.* Суть человеческой деятельности состоит именно в том, что она на одни процессы и явления накладывает как бы сетку других процессов и явлений, соединяя первые в сложные целостности» [2]. То есть де-

советизация представляет собой *гуманитарную технологию*, деятельность над деятельностью, которая определяет конечный качественный результат преобразований. Гуманитарная технология — «систематизация, соорганизация и упорядочение в пространстве и времени компонентов целенаправленной коллективной деятельности людей на основе современного гуманитарного знания. <…> Гуманитарными технологии называются потому, что составляющими в них являются „особые“ нематериальные элементы: различного типа знания, идеи, схемы, конструкты, знаковая среда (реклама, продукты СМИ и др.), квалификации, человеческая психика, время, доверие, ответственность, авторитет, авторское право и т. п. В гуманитарных технологиях материальные (вещественные) характеристики являются характеристиками продуктов и представляются как производные, полученные в результате гуманитарной деятельности, к которой невозможно применить вещественную мерность» [1]. Собственно, советское в Беларуси сохранилось вплоть до 2007 года по причине отсутствия гуманитарной технологии десоветизации. Задача десоветизации ставилась в начале 1990-х годов, но только как идеологическая, а не как технологическая. Даже будучи сформулированной на философском и политологическом уровне, задача десоветизации не была принята основными политическими субъектами страны, а впоследствии исчезла и ее идеологическая постановка. Но «советскость» сохранилась и незримым образом присутствовала во всех дальнейших политических, экономических и социальных преобразованиях в Беларуси: в так называемой реформе образования, в государственном регулировании рыночной экономики, в контроле над СМИ, в православном атеизме… Напрашивается единственный вывод: естественным образом десоветизация не происходит, этот процесс может осуществляться только искусственно.

В чем же состоит специфика гуманитарной технологии по десоветизации Беларуси 2007 года? С 1991 по 2007 год Беларусь уже претерпевала искусственную деятельность по преобразованию со стороны нескольких политических субъектов. На сегодняшний момент времени мы имеем дело с Беларусью, жизнедеятельность которой как будто стабилизирована. Необходимы реконструкция и объективная оценка «сборочной» деятельности, проводившейся ранее, и фиксация качественного состояния на данный момент. Несколько версий относительно настоящего состояния объекта уже предлагается: полная ресоветизация, стабилизация и поступательное эволюционное развитие, фаза инновационного развития, предкризисное состояние. При таких оценках состояния фиксируются не реальные качественные характеристики объекта, а скорее тренд. Независимо от направленности этого тренда (назад или вперед), объективное системное состояние объекта никак не фиксируется. Могут фиксироваться только отдельные составляющие объекта «Беларусь»: газовый конфликт и дефицит бюджета (в случае оценки как кризиса), долговременность политической власти (в случае оценки как стабилизации), советское мышление (в случае ресоветизации). Расплывчатость оценок очевидна. Проектирование же гуманитарной технологии по десоветизации требует оценок системных, синтезирующих многие параметры объекта, причем в динамике.

Специфика гуманитарной технологии по десоветизации состоит в том, что она призвана установить в будущем новую норму существования в Беларуси через разрушение старой. В этом заложено определенное противоречие десоветизации, в какой-то степени ее революционность. С одной стороны, нужно создавать новые современные социальные качества, а с другой стороны, без отрицания, санации и ликвидации старых норм никак не обойтись. Это пугает, создает массу «страшилок» и иллюзий еще до того, как запускаются процессы преобразований. За последний десятилетний период количество этих «страшилок» и мифов увеличилось, они закрепились. Запуская процессы десоветизации сейчас, мы имеем дело не столько с рефлексивным управленческим и массовым мышлением, сколько со штампами и закрепленными установками, массовым бессознательным. Поэтому методы трансляции и реализации новых норм должны быть более изощренными, не повторяться и в каждой новой ситуации изменяться. Разработать такие нестандартные методы работы с беларусским сознанием нам еще предстоит.

Любая гуманитарная технология выстраивается как:

- система искусственных процессов, которые определяют изменение какого-либо качества объекта во времени (*K*/*t*) и поэтапно;
- технология, имеющая свой масштаб пространства и времени (*S*; *t*);
- технология, разворачивающаяся на разных уровнях мыследеятельности (в мышлении, в коммуникации и в деятельности; на высшем, среднем и низшем уровнях принятия управленческих решений);
- технология, имеющая определенное соотношение качественных и количественных параметров.

Применительно к гуманитарной технологии десоветизации при работе с массовыми фобиями, устоявшимися советскими штампами и образом жизни важными становятся именно количественные параметры технологии. По содержанию информационные посылы десоветизации должны быть компактными и емкими (лучше меньше, да луч-

ше), но количественно — очень мощными и распространяться практически на все население страны, тотально. Если с формулированием качественных и содержательных характеристик и стандартов (например, разработать концепцию качества жизни или концепцию гуманитарного образования) имеющийся интеллектуальный ресурс страны в состоянии справиться, то с их переводом в количественные технологические показатели — нет. Технологический сбой в десоветизации происходит именно при переводе технологии от уровня мышления и know how к так называемому технологическому среднему уровню, где осуществляется распространение и мультипликация идей, принимаются управленческие решения, формируются межпрофессиональная кооперация и взаимодействие.

Анализ неудавшихся и удавшихся попыток проектирования социальных преобразований в Беларуси за последние 10—15 лет позволяет выделить несколько *технологических подходов и оснований* при неизменности заявляемых целей:

- процессуально-системный подход (проектируются система процессов, программа системной деятельности (стратегия и тактика), затем организационная структура, функциональные места, осуществляется поиск и переориентация необходимых квалификационных, финансовых и других ресурсов);
- структурно-формальный подход (под заявляемую новую цель изменяется организационная структура деятельности, осуществляется перестановка и перемещение ресурсов, создается видимость преобразований, но цель не достигается) фактически дискредитирует заявляемую цель, но формирует иллюзию, что то, что делается (то есть что не делается), и есть реформы;
- «гуманистический» подход, или подход с апелляцией к мнению людей или к якобы уже существующей естественной потребности населения в чем-то новом, является нерефлексивным (в плане непонимания искусственности природы духовных потребностей человека) и даже позволяет применить рыночные схемы деятельности.

Ни второй, ни третий подходы в проектировании гуманитарной технологии не позволяют комплексно решить задачи десоветизации. Только рефлексивный системный программный подход в полной мере дает гарантию реализации десоветизации.

Придерживаясь системного подхода к проектированию гуманитарных технологий, мы выделяем несколько *типов процессов*, которые должны быть организованы и развернуты в десоветизации.

1. Базовые процессы десоветизации — это имманентно присущие объекту процессы, изменения ключевого показателя. Например, изменение образа жизни, рациональности, типа социальных отношений. Базовый процесс как бы накладывается на уже имеющуюся организованность и структуру общества, традиции, установки сознания. При проектировании базовых процессов задается технологический масштаб времени и пространства. Процессы десоветизации разворачиваются в масштабе всей страны и могут быть рассчитаны в своей реализации на достаточно длительное время.

2. К оргдеятельностным относятся искусственные программно организованные процессы: санация и захоронение, концептуализация, идеологизация, организация публичной коммуникации, управление, подготовка кадров и т. д.

3. Инфраструктурные процессы десоветизации — процессы, которые обеспечивают, «обслуживают» и подпитывают ресурсами два предыдущих типа процессов. Это, в том числе, информационное обеспечение, экранные технологии, финансовое обеспечение, ликвидация безграмотности.

4. Процессы связей обеспечивают системность всех других процессов через организацию рефлексивной надстройки, рефлексивного управления, нормирования и стандартизации, мониторинг и трансляцию рамочных установок.

5. Процессы следования могут возникать как реакция на оргдеятельностные и другие процессы. По отношению к процессам следования необходимо отрабатывать стимулирующие или «заглушающие» действия.

Все представленные процессы гетерохронны, гетерогенны и гетерономны. Представленная типология не претендует на полноту и завершенность. Типология процессов приведена именно для того, чтобы представить, насколько возможно, полную картину процессов десоветизации. Комбинация деятельностных процессов задает уникальность и специфику *гуманитарной технологии по десоветизации* применительно к Беларуси.

Успех десоветизации зависит от того, какой способ систематизации (комбинации и комплексирования) процессов будет избран, а также насколько коллективный субъект реализации гуманитарной технологии по десоветизации будет соразмерен поставленной задаче и в состоянии удерживать достаточно долгое время системность процессов, чтобы процесс десоветизации был необратим.

Литература:

1. Крупник С. А. Гуманитарные технологии // Всемирная энциклопедия: Философия / Под ред. А. А. Грицанова. — Москва — Минск: Харвест, 2001. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://academy.edu.by/details/personnels/krupnik/articles/theory5.html. — Дата доступа: 14.02.2008.
2. Щедровицкий Г. П. Процессы и структуры в мышлении. Курс лекций в МИФИ. 1965 // Г. П. Щедровицкий. Процессы и структуры в мышлении. Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 6. — Москва, 2003. — с.94— [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/_psyzip/shchg02.zip. — Дата доступа: 14.02.2008.

II. ПРЕДМЕТНО-ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕСОВЕТИЗАЦИИ

Приписывание самым разным феноменам и процессам атрибутов системности и комплексности стало в XX веке банальностью и практически риторической фигурой. Однако констатация системности и комплексности обязывает к рассмотрению частей и элементов, составляющих систему. Понятно, что аналитическая процедура расчленения системного целого на части определяется методом и методологическими установками тех, кто проделывает эту процедуру. В нашу задачу сейчас не входит критика и рефлексия подходов и оснований расчленения, анализа и декомпозиции системного целого. Во втором разделе нашего сборника представлено семь докладов — разной степени проработанности и развернутости — по нескольким аспектам десоветизации. Понятно, что таких аспектов может быть (и есть) огромное множество. Представленные тексты затрагивают только малую их часть, но уже эта малая часть показывает, насколько серьезной и многоплановой должна быть практическая работа по осуществлению десоветизации в отдельно взятой постсоветской стране. Прежде всего, конечно же, мы имеем в виду Беларусь.

Трудно себе представить, что существуют такие аспекты знания, политики, образования и даже организации обыденной жизни в Беларуси, которые не требовали бы десоветизации. Можно предположить, что некоторые из независимых государств, попавших в процесс советизации на стадиях традиционного общества, не успели подвергнуться глубокой и системной трансформации. Возможно, населению этих стран проще вернуться после распада Советского Союза к традиционным формам жизни. Для Беларуси, как, наверное, и для других государств, восстановленных или вновь образованных в Европейской части бывшего Советского Союза, возврат к традиционной архаике невозможен. Поэтому аспекты десоветизации в этих странах беско-

нечно разнообразны. Осмысление, рефлексия и теоретическая проработка этих аспектов на многие годы или даже десятилетия предопределят развитие философии и гуманитарного знания в этих странах.

Семиосфера советского: к вопросу о семиотической экологии

Ю. Галиновская

У каждого человека есть личная вещесфера. То, какими вещами человек себя окружает, как расставляет приоритеты, что объявляет более важным, а что пустым, незначимым, свидетельствует о состоянии его внутреннего мира. Как чрезмерный интерес, так и равнодушие к вещи говорят о духовной дисгармонии. У страны тоже есть своя вещесфера — то, чем заполнено ее семиотическое пространство. То, какой предстает перед нами Беларусь — «страна Хатыни, курганов славы всех степеней, танков, фаллических обелисков на площадях и в скверах, множества Ленинов во всех позах» [4], с улицами Советской, Пролетарской, Коммунистической, Комсомольской и т. д. в центрах городов, с плакатами советской агитации, — говорит о семиотическом беспорядке в нашей стране и необходимости «семиотической экологии» [4]. Прежде чем приступить к работе с семиотической системой, мы должны описать ее через характеристику двух типов отношений: отношения к вне-системе (к миру, лежащему за ее пределами) и отношения статики к динамике (каким образом система, оставаясь собой, может развиваться, то есть, рассуждая в рамках нашей темы, каков механизм сохраняемости знаков советскости, их актуальности в новом для Беларуси историческом контексте). Эта небольшая статья — попытка анализа культурной модели советской семиосферы с целью выработать принципы работы по ее разрушению.

Рассуждая о том, какого типа организованности знаков могут выполнять по отношению к семиотической среде охранительные функции, мы пришли к выводу, что наиболее очевидной в этом смысле является модель музея. Именно музей можно рассматривать как своего рода защитный механизм культуры, которым она пользуется в ситуации, когда идеалам целой культурной эпохи, ее традициям и нормам угрожает «банкротство», исчезновение. «Музеефицируя» себя, культура как бы выводит свои артефакты, нормы и образы из непосредственного потока реальности, где они уже не могут существовать как таковые, будучи скомпрометированными, тиражированными, лишенными подлинного жизненного порыва, как бы консервируя их,

придавая им музейный статус. Адаптируясь к новой ситуации, культура научается использовать свои «музейные экспонаты» как рабочий материал, доступный и понятный самой широкой и разнородной аудитории потребителей [2]. Механизм музея позволяет реализовывать репрессивные функции по отношению ко времени и пространству, в музее фокус самосознания культуры обращен в прошлое, культура предстает в своих застывших формах, что деактуализирует всякие проекты развития внутри самой системы (всякого рода перестановки, переезды музейных коллекций чреваты потерями и ущербами). Такая организация времени и пространства в музее и позволяет его рассматривать как одно из структурных образований культуры тоталитарного типа [6]. Музеефикаторская модель в наибольшей степени оправдывает себя для периодов трансформации, переходности, смены формаций, так как выполняет по отношению к системе охранительную роль.

Мы предполагаем, что исследование специфики организации семиотической модели музеефикаторского типа позволит выяснить, каким образом устроена семиосфера современной Беларуси и каким образом может осуществляться семиотическая экология. Беглый взгляд на ситуацию постсоветской Беларуси показывает, что в результате распада СССР человек остался наедине с десимволизированным миром, лишившись проработанного символического арсенала, но, самое главное, взамен не получив новой модели, поэтому мир, оставшийся без перспективы, нашел выход в консервации того, что имел. Полагая, что к Беларуси применима семиотическая модель музеефикаторского типа, мы можем приступить к рассмотрению отдельных ее составляющих через анализ семиотики таких элементов музейной системы, как «музейный экспонат», «посетитель», «экскурсовод», «билетер», в их отношении к семиосфере современного белорусского контекста.

Итак, «музейный экспонат»: рассмотрим данный элемент музейной системы в его отношениях к вне-системе (музейный экспонат — вещь) и внутри самой системы (музейный экспонат — экспозиция, коллекция, музейный экспонат — посетитель). Культурологи рассматривают музей как одну из специфических социально-культурных информационных систем (к примеру, М. С. Коган [2]), посредством которой культура реализует механизм наследования: собирания, упорядочения, консервации, семиотизации (использования вещей в качестве знаков). Из всех перечисленных механизмов именно «знаковость» является тем, что отличает музей от других упорядоченностей вещей (к примеру, библиотека, универмаг, склад). В музее вещам предписано

демонстрировать свои знаковые возможности. Навсегда став знаком, вещь получает статус «музейного экспоната». Одно из видимых отличий вещи от музейного экспоната — практическая значимость и присутствие в потоке реальности: если в обычной, повседневной жизни вещь теряет свою практическую значимость, устаревает, выходит из моды, ее выбрасывают, заменяют на новую.

Что же делает возможным переход вещей в знаки? Статус знака вещь приобретает посредством тесной связи с современным ей культурно-историческим контекстом и, как обязательное условие, через осознание человеком этих связей. Все возможные способы обретения вещами знаковости можно свести к двум: вещь становится знаком (естественный путь) и вещь объявляется знаком (искусственный путь). Вещь может быть маркирована как «знак» естественным путем: благодаря той функции, роли, практической значимости, которой наделялась в актуальное для себя историческое время, она может стать намеком, провоцирующим распознание определенного фрагмента культуры. Но вещь может полагаться как знак, наделяться статусом знака искусственным путем — как правило, для каких-либо идеологических целей. При этом необходимо еще позаботиться о механизме считывания, ведь вещь приобретает свойства знака в результате соответсвующего обращения к ней человека, это есть когда начинает использоваться как знак — интерпретироваться и приниматься как знак. Объявляя нечто в качестве знака искусственным путем, необходимо позаботиться о наличии комплекса текстов, обеспечивающих считывание (философские, научные, культурологические обоснования, исторические факты, а также художественные произведения, песни, устойчивые разговорные штампы).

Для понимания механизма присутствия вещей-знаков в культуре необходимо помнить о таком качестве, как «культурная валентность» вещей. В «живой культуре» она может быть переменной в зависимости от культурного контекста: в соотношении «вещь — культурный контекст» именно второй компонент выступает воздействующим, предопределяющим. В культуре музеефикаторского типа искусственным образом устанавливается ее постоянство. К примеру, в ситуации Беларуси культурный контекст изменился, а валентность многих вещей советской эпохи — нет. Неосознание нового культурного контекста привело к тому, что новая ситуация принималась, осмысливалась, интерпретировалась в соотношении с вещами прошлого. А поскольку валентность — это способность притягивать и отталкивать, присоединять и отторгать определенное количество других предметов, то актуальность знаков советскости в семиотическом пространстве Беларуси организует соответствующую согласованность вещей и тип культуры. Приступая к экологии семиотической среды, необходимо было бы определить, валентностью каких знаков удерживаются взаимосвязи всех элементов, чем поддерживается эта валентность?

Следующим пунктом анализа системы музеефикаторского типа мы видим рассмотрение разного рода согласованностей музейных экспонатов, когда значимость отдельного элемента задается включением его в некую организованность элементов. Это своего рода опосредованная знаковость: вещь наделяется знаковостью только в совокупности с другими вещами. Возьмем, к примеру, музейную экспозицию, где значимость вещей закрепляется путем прописывания и обоснования связей и отношений между экспонатами. Отличительная особенность музейной экспозиции — подчиненность общей идее, через которую видится и «читается» каждый из знаков-экспонатов.

Еще одна разновидность некоторой организованности музейных знаков — коллекция. Семиотика коллекционирования позволяет рассматривать коллекцию как еще один вид деятельности тоталитарного типа, своего рода «тоталитарную забаву» [3]. Самым главным коллекционером в СССР выступал Сталин. Идея коллекционирования была популярна в разные периоды советской эпохи, причем очень часто в советских семьях коллекции собирались из элементарной страсти к накопительству [3]. Но для нас сейчас неважно подробное рассмотрение типа коллекционирования, бытовавшего в эпоху СССР, нам важно обозначить сам принцип: существование множества бесполезных вещей может получить обоснование, став коллекцией. Коллекционирование по-советски — это собирание вещей, не имеющих практической ценности, — идеологически значимых фетишей (флаги, портреты вождей и т д.). В коллекции вещь теряет свою функциональность, практическое значение и становится предметом обожания. Возможно, в некоторых случаях актуальность знаков советскости в семиотическом пространстве Беларуси не воспринимается абсурдно, поскольку поддерживается идеей коллекционирования. В чем причина увлеченного отношения к знакам? Возможно, отсутствие вкуса или страсть к накопительству — тогда это все можно обосновать «бережливым отношением к своей истории»; а возможно, это «коллективное бессознательное» «совка», в котором просто отсутствует представление об одноразовости вещи. Ведь в советской культуре жизнь вещей была практически бесконечной, она не завершалась с утратой вещью своего первоначального значения — просто изменялись ее функции. Такое наделение вещи универсальными качествами перенеслось и на отношение человека к культуре. Со сменой культурного контекста

человек советского типа не стремится создавать новые вещи, но, как конструктор, собирает свое «я» из кусочков старых вещей. Таким образом, свою культурно-вещную идентификацию в новой ситуации человек устанавливает не посредством поиска новых вещей и установления связей с ними, а посредством переноса старых, чем ставит себя в еще большую зависимость от них. Подобное явление можно было бы определить как «семиотический плюшкинизм», когда семиотический беспорядок является не неудобством, а потребностью, необходимостью [8]. И прежде чем приступать к работе с семиосферой советского, следует задуматься, каким образом должны быть расставлены акценты в этом процессе. Что является причиной, а что следствием? Чтобы человек начал наводить порядок, у него должна появиться в этом потребность. Вещесфера человека соответствует его статусу, причем статус этот может исходить не из осознания (осмысления) своего места и роли в истории, не из желаемого, а из данности.

Предполагая семиотическую экологию, мы должны учитывать особенности такого механизма придания знаковости вещам, как коллекция — коллекционирование как особый тип отношения к реальности. В некоторых случаях десоветизация в отношении знаковой среды становится возможной после разрушения концепции связей и отношений, интерпретирующих скопище вещей как коллекцию.

Для понимания принципа работы со знаковыми системами, устроенными по типу музея, необходимо рассмотреть, как в них выстроены отношения между «музейным экспонатом» и «посетителем». В данном случае знаковость реализуется посредством диалога: сама по себе вещь ничего не значит. Коммуникация подобного типа в музее нормирована (контролируется) охранительной функцией, что закреплено организацией пространства (ограничительные линии, специальные колбы, покрывающие экспонаты) и внешними знаками («руками не трогать») [5]. В результате не вещь «дает» информацию, поскольку ее нельзя потрогать, рассмотреть поближе, а посетитель наделяет ее теми смыслами, которые у него возникают при рассмотрении. Это делает диалог неполным или опосредованным, поскольку для «прочтения» такого знака посетителю приходится прибегать к метатекстам. В большинстве своем люди довольствуются готовой информацией — тем, что они могут услышать во время экскурсии. А при сформированном доверительном отношении к экскурсоводу (предполагается, что он должен быть специалистом в своей области) и при удачно составленном тексте с достаточным количеством «достоверных»

фактов и умело скрытой их интерпретацией, усиленной мастерством рассказчика, — при этих условиях можно легко формировать нужное понимание и отношение к культуре. Рассуждения о роли метатекстов в обществе музеефикаторского типа приводят к выводу о том, что основные механизмы управления «прочтением» знаков заложены именно там, а не в самих знаках, из чего следует, что семиотическая экология подразумевает работу не столько со знаками советскости, сколько с метатекстами, задающими прочтение этих знаков как актуальных и уместных в новом культурно-историческом контексте.

Последний элемент семиотической системы музеефикаторского типа, который мы рассмотрим в данном тексте, — это «посетитель»: практически «жертва», часто не осознающая этого, если им принимаются и не нарушаются ее правила. Регламентируются поведение посетителя (в качестве регламентирующего механизма выступает музейный интерьер), время посещения, с помощью смотрителей контролируются коммуникативные акты посетителя (это самый мощный механизм тоталитарности) и всякое посягательство на рассмотрение объекта поближе [5]. Реакцией на критику по поводу всякого рода (исторической, культурной и пр.) ценности экспоната может стать осуждающий взгляд экскурсовода и окружающих, обвинение в некультурности, за нарушение нормы поведения в музее можно получить замечание или даже быть удаленным из музейного зала. Характерный момент подобного рода замечаний — публичность их предъявления как апеллирование к коллективному мнению. Между «посетителем» и «экскурсоводом» выстраиваются отношения по типу «ведомый — ведущий» (некоторые особенности коммуникации данного типа были описаны выше — касательно метатекстов). Характерный момент — монологичность коммуникативного акта, как и в отношении «музейный экспонат — посетитель». Зачем нам понадобилось обратить внимание на особенности поведения посетителя и выстраивания его отношений в системе музея? Затем, чтобы понять, что это самый пассивный элемент при такой организации семиотической системы, как «музей», притом обязательное условие знаковости вещи — считывание адресатом этой знаковости как таковой.

Перейдем от достаточно поверхностного рассмотрения музея как механизма, задающего целостность семиотической системы Беларуси, к возможным путям деконструкции этой системы.

Первый способ выводится из оппозиции «вещь — музейный экспонат», а точнее — из того, что является основным отличительным признаком — практической значимости. Музейные экспонаты — это вещи, вырванные из живого контекста, их статус музейности позволя-

ет им быть неприкосновенными. Таким образом, видится необходимой актуализация обращения к знакам советскости не как к музейным фетишам, а как к вещам повседневности. Принцип прямого отрицания тут не подойдет (наоборот, может сыграть роль контрфорса для «советизации по-беларусски»). А вот введение механизмов переосмысления некоторых понятий в современном контексте может оказаться действенным. К примеру, в самом музееведении конца XX — начала XXI в. ведутся горячие дискуссии по поводу роли и места музея в современной культуре, актуализируются задачи нового подхода к анализу музея, открывающего широкие перспективы в исследовании феномена музея [6]. Проблема семиотического пространства Беларуси в том, что мы по-прежнему (в науке, системе образования и т. д.) обращаемся к советским канону, концепциям, понятиям. Миф о советском образовании, советской науке необходимо заново подвергнуть проверке временем — сегодняшним, будущим. Не отрицанием, а переосмыслением, пониманием, заданием диалогичности в культуре.

Необходимо учитывать и проблемы, которые могут возникнуть при таком обращении со знаками советскости. Одна из них — печать сакральности и закрытости («руками не трогать») на этих знаках, наделенных статусом музейных экспонатов. Возможно, в десоветизации семиотического пространства можно заимствовать некоторые механизмы постмодернизма, ведь именно постмодернисты позволили себе дерзость пересмотреть некоторые классические культурные модели, типы, тексты. «Ответ постмодернизма модернизму состоит в *признании прошлого*: раз его нельзя разрушить, ведь тогда мы доходим до полного молчания, его нужно пересмотреть — иронично, без наивности» [9]. При этом нужно понимать, что позволяло постмодернистам подобное обращение с «культурными памятниками»? Программные тексты, трактаты, обосновывающие это право. Несмотря на всю критику их методов, благодаря постмодернистам произошла актуализация многих культурно-исторических контекстов, философских концепций. Поэтому семиотическая экология должна сопровождаться появлением новых текстов в культуре, запускающих процесс изменений.

Второй способ десоветизации как демузеефикации общества подсказан типом организации элементов в музее. Если музей — это культура затвердевания, остановки, иерархизации, то для ее разрушения необходимо введение механизмов, транслирующих культуру движения, изменения. К примеру, в последнее время актуализация проблемы популярности музея, открытости, привлекательности и доступности широкой публике привела к введению в закрытое музейное пространство тех видов искусств, которые оперируют «движущимися образами» [1]. Речь идет о медиаискусстве — в музее это видео- и киноинсталляции. Несмотря на всю прогрессивность этой идеи, присутствие медиаискусства в музее некоторыми музееведами оценивается как угрожающий фактор. Что в семиотическом пространстве Беларуси может стать таким «угрожающим фактором»? Можно предположить, что создаваемый экран общественного сознания. Застывшим концепциям, формам могут противостоять гуманитарные технологии, в основу которых заложено движение и изменение.

Возможны ли еще какие-то способы работы с семиотической системой музеефикаторского типа? Наверняка, но разработка их — это задача последующих исследований. Цель данного текста в обозначении: 1) необходимости десоветизации семиотической среды Беларуси; 2) предложении некоторых направлений работы — как с элементами, так и с самой семиотической системой. Безусловно, тему можно и нужно длить, находя новые развороты. Можно продолжить анализ музеефикаторской модели организации семиотического пространства, рассмотрев такие элементы, как «смотритель», «билетер» в рамке типологии поведения «маленького человека на ответственном посту»; интересно было бы исследовать механизм входного билета как обязательного пропускного документа, посмотреть, что в Беларуси выполняет такую функцию?

Можно обратиться к другим моделям рассмотрения семиосферы советского — к примеру, модели «мемориальный комплекс» или «кладбище», в которых также заложены функции консервации и сохранения. В этом случае следовало бы проанализировать механизмы существования в беларусском семиотическом пространстве знаков, обеспечивающих преемственность комплекса мемориальности: БССР как место памяти о жертвах войны в советский период и Беларусь как место памяти о советском периоде в период независимости. В работе с метатекстами, поддерживающими пафос ностальгического отношения к советскому, можно обратиться к семиотике некролога и типологии построения метатекстов по принципу некролога: пафос некрологического текста состоит в том, что он не несет негативной коннотации. Возможно, традиция «не говорить плохо о покойниках» была перенесена на отношения с эпохой, в этом смысле ностальгия по советскому прошлому в фильмах и телевизионных проектах «Советская Белоруссия», на наш взгляд, обнаруживает типологическое сходство с некрологами. Откуда возникает отношение к неживым предметам, явлениям, словно к человеческому? Можно рассмотреть это как следствие советской традиции метафоризации быта, неживой приро-

ды, введения родственных отношений (например: Родина-мать, города-побратимы), а можно — как следствие боязни будущего и попытки ее преодоления. В этом смысле было бы интересно исследовать некрофильские тенденции отношения к знакам в постсоветском мире.

Важно помнить при этом, что каждое новое исследование по теме десоветизации семиотического пространства является попыткой переосмысления нашего отношения к знакам, попыткой задания диалогичности в культуре.

Литература:

1. Гройс Б. Медиаискусство в музее. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/groys/mediart.html. — Дата доступа: 19.02.2008.
2. Калугина Т. П. Музей и «музеефикаторский тип культуры» // В диапазоне гуманитарного знания: Сборник к 80-летию профессора М. С. Кагана. Сер.: Мыслители. — Вып. 4. — Санкт-Петербург: Санкт-петербургск. философск. об-во, 2001. — С. 243—254.
3. Куляпин А. И., Скубач О. А. Собиратели хаоса: коллекционирование по-советски // Критика и семиотика. — Вып. 8. — С. 180—188.
4. Мацкевич В. В. Вопреки очевидности. — Санкт-Петербург: Невский простор, 2006. — 209 с.
5. Панасюк В. Посетитель музея и его поведение // Ростовская электронная газета. — № 15/49. 2001. — 12 августа. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.relga.rsu.ru/n69/art69.htm. — Дата доступа: 19.02.2008.
6. Паперный В. Культура Два. — Москва: Новое лит. обозрение, 1996. — 382 с. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/papern/index.php. — Дата доступа: 19.02.2008.
7. Пшеничная С. В. «Музейный язык» и феномен музея // В диапазоне гуманитарного знания: Сборник к 80-летию проф. М. С. Кагана. Сер.: Мыслители. — Вып. 4. —— Санкт-Петербург: Санкт-петербургск. философск. об-во, 2001. — С. 233—242.
8. Топоров В. Н. Вещь в антропологической перспективе (апология Плюшкина) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исслед. в обл. мифопоэтического: Избранное. — Москва: Прогресс, 1994. — С. ???.
9. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». — Санкт-Петербург: Symposium, 2007. — 91 с.

Перформативная грамматика десоветизации

А. Егоров

Употребление словосочетания «перформативная грамматика» в названии доклада отсылает не к языковой грамматической структуре перформативных высказываний, но к способам или правилам построения дискурса десоветизации как дискурса перформативного. Авторская задача состоит в том, чтобы перевести ситуацию из формы отвлеченного теоретизирования по поводу десоветизации в ситуацию делания десоветизации. А значит — продемонстрировать, произвести собственный текст как перформатив. В таком тексте значение приобретает не только то, о чем говорится, но и то, что же этим говорением делается.

Здесь я указываю на один из важнейших аспектов этой конференции. А именно, мы говорим о десоветизации, но вместе с тем ориентированы на реальное свершение того, о чем мы говорим. Эта конференция есть/должна быть вкладом в десоветизацию, реальным движением в этом направлении. При помощи слов (говорения о десоветизации) должны быть совершены действия (реальный сдвиг ситуации в желаемую сторону). А значит, все, о чем мы говорим, должно быть действенным, или перформативным.

Следуя за Дж. Остином, мы называем перформативностью свойство высказывания быть одновременно действием (от объединения англ. слов perfom [представлять, осуществлять, исполнять] и action [действие]) [7]. Соответственно, перформатив, являясь и тем, и другим, объединяет свойства высказываний и действий. Остановимся на некоторых свойствах перформативных высказываний (текстов, дискурсов).

Свойства перформативных высказываний (текстов, дискурсов)

- Высказывание есть действие. Как замечает Дж. Остин, «употреблять предложения (при определенных обстоятельствах, разумеется) — не значит описывать мое действие в акте употребления того, что я говорю, или утверждать, что я что-то делаю: скорее, это значит производить само действие».
- Перформативные высказывания характеризуются не истиной или ложностью, но успешностью или неуспешностью. В этом смысле строится иная по отношению к традиционной формальной логике высказываний логика, логика практическая [8, с. 53—59].

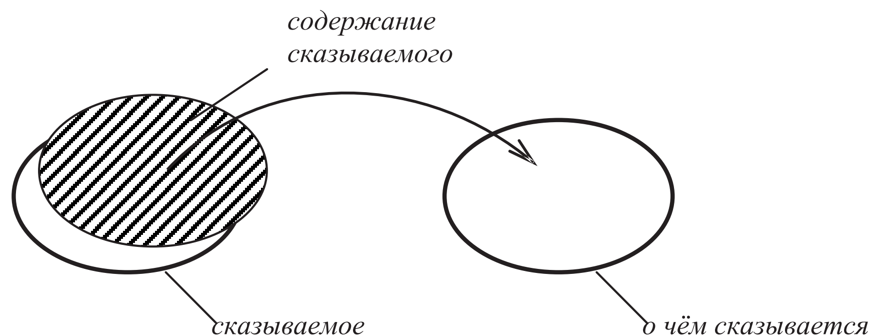

Рис. 1

- Направленность. На это свойство перформативов указывает В. Мацкевич: «как высказывание способно быть поступком или жестом, так и дискурс может быть поступком и жестом. Тогда жесту, поступку, высказыванию и дискурсу присуще направление, направленность на нечто» [5].
- Переход содержания (рис. 1). Как особого рода высказыванию, перформативу свойственна переходность (переносимость) содержания сказываемого на то, о чем сказывается (на то, на что оно направлено) [5]. Рассмотрим пример из Остина. Произнесение в определенных условиях слов: «Нарекаю этот корабль „Королева Елизавета“, — есть совершение действия номинации, называния корабля. В этом акте имя „Королева Елизавета“ (то, что сказывается) переходит на корабль (то, о чем сказывается). Успешность этого перформатива будет определяться состоявшимся переходом его содержания на объект сказывания: корабль действительно станет называться „Королева Елизавета“».

Остановимся на двух последних свойствах (направленность и переход содержания) и рассмотрим, *на что направлен* перформатив и *на что переходит его* содержание. Введем схему элементарной коммуникативной ситуации: адресант посылает сообщение адресату в некоторой общей для них ситуации времени, места и образа действия — для случая перформативного высказывания (рис. 2).

1. «Направленность перформатива на содержание того, о чем сказывается, в комплексе с переходом содержания сказываемого на то, о чем сказывается, будем называть ноэмогенной силой перформатива (высказывания, речи и дискурса)» [5], — так задает это Владимир Мацкевич, но мы проинтерпретируем это несколько иначе: как направ-

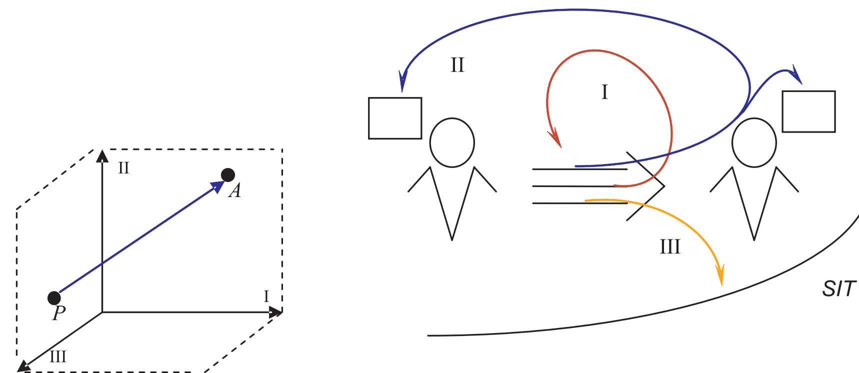

Рис. 2:
I — ноэмогенная сила; II — консенсогенная сила;
III — оказиокреативная сила

ленность и переход содержания на сам перформатив (перформативный текст или дискурс). (В такой редукции, наверное, не совсем корректным выглядит употребление прилагательного «ноэматический», соотносимого с феноменологическими понятиями «ноэма» и «ноэзис», но мы, за неимением подходящего термина и желая сохранить связь с текстом Мацкевича, оставим именно это название.) Например, задается указание на то, как именно следует понимать высказывание: «Иисус отвечал им: Истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха» (Иоанна 8:34), где в устах Иисуса формула «истинно, истинно говорю вам» приобретает не только риторическое значение.

2. «Направленность перформатива на того/тех, кому сказывается, в комплексе, как и на самого сказывающего, с переходом содержания сказываемого на самого адресанта и на адресата сказывания будем называть консенсогенной (косьянсогенной) силой перформатива» [5]. Перформатив может менять статус адресата и адресанта, их отношение к высказыванию, ситуации, друг к другу, побудить к совершению определенных действий и т. д.

3. Направленность перформатива на ситуацию со-бытия адресанта и адресата, на обстоятельства места, времени и образа действия в комплексе с переходом содержания сказываемого на эту ситуацию, а также эти обстоятельства будем называть оказиокреативной силой перформатива». Перформатив может изменить ситуацию (перевести из коммунальной в рабочую), определенным образом номинировать ее (что это было? Рефлексия!), прекратить (матрос Же-

лезняков Учредительному собранию: «Прошу прекратить заседание! Караул устал и хочет спать...») и др.

Пространство сил перформатива

Эти силы задают некоторое пространство, в котором мы можем размещать перформатив (*P*) и то, на что он направлен (на что переходит содержание) (*A*), как вектор в этом пространстве. Тогда любое высказывание о десоветизации представимо в разложении на три составляющих его силы.

Ноэмогенность. О чем сказывается? Что об этом сказывается? Например, в данном докладе говорится о перформативе и десоветизации, а свойство перформативности приписывается дискурсу десоветизации, то есть я устанавливаю такие отношения между ними. Но очевидно, этого недостаточно для того, чтобы перформатив был успешен и такие отношения действительно установились. Вообще же, мы говорим о десоветизации, институциональной замене, институциональных изменениях и много еще о чем.

Консенсогенность. Кто говорит? Или иначе: из какой позиции осуществляется говорение и кем эта позиция наполнена? Здесь позиция — докладчик, сейчас это я — в общем-то, мало кому известный за пределами узкого круга человек. И это снижает перформативность моего доклада, так как авторитетность, наделенность говорящего властью влияет на успешность перформатива. Кому говорится? Аудитории семинара, людям, обладающим достаточной степенью компетенции, чтобы разбираться с предметом говорения настолько, чтобы отвергнуть все сказанное как нелепость или принять как возможную гипотезу. Проведем аналогию между ситуацией этого семинара-конференции и ситуацией всей страны. Ситуация здесь и сейчас гомологична большей ситуации всей Беларуси. Через эту конференцию мы (организаторы, участники) что-то говорим беларусам из некоторой позиции мыслителей, интеллектуалов. Но там ведь всем все равно, что мы здесь делаем, и никто всерьез с этим считаться не будет, наш дискурс не перформативен, если он адресован всем и каждому. Поэтому — кому же именно говорится? Рискну предположить, что тем, кто способен понимать и принимать задачу деятельности, то есть потенциальным ньюмейкерам, делателям нового. Что значит переход содержания говорения на самого говорящего (адресанта), если дискурс десоветизации перформативен и успешен? То, что адресантом принята задача десоветизации, он (а значит, мы, участники семинара-конференции) начал работу с ней.

Оказиокреативность. Какова ситуация со-бытия и каковы обстоятельства времени, места и образа действия? Успешность перформатива в условиях отсутствия общности ситуации адресата и адресанта сомнительна. А эти ситуации могут быть разными, люди, даже находясь в одно и то же время в одном и том же месте, могут быть в разных ситуациях. Учебная ситуация отличается, например, от ситуации проектирования. Здесь мы (я, организаторы мероприятия, сообщество АГТ/ЦСИ) работаем над конструированием деятельности особого рода (социотехническая деятельность по десоветизации), которая будет осуществляться в особого рода исторических условиях, условиях современной Беларуси. Поэтому мы определяем, с одной стороны, что и как мы делаем, а с другой — строим теорию по поводу ситуации реализации этой деятельности. Однако один из участников семинара-конференции, Татьяна Сергеевна Протько, несколько раз говорила о разворачивании здесь учебной ситуации. То есть мы с ней точно в разных ситуациях, а для успешности перформатива необходимо включить аудиторию в общую ситуацию. И здесь имеется гомология с Беларусью. Для того чтобы наш дискурс десоветизации был перформативным, необходимо расширение нашей ситуации до масштабов всей страны. То, что мы обозначим здесь (например, дадим номинации, построим некоторую теорию), должно запускать трансформацию ситуации в Беларуси.

Конструирование перформатива как властного акта

Пьер Бурдье критикует Остина за неучет социальных условий эффективности перформативов, в частности за невнимание к вопросам власти. Для французского социолога символическая власть, символический капитал говорящего выражаются в перформативе: «Символическая власть есть власть творить вещи при помощи слов» [1] (см. также [8, 10]). Перформатив — это властный акт, где власть связывается не с прямым физическим насилием, но «с правом называть вещи своими именами» [4], где прямое насилие вытесняется языковыми формами принуждения [9]. В таком развороте советская власть с ее непременным механизмом физических репрессий архаична. В современном мире властный акт конструируется иначе. (Конструкция властного акта опирается на схему В. Мацкевича [4].)

1. Формулирование объективного значения десоветизации на языке теории. В теории прорабатывается комплекс связанных смыслов и значений, стоящих за понятийным аппаратом теории и связанных с объектами реального мира. «Эффект теории тем сильнее, чем

теория более адекватна» [1], чем в большей степени адекватно она отражает реальную социальную структуру беларусского общества. Здесь и сейчас мы теоретизируем, размечаем пространство, сферы и объекты десоветизации Беларуси, размышляем о средствах и способах этой деятельности. Теоретическая работа должна дать определенное представление о программе десоветизации, определить осмысленный порядок действий.

2. Закрепление термина «десоветизация» за сформулированным в теории значением. В пространстве коммуникации и массовом сознании за сформулированными в теории программой и порядком действий закрепляется термин «десоветизация», то есть совершается акт номинации. Проработке этого аспекта посвящен второй кластер докладов конференции, затрагивающие вопросы экрана массового сознания и экранных технологий.

3. Термин «десоветизация» переносится с объективного значения на цель действия. Закрепленная за конкретной программой, десоветизация объявляется целью действующего субъекта.

4. Цель формулируется на языке действия («Делаем 1, 2, 3»). Десоветизация реализуется как последовательность конкретных шагов, актов деятельности.

Условия успешности перформатива

Успешность, эффективность перформативного дискурса зависит от ряда условий, некоторые из них мы затрагивали выше, обсуждая вопросы социально-властной природы перформатива. Итак, требования условий успешности перформативных высказываний (по Дж. Остину):

а) норма (содержание нормы: система мест и последовательность действий): к норме предъявляется два требования — существование и легитимность (Остин рассуждает об этом в несколько иных терминах: «должна существовать принятая конвенциональная процедура…»);

б) система мест, задаваемых нормой (определенные слова, обстоятельства и т. п.): главным требованием становится взаимная согласованность и соответствие этих мест в структуре нормы;

в) наполнение этих мест: соответствующие места должны быть заполнены соответствующим образом: например, лицом, оглашающим вердикт в суде (определенного рода перформатив-вердиктив), может быть только человек, назначенный главой государства на должность судьи;

г) исполнение нормы: все должно быть исполнено (разыграно) в порядке, предписанном нормой.

Соблюдение этих требований должно способствовать эффективности дискурса десоветизации. Однако необходимо рассмотреть еще некоторые важные аспекты успешности перформативных высказываний, возвращаясь к социокультурным аспектам их производства.

Принуждение: нормативное и реальное

Перформатив возможен (будет успешен) лишь в условиях существования предзаданного принуждения к исполнению перформативного требования. Это принуждение может быть как нормативным (обеспеченным санкцией нормы), так и реальным (обеспеченным аппаратом принуждения со стороны общества). Интериоризованная человеком норма может принуждать и в отсутствие прямого насилия (шаман в традиционных обществах способен убить человека словом), и, наоборот, слабая санкция нормы может быть компенсирована реальным принуждением. Советская власть изменяла соотношение перформативности в системах деятельности. Ликвидировались условия производства перформатива через разрушение всех социальных институтов, обладавших собственной внутренней нормировкой: наука, литература, право, отдельные корпорации и сообщества. Перформативность закреплялась только за определенным языком (официолект) и определенными позициями в социальной структуре и вытеснялась из традиционных институтов (либо существенно трансформировалась). Деконструкция перформативности (и конструирование новой перформативности) шла в нескольких направлениях:

- достраивание социалистических (политических) норм к нормам деятельности традиционных институтов (частично этот вопрос рассматривался на Киевской ОДИ (март — апрель 2005 года) на примере средней школы как вытеснение нормальных функций института функциями политического характера);
- формирование нового советского языка (новояза, официолекта), который существенно трансформировал возможность производства «несоциалистических» перформативов;
- тотальный репрессивный механизм.

Советская социальность была двойственной за счет универсальности «властно-силовых отношений, пронизанности ими всех хозяйственных, этнических, социальных, расселенческих и тому подобных структур» [3]. Советский человек жил как бы в двух реальностях: нор-

мальной и политическо-властной, что отражалось в двойственности всех форм жизни и деятельности. Тех, кто не хотел осваивать такой образ жизни и мышления, обучали насильно, а тех, кто не умел, уничтожали физически. Относительно продолжительное существование таких отношений сделало их нормой и позволило им сохраниться даже тогда, когда репрессивный механизм с распадом СССР перестал существовать: «спецификой тоталитарного государственного устройства (вспомним в связи с этим ведение дневника героями Оруэлла) является своеобразное «раздвоение» языковой личности на автора и цензора (о «включении» самоцензуры при написании писем с фронта свидетельствовали опрошенные нами ветераны), при котором она сама четко разграничивает свою, в том числе потенциальную, планируемую, мыслеречевую деятельность на допустимую и запрещаемую официолектом» [2]. То же относится не только к мыслеречевой, но и к деятельности вообще, к двойственной картине мира советского человека.

В связи с этим в ситуации коммуникации возникают ситуации домысливания реальности (2-й реальности, политической реальности), того, что якобы известно всем, некоего предзаданного «положения вещей». Тогда любое потенциально перформативное высказывание, относящееся к 1-й реальности, начинает интерпретироваться и пониматься только с учетом наличия 2-й реальности. Таким образом, перформатив не распознается как наличный. Например, номинация может не случиться: «вы называете это фашизмом, но мы понимаем, что… [высказывание о 2-й реальности, например: «говорить об этом нельзя»]». Но эта же домысливаемая 2-я реальность позволяет осуществляться иного рода перформативам. Например, идеологически мотивированный приказ «пишите заявление об уходе или…» не подкреплен реальными санкциями — ни нормативного, ни реального характера. За счет домысливания этого «или…» адресат сообщения рассматривает его как перформативное и пишет заявление (слабый перформатив становится успешным).

В современной Беларуси сохраняется именно такое, советское по сути, восприятие реальности, беларусы тотально заражены двоемыслием, а язык отравлен советским новоязом. Все это делает сомнительным возможность перформативности дискурса десоветизации. На что следует обратить внимание в такой ситуации или что мы можем делать?

Возможные ходы

Тезисно обозначим только некоторые потенциально возможные шаги по восстановлению (конструированию) перформативности нашего дискурса:

- расширение сфер, где перформативность возможна (например, рост сообщества АГТ/ЦСИ и тех сообществ, в которых сильна внутренняя нормировка, например Христианские церкви);
- распространение нормального языка: важно восстановление в правах беларусского языка (возможно, это будет не совсем классический беларусский язык Коласа и Купалы, но этот язык должен быть точно не советским [6]);
- проживание ситуаций с работающей перформативностью (ОДИ-зация страны): восстановление перформативности возможно в том случае, когда мы имеем в собственном жизненном опыте ситуации с работающей перформативностью.

Литература:

1. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. — Москва: Ин-т эксперим. социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. — 288 с.
2. Ворожбитова А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. — Вып. 2: Язык и социальная среда. — Воронеж, 2000. — С. 21—42.
3. Каганский В. Советское пространство: конструкция и деструкция // Иное. Россия как предмет. — Москва: Аргус, 1995. — С. 89—130.
4. Мацкевич В. Беларусская демократия: вопреки очевидности. — Минск: Агентство гуманит. технологий, 1996. — 148 с.
5. Мацкевич В. Не думайте о рыжем и слепом утконосе // Belintellectuals.com: Газета интеллектуального сообщества Беларуси. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://belintellectuals.eu/discussions/?id=63. — Дата доступа: 15.02.2008.
6. Мацкевич В. Родной язык? Советский // Беларусь: вопреки очевидности. — Минск, 1994. — С. 21—23. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://worvik.com/dl/belarus_vopreki.pdf. — Дата доступа: 15.02.2008.
7. Остин Дж. Как производить действия при помощи слов. — Москва: Идея-Пресс, 1999. — 329 с.

8. Петков Т. От Остина и Бурдье — к логике молекулярных перформативов // Критика и семиотика. — 2000. — Вып. 1—2. — С. 53—59. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nsu.ru/education/virtual/cs12petkov.htm. — Дата доступа: 15.02.2008.
9. Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. — 1996. № 4. — С. 27—36.
10. Bourdieu P. Language and symbolic power / Transl. by Gino Raymond a. Matthew Adamson. — Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1991. — IX, 302 с.

Десоветизация и социологическая теория

Т. Водолажская

Ставя вопрос о том, какого рода социологические знания позволяют решать задачу десоветизации, мы сразу полагаем ряд допущений, которые следует оговорить и которые сами по себе могут быть развернуты в отдельные проблемы.

1. Десоветизация в принципе возможна, и, говоря о ней, мы рассматриваем ее как смену норм «советских», реализующихся в конкретной социальной ситуации, на некие иные нормы — «несоветские». Десоветизация возможна как искусственный, а точнее как искусственно-естественный процесс, где собственно десоветизация является лишь частью процесса, его негативным описанием, то есть сокращением и остановкой трансляции нормы советскости, которая требует анализа и мониторинга. И в этом отношении она может рассматриваться как естественный процесс. Однако негативная часть может быть представлена не только как естественная, но и как искусственная — специальные действия по ликвидации, разборке нормы советскости, но этот искусственный характер возможен не во всех сферах. Здесь можно обсуждать дифференцированный подход к различным позициям, в которых нормы транслируются и реализуются. Например, для интеллектуальных, политических и культурных элит, вероятно, необходимо создание специальных условий для деконструкции старого корпуса знаний и норм мышления. В отношении массового сознания этот процесс можно рассматривать как естественный — замещение. Но в любом случае вторая часть процесса — задание новой нормы — является сознательной деятельностью, искусственной частью процесса смены норм и необходимой его частью. На этой части я собираюсь остановиться: она делает более чем актуальным вопрос о новой норме, ее содержании, по поводу чего следует сделать следующее допущение.

2. «Советскость» как норма достаточно метафорична и расплывчата, так как соединяет в себе большое количество аспектов и проявлений, то есть это скорее комплекс норм. И вполне вероятно, что альтернативная норма, точнее, нормы имеют различные названия в различных сферах проявления. Ограничиваясь одной из таких сфер, а именно сферой общественного устройства (объектом социологической теории и практики), в качестве проявления нормы советскости мы будем рассматривать (используя терминологию К. Поппера) «закрытое общество», а в качестве соответствующей ей альтернативы — «открытое общество». Говоря о советскости общественного устройства, я подчеркиваю не столько идеологический и идейный план, сколько принципы организации социальных отношений, соответствующие общественному устройству закрытого общества.

3. Я помещаю «открытое общество» в качестве нормы, подлежащей трансляции и реализации, в будущее на основании прагматического, ценностного выбора. То есть признаю принципы устройства открытого общества справедливыми и должными для Беларуси. Понимание ценностного характера этого полагания определяет пространство, в котором возможно вести дискуссии по поводу данного выбора, делает его предметом коммуникации определенного рода.

4. И последнее, пожалуй, самое важное допущение состоит в признании роли социологического знания во влиянии на сохранение или изменение общественного устройства. То есть социологические теории и практика социологических исследований не отражают и объясняют, а скорее задают его, по крайней мере, делают возможным посредством категориального и концептуального определения. Через систему понятий и объяснительных теорий задаются определенные нормы описания и понимания социального мира, которые через коммуникацию, систему обучения и т. д. транслируются и воспроизводятся в реальном социальном взаимодействии уже как нормы деятельности и наборы средств деятельности. Они задают структуру мест и систему координат для самоопределения в социальной системе и функционального и деятельностного определения по отношению к ней. Поэтому, производя знание о Беларуси в категориях, соответствующих «закрытому» общественному устройству, социологи определяют и задают возможности понимания Беларуси, а также самопонимания и самоопределения. Пока нет такого социологического знания о Беларуси, в котором было бы возможно иное, чем советское, понима-

ние или самоопределение. По крайней мере, оно не рефлектируется как таковое, то есть не рассматривается с точки зрения искусственного, технического отношения, а значит, и не может проектироваться, программироваться.

Однако проблема состоит не в том, что такого знания нет или пока нет (более того, фрагментарно оно, вероятно, представлено в тех или иных разработках), а в том, что отсутствует понимание того, каким оно должно быть. К. Поппер подробно рассмотрел, каким образом и что именно в социологических теориях способствует легитимации и производству закрытого, тоталитарного общественного устройства. Однако, на мой взгляд, осталось непонятым или неэксплицированным то, каковы требования к социологической теории, чтобы она задавала и легитимировала общественные отношения, соответствующие «открытому обществу».

Таким образом, перед нами сейчас стоит проблема, которой можно дать название — перефразируем известное произведение (и после сделанных допущений) — «Закрытое общество и его враги» или «Открытое общество и его друзья». Однако здесь и сейчас нет возможности провести глубокое и обширное исследование конкретных существующих социологических теорий, являющихся «друзьями» открытого общества. В качестве первого шага к такому исследованию я собираюсь разобрать и сформулировать основные требования, которые могут быть предъявлены к социологической теории и шире — к социологическим знаниям, — с точки зрения их «дружеского отношения» к открытому обществу. На основании этих требований может быть проведена инвентаризация социологического знания, исходя из установки десоветизации. Наша задача сейчас состоит в том, чтобы разобраться не столько с социологической теорией непосредственно, сколько со способом социологического мышления, адекватным десоветизации. Более того, я полагаю, что такое понимание не только решает задачу десоветизации, но может выступать программным для развития социологии, решения ее внутренних дисциплинарных проблем, связанных с требованием современности, то есть необходимостью адекватно схватывать современные формы социальной жизни.

Исходные основания для такого рода работы, как содержательные, так и методологические, я буду черпать из работы К. Поппера. Во-первых, это понимание ключевого различия между открытым и закрытым общественным устройством. В наиболее общем и принципиальном виде оно состоит в признании или непризнании возможности рациональной рефлексии и деятельностного отношения к социальному устройству. Есть ли в социальном устройстве общества ме-

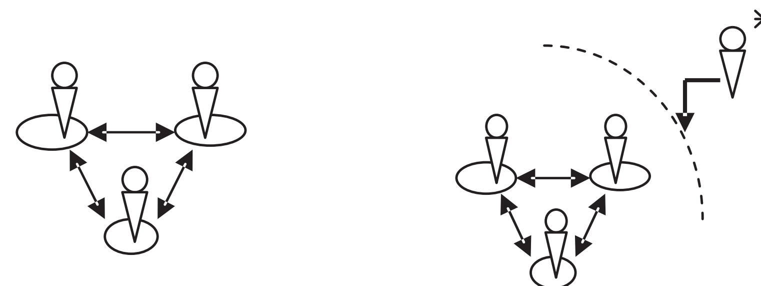

Рис. 1
«Закрытое» и «открытое» общественное устройство

сто человеческому разуму как ответственному за его (устройство) создание. Или же общественное устройство является продуктом внешних сил, не подвластных человеку и человечеству в целом. Большинство констатаций о сути советского общества в первую очередь связаны со спецификой его социальной структуры, которая строится как средство для сохранения и усиления государства, где человек становится простым материалом для жизни и деятельности этой структуры. При этом научное знание об обществе является одним из средств элиминации самоопределения человека, ибо представляет собой картину таких социальных групп и отношений между ними, которые заданы исторической, экономической, социальной и прочими необходимостями, лежащими вне человеческой компетенции (рис. 1).

Для нас это означает, что социологическая теория, соответствующая нормам открытого общества, должна предлагать такого рода онтологическую картину общества, в которой имелись бы место и условия для рефлексивного и деятельностного отношения к этой картине. То есть социальное должно быть соразмерным человеческому. Социологическая теория должна создать механизм установления этой соразмерности.

Как это возможно? Для решения этого вопроса воспользуемся методом работы К. Поппера. Он, с одной стороны, рассматривает онтологию закрытого общества, которую дают Платон, Гегель и Маркс, и в то же время раскрывает то, каким образом эти авторы строят свои концепции. К. Поппер анализирует основные принципы мышления, которые и обеспечивают получаемую в итоге онтологию, то есть рассматривает эти принципы как инструменты для онтологической работы. Здесь важна разноприродность этих объектов анализа, знаний об объекте и о тех деятельности и мышлении, в которых эти знания по-

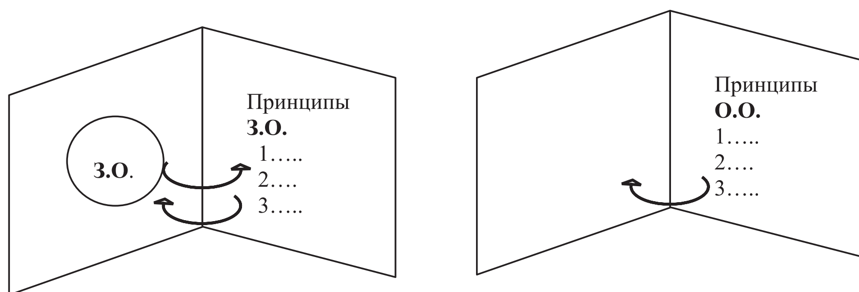

Рис. 2
Соответствие между принципами мышления и онтологиями «закрытого» (З. О.) и «открытого» (О. О) общества

лучены. Попросту говоря, Поппер работает на двух ортогональных досках, обозначая соответствия между ними.

Наша работа будет строиться несколько иначе, поскольку нам следует не установить соответствия, а, исходя из того, что мы имеем на одной доске, восстановить требования к тому, что может быть «написано» на другой. Сама возможность такой работы связана с устройством оргдеятельностной и объектно-онтологической досок, каждая из которых в свернутом виде содержит другую: логика мыслительной работы задает характер анализируемых объектов, а в то же время представления об объектах непосредственно вытекают из способов мыслительной работы (рис. 2).

В качестве содержания оргдеятельностной доски мы возьмем принципы мыслительной работы, которые К. Поппер рассматривал как противоположные принципам, ведущим к социологическим теориям закрытого общества: наивный монизм, методологический эссенциализм и холизм. Среди принципов, организующих «мышление об открытом обществе», Поппер называет критический дуализм, методологический номинализм, эгалитаризм. Каждый из этих принципов, расположенный на оргдеятельностной доске, должен соответствовать или же задавать, налагать требования и ограничения на онтологию общественного устройства, на организацию онтологического пространства. Поэтому далее коротко рассмотрим эти принципы и связанные с ними требования.

Методологический номинализм в отношении к социологической теории «стремится не к постижению того, чем вещь является на самом деле, и не к определению ее истинной, подлинной природы, а к опи-

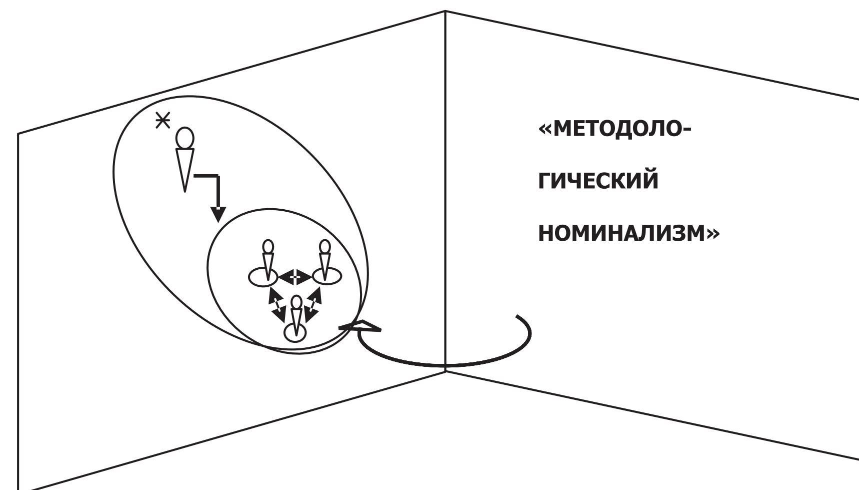

Рис. 3
Социальное как социотехническая система

санию того, *как вещь себя ведет при различных обстоятельствах*, и в частности, к выяснению того, имеются ли в этом какие-либо закономерности». То есть целью науки является описание вещей и событий, представленных в нашем *опыте* и в нашей *практике*. Это означает необходимость одновременного присутствия в онтологии общественного устройства и «вещей и событий» (социальных объектов), и специального места для деятельностного отношения, то есть места для описания способов, средств и инструментов воздействия на те или иные социальные объекты. Это означает, что социальные явления (процессы, структуры, взаимодействия и институты) должны представать как часть социотехнической системы (рис. 3), где знание о способах действия с социальным является столь же важным элементом, как и описание социального. Более того, описание социального исходит из деятельностного отношения к нему.

Критический дуализм, или дуализм фактов и решений, требует *различения и разведения двух типов законов*, действующих в социальном мире: *естественных*, сходных с законами природы (например, законы функционирования социальных институтов), и *нормативных* законов, или конвенциональных норм, как источников создания всех форм социальной жизни. Фактически этот принцип предполагает, что общественные процессы, институты и объекты должны рассматриваться не как естественные и не как искусственные, а как ис-

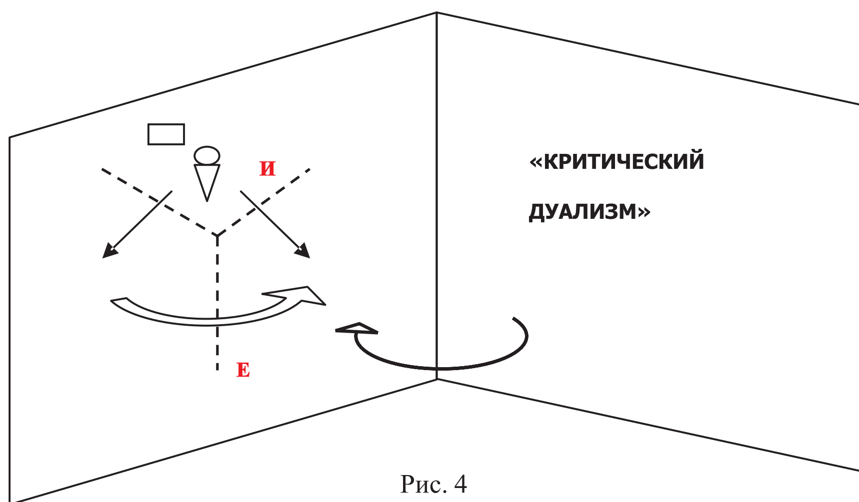

Рис. 4
Социальное как естественно-искусственное
или как искусственно-естественное:
И — искусственное; Е — естественное

кусственно-естественные. Этот принцип задает трактовку изменчивости социального мира, законов его развития и условий сохранения стабильности. Таким образом, в онтологии общества должна присутствовать двойственность искусственного и естественного, которая выражается не в оппозиции и разведении одних объектов как искусственных, а других как естественных, а в ином представлении самих объектов. Актуальная (постоянно присутствующая) природа социальных объектов должна быть двойственной (рис. 4). Данный принцип представления социальных объектов означает введение одновременности нескольких планов (пространств) их существования, связанных между собой, но при этом разворачивающихся по своим собственным законам.

Эгалитаризм схватывает два важных момента в организации мышления об обществе и общественном устройстве. Во-первых, признание «первичности» человека по отношению к каким бы то ни было целостностям, которые являются конвенциональными формами организации его жизни. Они могут становиться крайне значимыми, но не являются природными, естественными формами, для которых человек является условием их собственной жизни и развития. Во-вторых, признание отсутствия природных оснований социальной организации (например, социального равенства или неравенства людей). Для он-

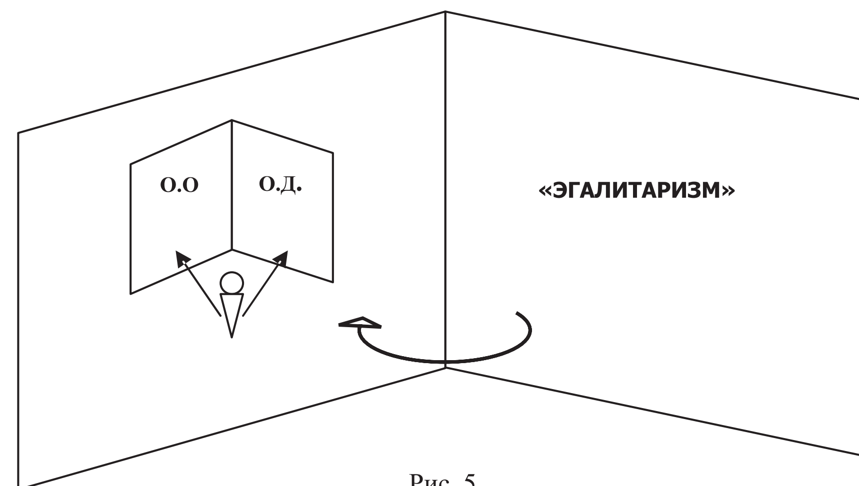

Рис. 5
Социологическая теория — ортогонально организованное пространство:
О. О — объектно-онтологическая доска; О. Д. — организационно-деятельностная доска

тологических картин общества, произведенных с учетом этого принципа, важным является творимость и процессуальность всех коллективных субъектов: онтология общества должна иметь не субъектный или сущностный характер, то есть не оперировать готовыми сущностями, будь то класс, слой, группа, нация и т. д., а строиться как человекосоразмерная система сил, создающих эти коллективные субъекты, и механизмов производства и воспроизводства социальной структуры. Для онтологических картин, произведенных на основании этого принципа, характерно человекосоразмерное построение всей социальной реальности общества. Этот принцип выносит человека в отдельное пространство по отношению к тем или иным социальным сущностям и к их созданию, творению и организации, в пространство ценностей, прагматики как равноположенное (рис. 5).

Фактически критический дуализм, методологический номинализм и эгалитаризм требуют совмещения в одной онтологической плоскости (социологической теории как представлении об общественном устройстве) одновременно трех принципиально различных видов знаний — о социальных объектах и ситуациях, об организации человеческой деятельности по отношению к этим объектам и в этих ситуациях, о прагматике деятеля. Таким образом, дружественность теории по отношению к «открытому обществу» предполагает не только измене-

ние метода исследования и построения онтологии, но и главным образом *смену типа онтологий*. И хотя новый вид онтологии снимает предыдущий, в социально-практическом плане они противостоят друг другу именно в том, что приводят к трансляции норм открытого либо закрытого общества.

В связи со всем сказанным возникают два вопроса. Существуют ли такие социологические теории, которые бы строились по указанным принципам или хотя бы в чем-то соответствовали им? И как соответствует социологическое знание, производимое в Беларуси, этим требованиям?

В отношении первого вопроса можно сказать, что теории, где бы двойственная природа онтологической картины общества рефлектировалась и соотносилась с типом общественного устройства, мне не известны. Тем не менее, сходные основания лежат, например, в социологической концепции П. Бурдье, которая оперирует понятиями социальных пространств. Социальные пространства рассматриваются не как самостоятельная сущность, а как порядок отношений, образуемый действующими субъектами. Социальное пространство, по определению П. Бурдье, — это поле сил, необходимость которых *навязывается* агентам, вовлеченным в данное поле, но и одновременно поле борьбы, где агенты противостоят друг другу со своими средствами и целями, чем задают сохранение или трансформацию структуры этих позиций. Весьма вероятно, что отдельные моменты можно отыскать и в других современных социологических теориях. Однако это предмет отдельного исследования и рефлексивного отношения к социологическим теориям как одному из «производителей» норм общественного устройства.

Что касается второго вопроса, то можно сказать, что социологического знания, соответствующего указанным требованиям, в необходимом и достаточном для десоветизации масштабе в Беларуси нет, поэтому требуются ревизия того, что имеется, и программное простраивание развития социологии в Беларуси.

В ходе обсуждения этих тезисов на конференции были затронуты несколько крайне важных проблемных вопросов, которые вытекают из текста доклада или уже содержатся в нем. В первую очередь, это вопрос о том, откуда в принципе возможны вопрошание и выдвижение требований к социологической теории, а также работа со способами социологического мышления. Это вопрос о рефлексивном выходе за рамки дисциплинарности, переходе в другую позицию либо взаимодействии с другой позицией — методологической. Вопрос о социологическом методе не может решаться внутри социологии и социологическими средствами (категориями, концептами и т. п.). Этот вопрос связан с пониманием того, откуда, собственно, могут исходить и формулироваться вызовы для социологии.

Второй вопрос, который мне хотелось бы отметить, затрагивает сохранение идентичности социологии как дисциплины. При переходе к деятельностной (многоплоскостной) онтологии ставится вопрос о том, социология ли это. Однако проблема выхода современной социологии за рамки модернистского проекта сейчас обсуждается социологическим сообществом. На мой взгляд, вопрос, будет ли социология, отвечающая предъявленным выше требованиям, оставаться социологией, не столь важен. Важнее, чтобы социальное знание, необходимое для решения задачи десоветизации Беларуси, отвечало этим требованиям. Таким образом, все вышесказанное имеет непосредственное отношение к социальному знанию, а для социологии как дисциплинарного проекта представляет собой вызов. При этом вызов дисциплинарности мне представляется гораздо менее существенным, нежели вызов социальному знанию.

И третий важный вопрос касается возможности разворачивания предъявленных требований в собственно онтологические картины. Как, в каких категориях может быть описана, например, искусственно-естественная природа социальных объектов? И здесь, по моему мнению, лежат главная трудность, главный интерес и перспективы.

Советское прошлое и беларусская культурная память

А. Ластовский

Конец 1980-х стал знаменательной эпохой в современной истории: закончилось геополитическое противостояние западной цивилизации и коммунистического блока. С завершением холодной войны по Восточной Европе прокатилась волна «бархатных» революций, ликвидировавших коммунистические режимы.

В Беларуси, как и в большинстве бывших коммунистических стран, советское как властный институт исчезло в 1991 году. Но если рассматривать советское как систему ценностей, которая сформировалась в результате воздействия коммунистической идеологии на определенный социокультурный контекст, то 1991 год стал точкой

не исчезновения советского, а радикальной его трансформации. Сейчас, когда коммунистическая идеология перестала быть активным субъектом в социально-политическом пространстве, советское транслируется скорее по инерции, что, впрочем, не отменяет потребности в десоветизации. Советская культура функционирует в современной Беларуси как симулякр, поскольку эмпирический референт ее исчез еще в 1991 году, но она по-прежнему продолжает свое фантомное существование, определяя идентичность и праксис многих беларусов.

Интересным будет сравнение ситуации Беларуси с опытом других стран, поскольку большинство стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза столкнулось со схожими проблемами посткоммунистической трансформации. Поначалу казалось, что вектор изменений схож — конструирование новой, посткоммунистической идентичности в оппозиции к советскому прошлому. Советскому Союзу (который порою смешивался со стереотипическим изображением «русских») была отведена почетная роль Другого, чье темное и враждебное существование позволяло более четко осознавать собственную идентичность. Соответственно, набравшие силу националистические движения использовали негативную оппозицию к коммунистическому наследию для легитимации своих притязаний в борьбе за власть.

В начале 1990-х годов агенты политического поля Беларуси придерживались схожей стратегии, правда, националистические эксцессы не были столь массовыми и радикальными, как в других постсоветских странах. Тем не менее, и эти попытки оспорить коммунистическое прошлое ушли в небытие после президентских выборов 1994 года. В дальнейшем националистические силы забыли о своем антикоммунистическом пафосе, целиком сосредоточившись на тактических задачах политической борьбы.

В неспешном шествии десоветизации мы можем видеть определенные параллели с ситуацией в России, хотя она кардинально отличается в том отношении, что эта страна стала официальным наследником Советского Союза. Поэтому для наших восточных соседей встала задача создания целостного исторического нарратива, который бы убрал противоречия и конфликты российской и советской истории. Для Беларуси гораздо более простым выглядел путь, избранный восточноевропейскими странами. Конфронтация с советским прошлым и «русскими оккупантами» могла стать наиболее удобной отправной точкой для конструирования посткоммунистической национальной идентичности (на этой позиции настаивали БНФ и другие националистические силы). Но ситуация, как мы знаем, сложилась совсем другим образом.

Убедительная победа на президентских выборах 1994 года А. Г. Лукашенко, активно спекулировавшего на ностальгии по советскому прошлому, доказала, что антикоммунистический сценарий чужд большинству населения Беларуси. Своего апогея реабилитация советского наследия достигла в референдуме 1996 года. Возвращение в государственную символику мотивов времен БССР окончательно (и бесповоротно?) закрепило восстановление связи с коммунистическим прошлым.

И здесь я бы хотел сформулировать основной тезис данного доклада: *я считаю, что беларусская культурная память остается «советской» в своей сущности.* Она не была десоветизирована в первые посткоммунистические годы по причине отсутствия реальной альтернативы советской культурной памяти. Попытки построения национальной идентичности на основе национальной культуры провалились ввиду того, что ее достижения так и остались в сознании интеллигенции. Массовая западная культура не смогла обрести благодатной почвы для «макдональдизации» беларусской культуры — первоначально из-за железного занавеса советских времен, а после его падения новый режим создал очередные препоны для масскультурной глобализации.

Ситуацию осложняет то, что в актуализации советского прошлого в культурной памяти сосредоточены как политические, так и коммерческие интересы. Власть активно использует советское, поскольку в нем оно ищет идеалистическое измерение, которого явно не хватает оформляющейся государственной идеологии. С другой стороны, мы можем видеть, как советское прошлое становится выгодным объектом для коммерческой эксплуатации. Особенно ярко это видно на примере формата телевизионных передач, хотя коммерциализация советского прошлого подминает и другие формы культуры — дискотеки 80-х, выставки соцреалистической живописи, целый пласт популярных книг, идеализирующих мощь и величие коммунистического государства.

Можно выделить несколько основных социокультурных каналов, с помощью которых советское прошлое актуализируется в публичном дискурсе исторической памяти Беларуси:

1) риторика власти, которая транслируется и усиливается с помощью СМИ («мы — советские люди»), следствием является достаточно сильная самоидентификация населения Беларуси как «советских», фиксируемая в социологических исследованиях;

2) реинкарнация советской культуры (как в первоначальной форме — «Карнавальная ночь», транслируемая по телевидению под Новый год, так и в модифицированной — «Старые песни о главном»),

главный праздник нашей страны превращается в ритуал упоенной ностальгии по советскому прошлому;

3) запечатление советского прошлого в беларусском ландшафте (памятники и монументальные здания, названия улиц): в Беларуси практически отсутствовала практика переименования улиц и демонтажа памятников, характерная для большинства посткоммунистических стран, лишь в некоторых случаях осуществлялась десоветизация ландшафта, причем скорее по инициативе местных властей (например, в Молодечно), в большинстве же городов и поселков Беларуси культурный ландшафт остался неизменным и после падения коммунистического режима, а советские названия улиц и монументы создают соответствующее пространство, наделенное культурными смыслами, где сознание в перформативных актах постоянно воспроизводит «советское»;

4) трансформация образовательного процесса (неслучайно особое значение придается курсу истории Великой Отечественной войны, поскольку победа в этой войне служит высшим оправданием для коммунистического режима).

С помощью этих каналов советское прошлое транслируется в мифологизированной и стереотипизированной форме. Отношение к советскому формируется на интуитивном уровне (нерефлексивном принятии либо отторжении), очередь за интеллектуальным критическим осмыслением советского наследия. Ирония может стать мощнейшим инструментом десоветизации, смех позволяет распрощаться с неудобным прошлым.

При этом любая стратегия десоветизации должна исходить из предпосылок, что для кардинального изменения ситуации необходима долгая и тщательная работа по созданию реальной, работающей и действенной культурной альтернативы советскому прошлому. Опять же, в данном случае мы стоим на распутье: либо это будет возрождение национального культурного проекта (и беларусского языка), либо это будет присоединение к победоносному проекту западной массовой культуры. Если не будет оформлен собственный беларусский культурный проект, то Беларусь так и останется объектом колонизации со стороны культурных империй.

Христианские аспекты десоветизации

Д. Гиль

Целью данного текста является обозначение проблемных вопросов, связанных с современным беларусским христианством как объектом десоветизации. Мой доклад преимущественно касается протестантских деноменаций: баптистов, пятидесятников и, в большей степени, харизматов. Это объясняется моим самоопределением как протестанта и опытом работы в протестантской среде.

Одной из основных проблем анализа аспектов советизации христианства, или проникновения советского в христианство, является то, что довольно сложно отделить саму советизацию или результат советизации от секуляризации и дехристианизации. Но для меня важно все-таки обозначить те сферы, в которых видны следы советскости, где необходима десоветизация.

Церковь как учрежденный Богом институт уже существует на этой земле почти 2000 лет. Много всякого произошло за это время. Были и темные страницы истории, были и светлые. Можно гнать христиан, издеваться и убивать их, можно запрещать им вместе собираться и проводить богослужения, можно лишать их имущества, но нельзя уничтожить Церковь — никакому режиму или человеку этого еще не удалось сделать.

Начиная с 1917 года, советская власть целенаправленно работала на уничтожение Церкви — основы существования христианства. Началось это с вытеснения Церкви с идеологического поля, затем последовали отобрание имущества и гонения на верующих. В тех условиях христианство для сохранения себя как религии вынужденно было уходить в подполье и вести катакомбное существование. С одной стороны, следствием такой необходимости стала слабая социализация христиан, с другой — христиане не могли себя полностью изолировать от мира и происходящих в нем процессов, что в последующем и влияло на их советизацию.

Следующие тезисы являются заведомо неполными и дискуссионными. Ниже я перечислю области, в которых, на мой взгляд, имеются следы советскости христиан. Почти все, о чем далее пойдет речь, я наблюдал в моей пасторской практике.

Личность. Вера в Бога помогала христианам сохранить неразрушенной личность в период гонений. Но чувства долга, чести и собственного достоинства были задействованы больше в «неотступничестве» от веры. В итоге, считалось за честь пострадать за имя Христа — это было долгом, и только так христианин сохранял собственное

достоинство. Но наряду с этим в ситуациях, не связанных со страданием за Христа, проявления чувства долга, защита чести зачастую относятся ко греху — и были интерпретированы (интерпретируются) как гордость, самонадеянность и пр. То есть вне веры чувство собственного достоинства искоренено у христиан так же, как и у остальных советских людей.

Семья. Установка идеологов коммунизма на воспитание детей обществом сделала свое дело. Многие современные христиане до сих пор полагают, что воспитанием их детей должна заниматься воскресная школа, то есть община (сообщество).

Деньги и частная собственность. Коллективизация и отобрание частной собственности приводят к культивации зависти по отношению к любому успеху. Это характерно для всего советского общества, и христиане не стали исключением.

Государство и власть. Жизнь человека была полностью поставлена в зависимость от государства. «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога». Осознание греховности советской власти и государства приводит к пониманию их греховности как институтов. Видя безбожность и греховность советской власти, верующие приобрели понимание любой власти и органов управления как безбожных и греховных институтов. Это стало причиной и их полной отстраненности от общественно-политической жизни. Отсюда также вытекает следующий тезис.

Общественно-политическая жизнь. Человек практически полностью отстранялся от принятия решений в общественно-политической жизни, христиане ко всему еще были и изгоями советского «общества». В итоге, стали считать, что христианин не может и не должен участвовать в общественно-политической жизни, что не богоугодное (не Божье) это дело.

Образование и культура. Культура и образование работали на советскую идеологию, христиане в большинстве своем не могли получать образование. Очень часто сами христиане не пускали своих детей в школу. Эти установки до сих пор имеют место в христианской среде — когда христиане полагают, что образование не нужно, оно мало что дает и ни на что не влияет. Как бы защищаясь от «советскости» таким способом, христиане утрачивали возможность осознавать, глубоко разбираться в себе и в происходящем вокруг (ведь это приобретается за счет образования) и, тем самым, попадали под воздействие «советскости», которая ими не рефлексировалась.

Отдельным разделом считаю нужным выделить харизматическое движение и проанализировать его на предмет советскости, поскольку именно благодаря этому движению мы стали свидетелями начала христианского пробуждения в постперестроечное время, к сожалению, остановившегося в середине-конце девяностых прошлого столетия. Кроме этого, следует отметить, что если пятидесятники и баптисты, которые жили в «совке», боролись с ним — кто как мог, то харизматическое движение состоит преимущественно именно из советских людей, пусть даже и молодых, но, возможно, даже и не осознающих, что являются продуктом советской эпохи.

Харизматическое движение и его десоветизация

Харизматическое движение возникло с падением «железного занавеса», когда у зарубежных миссионеров появилась возможность въезда на территорию СССР. Движение приобрело широкий размах. С одной стороны, оно привнесло обновление в протестантские церкви (в большинстве, пятидесятнические и баптистские), находившиеся под серьезным государственным гнетом в течение 70 лет, с другой стороны, появилось большое количество оснований для раздоров и расколов внутри этих общин.

Само харизматическое учение привносит в христианство много нового и полезного, но надо понимать, что носителями этого учения были в первую очередь люди, которые никогда не имели дела с «совком» и не подвергались советизации. Принципиальное отличие советского человека от западного заключается в том, что советское государство берет гиперопеку над человеком, выступает в роли даятеля всевозможных благ, навязывая «наилучший» образ жизни, решая за человека, что для него будет хорошо, что плохо. То есть сверху навязывается диктат, не оставляющий человеку особого права выбора, не говоря уже о возможности добиться чего-либо от государства посредством демократических институтов, коих не было. Такие отношения имеют односторонний характер и исходят от государства. Тогда как в западном государстве отношения между человеком и государством являются взаимными. Где, с одной стороны, государство рамочно дает свободу, позволяя человеку самому делать выбор и нести ответственность за последствия этого выбора, с другой стороны — человек вступает во взаимоотношения с государством посредством демократических механизмов, таким образом имея возможность расширять рамки своей свободы либо понуждать государство к определенным действиям (бездействию). Поэтому, когда западный миссионер, приезжая в бывший СССР, проповедует о процветании, он говорит не о пассивной позиции ожидающего христианина, которому Бог

даст все, что он захочет, но об активной позиции, в которой человек начинает действовать: «вера без дел мертва», и Бог благословляет эту активность. Дело в том, что основная масса харизматов постперестроечного периода — это люди, пришедшие к Богу в результате появившейся возможности проповеди Евангелия, но это все те же советские люди, которые, не освободившись от советского наследия, буквально понимают учение о процветании таким образом, что Бог действительно сделает тебя богатым и преуспевающим без каких-либо усилий с твоей стороны. То есть вместо государства, которое обеспечивало советского человека, появляется Бог, который восполняет все нужды. В результате приходят к выводу, что надобность работать и заботиться отпадает: в общем, «коммунизм в действии», да простят меня все радикальные харизматы.

Советская уравниловка приводит человека к зависти — зависти как реакции на успех, благополучие твоего соседа, знакомого. С появлением учения о процветании практически любой верующий видит возможность избавиться от нищеты и недостатка, вот только на практике не получается так красиво. За каждым успехом стоит работа, которая и отделяет пассивного христианина, ожидающего чуда и процветания с небес, от христианина, который делает то, что от него зависит. Так появляется имущественное неравенство, приводящее к зависти. Только зависть эта становится более изощренной в своей форме и основаниях. Если при «совке» все объяснялось довольно просто: все равны; от каждого по способности — каждому по потребности. То в христианских кругах все не так просто, поскольку человек вплетает в основание своего успеха или неуспеха духовные составляющие. К примеру: «Мы одинаково молимся об успехе, но почему же тогда у меня нет этого успеха, как у моего ближнего? Значит, Бог не так благословляет меня, как его? Я ведь верой и правдой служу Богу, который должен восполнить всякую мою нужду и привести меня к процветанию». Такого рода рассуждения и отсутствие рефлексии собственных действий пассивного христианина приводят только к еще большей культивации зависти.

Следующее, о чем следует сказать, — это власть верующего как одно из учений харизматического движения. Если в советское время человек не имел абсолютно никакой власти и был отстранен от политических процессов и принятия решений, то в соответствии с этим учением абсолютно любой христианин имеет такую власть, которая превыше любой светской власти. Но, несмотря на библейские основания части этого учения, на деле у таких христиан не выходит так красиво, как говорится. А результатом такой «харизматии» является открывание

дверей в исполкомах ногами многими верующими и наведение проклятий на представителей власти, в буквальном смысле слова.

Подводя итог всему вышесказанному, я хотел бы отметить, что отсутствие рефлексии собственных действий на сегодняшний день является основной проблемой современного беларусского христианства.

Отправной точкой выхода из состояния, в котором находится наше христианство, является покаяние, *метанойя* (греч.) — поворот ума, изменение образа мыслей. Многие христиане даже не пытаются рассматривать ум или разум в качестве главной составляющей своей деятельности, основываясь только на своем духовном ощущении, что является основным заблуждением и источником многих проблем, в первую очередь, харизматических церквей.

Решением проблем в рамках работы по десоветизации могут быть программные проекты: запуск долгосрочных процессов образования христиан с включением в общественно-политическую деятельность; профессионализация христиан, начиная от теологической подготовки священников до приведения профессии к призванию каждого христианина; создание профессиональных гильдий (ассоциаций) христиан на межцерковно-конфессиональном уровне.

«Совок»

Н. Семенов

Когда мы ехали на конференцию в Литву, мои спутники довольно оживленно и даже со страстью обсуждали понятия «советский», «совок». Консенсуса, увы, не наблюдалось. Не участвуя в обсуждении (каковое и само отчасти, но лишь отчасти, напомнило мне прежние разговоры на кухне недовольной интеллигенции — а ведь когда она «довольна», это ужасно, не так ли?), я, тем не менее, и сам задумался. И понял, что удовлетворительной версии у меня тоже нет. Мои размышления, в общем-то, свелись к следующему.

Рискну предположить, что «совок» — это своего рода конструкт неудовлетворенного и разочарованного советского же человека, рефлексия этой неудовлетворенности, которую оживляет единственно элемент если не юмора, то иронии. И по-своему бессильной (ирония, между прочим, никогда и не бывает «всемогущей»). Стоило бы выделить такие черты «совка», как абсолютная покладистость (в сущности, он на все согласен, поскольку — «надо»), при этом — полнейшая

необязательность (можно сказать, прирожденный халтурщик), одновременно ему присуща извращенная «гордость», ибо он все-таки всегда при «государственном деле», он же — требовательный жалобщик — и у него всегда есть куда и кому жаловаться (ЦК КПСС был завален письмами трудящихся), имеется также фатальная неспособность к самодеятельному труду, который всегда находился под подозрением (всякая неподконтрольная деятельность считалась едва ли не преступной и рассматривалась как тунеядство, хотя и всячески поддерживался миф «самодеятельных коллективов»), наконец, «совку» не надо мыслить, у него всегда есть готовые ответы (под которые он и может воспроизводить банальность предзаданных вопросов, создавая видимость «мышления»). Само поле рефлексии «совка» радикально сужено: собственно, у него нет свободной приватной сферы, он сам — обобществлен. Такова, на мой взгляд, краткая «феноменология» «совка».

Введем теперь сильное упрощение и скажем: какова ваша онтология, такова и ваша логика; какова ваша история, в которую вы включены, такова и ваша коммуникация; какова ваша аксиология, таким (то есть соответствующим) будет и ваш праксис; каково ваше место, таким (соответствующим) будет и ваше время. Назовем это нашим «принципом относительности». Рассмотрим фигуру «совка» сквозь призму этого категориального ряда.

В известном смысле, о времени действительно можно говорить как о функции места. (В тюремной камере время у вас другое и по-другому течет, чем в уютном гнездышке с любимой). «Советское время» (и, заметьте, я уже говорю не о психологии, а о нормативности) выражено формулой «Время, вперед!» (если не ошибаюсь, название знаменитого когда-то романа Валентина Катаева). Это волевое подстегивание времени, дисциплинарный контроль над ним, который одновременно говорит о фатальной нехватке времени (вечный дефицит не только предметов потребления, но и времени). Как известно, контроль над временем — важнейший инструмент власти. Одновременно — длиннющие очереди, непродуктивная трата времени, вы вынуждены впустую (нет ведь гарантии, что вам достанется вожделенное) растрачивать свое время, как будто его у вас избыток. Это какой-то постоянный перевод избытка в нехватку, обрекающий вас на беготню и спешку. На настоящее, серьезное дело у вас нет времени. Или: именно несерьезное и становится серьезным. Или: нет ничего несерьезного. Предельная озабоченность (при отсутствии, если угодно, самой экзистенциальной структуры Заботы). Спрашивается: из какого места, в каком месте — все это? (Вопрос топологии «советского»).

Странное место во всех отношениях. Можно было бы подумать, что это место постоянного присутствия, наличия, ибо официально утверждена обязанность постоянной бдительности, мобилизованности. Но попробуйте ухватить этого «совка», такого опознаваемого, — его вечно нет, это место отсутствующего. (Можно сказать, что «совок» — это своего рода советский поручик Киже). И потому-то его «наилучшее Место» — лагерь, единственно где можно как-то не допустить это вопиющее отсутствие… И вся страна, сверху донизу, была превращена в лагерь. Место «совка» — Лагерь, от пионерского до гулаговского. И мы могли бы заняться исследованием, анализом его конкретной топологии. А теперь заметьте вопиющее противоречие: место — лагерь, а время — вперед. Но это отнюдь не то противоречие, которое открывает поле для рефлексии, а то, которое зажимает ее.

Обратимся к онтологии и соответствующей логике «совка». (Вспомним, что и каждой физике соответствует своя геометрия). Какова банальнейшая логика советского человека? Мало сказать, что она линейна и сугубо предметна. Вкратце ее суть, полагаю, такова: «этого не может быть, этого не может быть никогда» (поэтому и стараться особенно нечего). Но одновременно «нет ничего невозможного для советского человека» (если партия, вождь скажут — сделаем, а куда мы денемся?). Таким образом, перед нами крайности — и никакого опосредования (то, что у него общее с «русским мышлением», последнее требовало умения выдерживать антиномию, первое — вообще ее не замечать, и советский человек умел «выдерживать», то есть просто не замечать любую антиномию, при этом признавая ее безусловно). Например: либо «враг народа», либо «друг народа», третьего не дано (кто не с нами, тот против нас). Однако в то же время любой «друг народа» в любой момент мог оказаться «врагом народа» — никаких гарантий. Ничего подобного, между прочим, не было в фашистской Германии. Таким образом, при всем пиетете советских философов перед Гегелем, это никак не гегелевская логика опосредования. Какова же онтология (в смысле способа бытия), стоящая за этим? Воспользуемся гегелевским же языком. У «совка» нет никакого «в-себе-бытия» (а потому чем же, в конце концов, становится психология? — теорией деятельности и социализации). Но у него нет и «бытия-для-себя» (ничего личного, все растворено в коллективном). Это не значит, что у него есть «бытие-для-другого» (пресловутый «интернационализм», который так дорого обходился тем, на кого он был обращен). Потому что кто такой этот «другой»? Именно тот, у которого тоже нет ни «в-себе», ни «для-себя» — такой же «совок». Чем же оказывается это бытие? Фактически — «бытием-вне-себя». Но это ни

что иное, как спекулятивное определение демокритовского (излюбленный, между прочим, философ в советские времена) атома. Он одновременно абсолютно одинок — и никуда не может деться в мировой пустоте от других одиноких атомов, вступая с ними в физически случайные, но метафизически необходимые сочетания. Так что философские умники бывшего Союза не разглядели за этим советским коллективизмом фатального одиночества.

Как известно, аксиология превратилась в первой половине XX века в целое философское направление (уже баденская школа неокантианства, потом Макс Шелер и др.). Посмотрим на аксиологию советского человека и «определяемый» ею праксис. Опять же, обычная «практика» нашего «совка» какова? Какая «прагматическая схема» лежит в ее основе? (В русской литературе есть хорошие образцы: например, «Человек в футляре» Чехова с его «прагматикой» — «как бы чего не вышло»). Прагматика советского человека, как мне кажется, определялась следующим: должно было выходить так, чтобы не рефлексируемое, но упрямое несоответствие слова и дела оказывалось рефлексируемым их соответствием. «Советский человек не обманывает». Но если говорили одно, то это вовсе не значило, что и делали то же самое, обычно как раз наоборот было. Это противоречие в прагматике соответствует противоречию в аксиологии (и даже в каком-то смысле определяется им). Ибо в ценностном плане «совок» на самом деле — абсолютист; коммунизм, как его ни осмеивай, — это его абсолют, хотя и лишенный трансцендентности. Но он же — и прагматический релятивист. «Имманентно» он обязан быть абсолютистом, а «трансцендентно» (то есть по ту сторону официально признанного) он прагматический релятивист. Кстати, это выражено и философски. Абсолютный критерий истины — практика, но поскольку она текуча и революционна, то она же и относительный критерий. Итак, «совок» жаждет «абсолютного», но в то же время он жаждет и «обычной нормальной жизни». В воображении «все или ничего», в реальности — «хотя бы что-то».

Наконец, историчность и коммуникация. Та же странная расщепленность. С одной стороны, «совок» — фигура историческая, исторически возникшая и исторически преходящая. Но с другой, он в некотором смысле «трансцендентален», он — «вне истории», поскольку он — в этом непонятном промежутке между «предисторией» и «подлинной историей». Он не возник из истории, его там не было — и он не знает «постистории» и «смерти истории». В идеологическом ключе он — самоначало Истории. «Советский человек» — это и «советская эра». Они взаимно открывают и учреждают друг друга, одновременно учреждая новую «подлинность» (и даже сам критерий «человечности», поскольку советский человек и есть «истинный человек»). А его коммуникация изначально определяется загадочным словом «товарищ». Прокламируемое равенство, интернационал «товарищей». У «товарища» — только две альтернативы: смертельный (читай — классовый) враг и «гражданин начальник». Между прочим, не говорят «товарищи по счастью», но говорят «товарищи по несчастью». «Товарищ» — замена естественного «брат», искусственный продукт инженерии коммуникации («совок» уважителен по отношении к инженерии, но презирает «инженеришек», поскольку мало получают). «Товарищ» — это как бы «брат», но и не «брат». Итак, по горизонтали все мы «товарищи». А по вертикали — строгая субординация: я твой начальник, а ты мой подчиненный. Но есть еще и две диагонали. На одной коммуникация осуществляется по схеме «свой» — «не свой» (блат, телефонное право), по другой — согласно схеме «ты мне, я тебе, но желательно, чтобы ты мне больше» (специфически советский обмен). Вот этой общей рамкой, которую мы очертили, и зажата «саморефлексия советского» (или «советская рефлексия»). Все, что вне ее, есть, говоря вульгарно, «выдумки буржуазной пропаганды и разного рода злопыхателей». И сидеть бы мне в те времена за все сказанное здесь.

Перейдем к тому, что условно можно было бы назвать «экзистенциальным анализом». Хотеть, Мочь, Долженствовать, Сметь. То есть скажи мне, чего ты в действительности хочешь, что ты можешь, что ты должен и на что ты осмеливаешься, — и я скажу, кто ты. «Совок» может все — но в строго указанных рамках, при руководящем принципе. И он ничего не может там, где нет ориентиров и руководящего принципа, где нет задания. Тогда он становится беспомощным. (Показательно в этом плане, как и где создавалось советское оружие, включая проекты атомной и водородной бомб). Может все в несвободе — не может ничего в свободе. Его «желания» официально «назначены», объективированы и определены. Но в собственно субъективном плане он хочет весьма немногого, по меркам нынешнего потребительского общества. Однако то, что он хочет, дефицитно и престижно в его системе отсчета (дефицитное как знак привилегии). Он хочет этого, ибо смутно осознает свою обделенность, в которой, тем не менее, не склонен себе признаться. Он горд подачками. Но его желания двоятся, ибо втайне он хочет того, чего не может, и не хочет того, что может. Поскольку он должен всем (должен государству, «основоположникам», партии, комсомолу, ветеранам, обществу в целом, своему коллективу, будущим поколениям, великой идее), он не должен никому. Будучи таким образом человеком «великого Долга» (что дает

ему основания поучать других), он есть одновременно безответственный объект заботы и опеки (что дает ему основание возмущаться тем, что его «забыли», «обошли»…). На что же он решается, что смеет? Он больше не Революционер, он — осовеченный мещанин (еще два его «лика» — «осовеченный интеллигент» и «осовеченный аппаратчик»; такая специфическая фигура, как советский бюрократ или, к примеру, «советский писатель», — это ведь тоже «совок»). Он смеет диссидентствовать на кухне, осмеливается на домашний бунт, но он не смеет протестовать на площадях; отводя душу в анекдотах, он послушно участвует в собраниях и организованных голосованиях. Но вопрос заключается не только в том, на что я осмелился, но и что смог перенести. Парадокс: человек, который ничего не мог сметь — но зато все смог перенести. И это второе — именно потому, что первое. «Совок» — «советский человек» — все смог вынести и перенести, потому что ничего не смел. Когда надо было убояться, он не смел и оказывался «героем». А когда надо было явить смелость — он тоже не смел оспорить само это «надо» и опять же оказывался «героем». Но «за все надо платить» — сказал великий безвестный. И за это тоже. Как такой «всегдашний Победитель» не мог заплатить тотальным поражением? Он и заплатил. Причем безропотно.

Резюме. Советский человек (воплощенный в образе «совка») — это человек, сумевший приспособиться к тотальной лжи и сделать ее своим орудием, орудием выживания. Освоивший язык лжи, который перестал быть для него преградой. Что же говорит нам советский человек на прощанье? «Все так [он ведь к тому же и соглашатель], но ведь были во мне и хорошие черты, и время мое было не только черным, я знал прекрасные минуты».

А теперь вопрос о Besinung, вопрос «оглядки» — на то, что было совсем недавно, но и более трудной на точку «здесь-и-теперь», на тот специфический, особый феномен, который уже не может, строго говоря, быть квалифицирован как «советский», но не может и как «антисоветский», феномен, в котором мы сами и пребываем, оглядка на самих себя в нашем «здесь-и-сейчас». Итак, остается последний вопрос: из какой, собственно, позиции дается это описание? из какой позиции это сказано? Из той, которую можно определить как «меня там (в данном случае в «советском») нет — и потому-то я могу это опознать»? Ибо я ведь не связан никаким «определением», и сколько бы мне ни говорили: «определись, самоопределись», — я ускользаю от этого требования, оставляя всех «определителей» (а это властная фигура), так сказать, с носом. Но не превращаюсь ли я тогда в своего рода вечного Жида, который благодаря тому, что он всюду «не свой», может везде проскользнуть, не оставляя следа? Однако жизнь, не оставившая следа, — это прочерк. Или скажем иначе: какой, собственно, топос явлен этим описанием «советского сознания»? Быть может, феноменолога, который обязан взять все «советское» в скобки и, осуществив процедуру эпохэ, трансцендентальной редукции, выявить «чистый феномен советскости»? Или тут должны вступить в игру вы (слушатели, читатели), согласно высказыванию, сделанному Хайдеггером на одном из семинаров: «Вы не поймете меня, пока не увидите моих границ, сам я увидеть их не могу»? Меня нет — это значит, что у меня нет границ; поскольку у меня нет границ, никакая власть надо мною не властна; но ценой этого является то, что меня, которого «нет», нельзя понять. Я даже не «пробел» (уже что-то значит) в вашей великой и / или гнусной жизни, который вы рано или поздно можете заметить. От себя замечу, что это пресловутое «меня нет» не напоминает, не должно было бы напоминать о себе словами «меня нет» — так что это лишь претенциозный способ самоманифестации.

Для меня с этого момента начинается новый дискурс, который требует воплощения в совершенно ином со-общении. Значит, я должен был бы поставить здесь одновременно и точку, и многоточие. Жаль, не изобрели еще такого особого знака.

Роль и место НКО в процессе десоветизации

Л. Калитеня

Общей рамкой доклада является моя профессиональная деятельность, а именно разработка и реализация проектов ОО «Центр социальных инноваций». Речь пойдет об аспектах десоветизации, которые важны именно с точки зрения этого функционального места.

Советизация и десоветизация как гуманитарные технологии

Я рассматриваю советизацию как гуманитарную технологию, направленную на уничтожение человеческих качеств и свойств, которые и делают людей людьми и гражданами (в современном, цивилизованном понимании этого слова). С другой стороны, советизация — это реконструкция архаичной системы ценностей, позволяющая организовать неограниченную власть над обществом (тоталитаризм) на неограниченное время.

На что важно обратить внимание в данной интерпретации советизации:

1. Советизация — это технология, то есть намеренный, искусственный, *синтетический процесс.*
2. Это не создание новых, а реконструкция архаичных, дохристианских систем ценностей в обществе [1].
3. Эта реконструкция предусматривала в свое время не освоение девственной почвы «естественной» культурной среды, а планомерное, *технологичное уничтожение* как культуры, так и существующей культурной среды, имевшей в своей основе христианские ценности. То есть обеспечивалась невозможность реконструкции христианских норм впоследствии.
4. В этой системе предусмотрен и успешно реализован механизм *самотрансляции* этой «новой культуры».

Какие выводы следуют из вышеизложенных допущений о советизации для тех, кто заинтересован в разворачивании процессов десоветизации?

На первый взгляд, организатор процесса десоветизации сталкивается с проблемой, похожей на задачу евангелизации язычников. Имеется в виду, что евангелизация представляла собой освоение естественной (точнее, конечно же, естественно-искусственной) культурной среды.

Советизация так же представляла собой искусственно-естественный процесс, реорганизации некой естественной среды. Под естественностью понимаются «оестествленные» за века христианские культурные нормы. Можем ли мы пренебречь «дохристианской составляющей», пытаясь дать описание советизации в данной модели? На самом деле, мне до сих пор трудно однозначно ответить на этот вопрос. В предлагаемой мною схеме рассуждений этим влиянием пренебрегается потому, что конструирование технологий не является очевидным свойством дохристианского мира. А марксизм (послуживший основой для большевизма) является полностью новым (новейшим) интеллектуальным продуктом, а не калькой с языческой культуры.

Но чем точно нельзя пренебречь, так это фактом, что в языческой культуре не было заложено активной составляющей сопротивления, агрессивной к христианским нормам. То есть языческие культы были равно толерантны друг к другу и к христианству. Христианская культура как бы «поглотила» языческую. Идолы были сброшены. А традиционные праздники наполнены христианским смыслом. Возврат к язычеству был невозможен благодаря определенным механизмам (постулаты, ритуалы, обучение) внутри христианства. То есть был создан определенный механизм, «запирающий» ход обратно.

В советизации как технологии этот механизм реализован тоже. Наиболее очевидные детали (процессы) этого механизма:

- разрушены или «переделаны» основные институты, транслировавшие и реализовывавшие «старые ценности», — семья, местные сообщества, властные структуры, религия;
- изменена семантическая среда (новояз Оруэлла);
- введена «новая» система этических норм (война, а не мир; рабство, а не свобода; незнание как норма);
- переписана (укорочена, дополнена) история.

Что нам дает введение такого технологического элемента, «как запирающий механизм»? Десоветизация не может быть успешно реализована простой схемой «возврата к исконным ценностям» или «повторной евангелизацией»: если описывать десоветизацию как технологию, то первым шагом должно стать преодоление такого свойства советизации, как «запирающий механизм».

Десоветизацию нужно описывать как дважды искусственный процесс. То есть нельзя обойти «запирающий механизм», не позволяющий возврата к тому, «что было до советизации». Нельзя вернуться к досоветскому, можно перейти к послесоветскому. «Запирающий механизм» должен быть включен как условие, которое нельзя не учитывать при построении десоветизации как гуманитарной технологии.

Второй момент, который мне представляется достаточно важным при рассмотрении десоветизации, это «синтетичность». Десоветизация не может быть чисто «синтетическим» процессом. Иначе это будет «Советизация: версия 2» (может, это мы имеем в Беларуси?). Скорее десоветизацию можно описать схемой шагоразвития, где в будущее помещаются «уцелевшие» живые (естественные) фрагменты христианских культурных норм, а все последующее «выращивается» как бы заново, по принципу «живое рождает живое».

Десоветизация: процедуры и инструменты в рамках деятельности НКО

Советизация (тоталитаризация)	Десоветизация
Разрушение (переделка) основных социальных институтов (власть, сообщество, семья, авторитеты, личность)	?
Антихристианская система этических норм (Война, Рабство, Незнание, Ненависть), удерживаемых через двоемыслие	?
Семантическая среда (новояз) – автоговорение = говорение, подавляющее рефлексивность, двоемыслие	?
Искажение информации (переписывание истории, замещение знания идеологией и т. д.)	?

Десоветизация должна представлять собой технологический процесс разоформления тоталитарной системы ценностей и отношений в обществе и включать в себя как минимум перечисленные ниже действия.

1. Остановка, окончание войны. Для тоталитарных систем необходима война — любая. Хоть бы и «битва за урожай», Великая Отечественная война, НАТО, США, Евросоюз, Ирак, война с преступностью. Мероприятия НКО должны иметь своим результатом прекращение войны (военных ритуалов) в реальности людей. Индикатор — воинственное говорение и образ действий, свойственный военному времени, должны быть искоренены.

2. Остановка пропаганды и агитации в СМИ или распространенных в тоталитарных СМИ «пятиминуток ненависти» (БТ).

3. Преодоление двоемыслия в содержании образования и в массовом сознании вообще.

4. Личная жизнь, личные отношения должны стать выше и несоизмеримее так называемой «общественной работы» и тому подобного (иерархия целей, ценностей). Имеется в виду внимание к личности, а не к коллективу, сопереживание, эмпатия. Система старается низвести, редуцировать все это до понятных экономических, демографических, измеряемых показателей. Целью и искомым результатом деятельности НКО должна стать семья — как институт, противостоящий «совку».

5. Восстановление истории — отличной от советской и большей, чем советская.

6. Искоренение «новояза» — говорения, подавляющего рефлексивноть, и постановка рефлексии.

Сложность задачи

НКО несоразмерны заявленным целям. Действительно, если поставить вопрос о том, как НКО могут остановить войну, восстановить семью и т. д., делается очевидным, что они могут быть лишь одним из инструментов для реализации этих целей. Но в руках кого? Если понимать НКО как ассоциацию свободных граждан, то возникает проблема. Если мы приходим к выводу, что НКО сами по себе несоразмерны с задачами десоветизации, то чьим инструментом они могут быть (будучи свободными, то есть неуправляемыми по определению)? В идеальном случае необходимо такое место в социуме, откуда НКО черпали бы задачи. Это место можно назвать — культурные интеллектуальные авторитеты.

А что мы имеем в беларусской реальности? Это место занимают «доноры». То есть произошло замещение: «доноры», перестав быть инструментом, ресурсом для реализации целей НКО, стали задавать идейное и задачное содержание, черпая его, в свою очередь, из... А откуда? Из задач интеллектуальной элиты других стран. Но эти элиты слабо связаны с беларусской ситуацией. Если принять эту версию, то многое из происходящего в странах Восточной Европы становится понятным. Задача формирования интеллектуальных авторитетов (местной интеллектуальной элиты) стала первостепенной. Но кто и как может их сформировать?

Другая сложность: сутью десоветизации (в отличие от евангелизации язычников) является деконструкция технологически простроенной нормы. Значит, требуется технология деконструкции нормы, настроенной агрессивно к деконструирующей норме.

Литература:

1. Лефевр В. А. Алгебра совести. — Москва: Когито-центр, 2003. — XI, 411 с.

III. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕСОВЕТИЗАЦИИ: ЭКРАН МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Во введении к сборнику говорилось о том, что идея десоветизации на постсоветском пространстве не получила серьезного теоретического обоснования и не была сколько-нибудь глубоко проработана. Тезис и идея десоветизации были выдвинуты и остались на уровне идеологии и публицистики. Мы можем отнестись к этому факту критически и подчеркнуть необходимость глубокой теоретической проработки, но и можем заключить, что такое положение дел по-своему закономерно, по крайней мере, вполне объяснимо. Гуманитарное знание гораздо в большей степени зависимо от общественного мнения, нежели естественнонаучное. Беларусские ученые (политологи, социологи, философы и даже советологи, если бы таковые существовали) могут легко рассуждать о десоветизации в американских, французских, немецких, польских университетах, парламентах и газетах. Но не в беларусских. И дело при этом не столько в вульгарной цензуре, которая, безусловно, сохраняется на постсоветском пространстве, а в состоянии общественного мнения, или ментальности, как иногда говорят, следуя за современной модой. Состояние общественного мнения в стране в данном случае предопределяет два очень важных принципа. Первый из них достаточно прост и очевиден — нельзя в одночасье изменить содержание и характер общественного мнения. Гораздо рациональнее и эффективнее изменять его поступательно и планомерно. То есть речь идет о принципах системности и поэтапности. Куда менее очевиден принцип приоритетности, действующий скорее в философии, чем в конкретных науках. В общем виде его можно сформулировать так: приступая к глубокой проработке какой бы то ни было философской идеи (или идеи в области гуманитарного знания), необходимо подготовить общественное мнение к ознакомлению с этой идеей. Вопреки распространенному в Советском Союзе представлению, идеология не может заменить и никогда не заменяет знания и философию, а только, и всего лишь, предшествует знанию и философии. Работа с широким общественным мнением является обязательной пропедевтикой для каждого философа, приступающего к систематической и глубокой проработке какой-либо темы.

В наибольшей степени этот принцип влияет на образ действия (modus vivendi) беларусских философов и гуманитариев. В беларусских библиотеках, книжных магазинах, и даже на спутниковых телеканалах, доступно все необходимое знание об устройстве современного знания, политики, демократии, о главных общественно-политических проблемах современности. Однако все это никак не сказывается на состоянии беларусского общественного мнения. Возможны разные объяснения этого феномена. Мы пока остановимся только на том, что определяющую роль во всем этом процессе играют доминирующие средства массовой информации или то, что мы называем экраном массового сознания.

Необходимо признать, что все многочисленные теории массового сознания, PR-технологии, социологические и психологические объяснительные конструкции оказываются дефициентными при объяснении и понимании «беларусского феномена». Мы признаем также, что и мы все еще далеки от удовлетворительного понимания и объяснения. Поэтому тексты, помещенные в этом разделе, представляют собой всего лишь далекие подходы к разрешению этих вопросов и проблем. Мы размещаем эти тексты в сборнике, следуя древней китайской мудрости, что даже самая дальняя дорога в тысячу ли начинается с первого шага.

Далеко не всегда первый шаг может быть удачным. В таком случае его приходится повторять. Можно вспомнить, что первый шаг был предпринят В. Мацкевичем в период президентской предвыборной кампании 1994 года[1], когда уже было очевидно, что программные политические предложения беларусских демократов катастрофически проигрывают левым, просоветским политическим предложениям. Именно тогда был впервые и всерьез поставлен вопрос об экране массового сознания в Беларуси как вопрос технологический и практический.

Первая и серьезная постановка вопроса вовсе не обязательно ведет к его разрешению. Беларусская проблема очевидна во всей ее остроте и принципиальности, но она так же далека от разрешения, как и в 1994 году. Но это не повод отказываться от ее решения. Надеемся, что очередная попытка сделать первый шаг в этом направлении будет более плодотворной.

[1] Мацкевич В. В. Вопреки очевидности — Санкт-Петербург: Невский простор, 2006. — 209 с.

Устройство экрана. Использование феномина экрана для управления процессом десоветизации

В. Чернявский

Понятие «экран» появилось в Беларуси после публикации статьи В. В. Мацкевича «Политика: средство или цель» [2, с. 207]. Глава «Экран» из данной статьи явилась фактически отправной точкой для моего доклада. Однако далее я буду излагать слегка иную версию представлений об экране, которая появилась благодаря ОДИ, прошедшей в Мариуполе в июне 2006 года. Понятие «доска», которое используется в докладе, опирается на представления, изложенные В. В. Мацкевичем в книге «Беларусь: вопреки очевидности», в главе «Методологическая проблема» (место коллективного мышления, проектирования и проигрывания будущих ситуаций — «шахматная доска») [2, с. 42].

Игра в Мариуполе стала для меня важным событием: впервые я стал участником коллективно мыслящего субъекта. Мы (А. Егоров, И. Жизневская, Л. Калитеня, Т. Пошевалова, В. Чернявский, А. Швецов) создали схему «экран => доска => плацдарм» (рис. 1), в которой мы отразили свое понимание того, что деятельность коллективно-распределенного субъекта осуществляется одновременно в ситуации на плацдарме и нескольких идеальных планах-плоскостях. Отсюда, чтобы понять смысл любого действия или самим управлять деятельностью, необходимо производить визуализацию этого действия на всех планах.

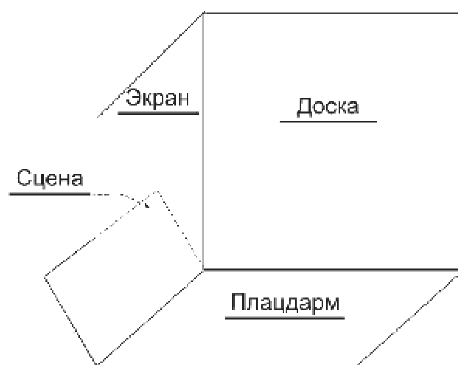

Рис. 1

Для понимания мариупольской схемы *ключевой является схема: «трансляция культуры — воспроизводство деятельности»* (схема воспроизводства деятельности и трансляции культуры представлена, например в [3]). Уже на ней учтены ортогональность культуры и деятельности и задано то, что культура транслируется, а деятельность — реализуется в ситуациях. Мариупольская схема вводит понимание пространства культуры как состоящего из двух ортогональных плоскостей, а это задает в свете выше сказанного:

а) определенную функциональную независимость этих плоскостей;

б) разный знаковый материал и разный механизм трансляции на плацдарм;

в) возможность взаимной трансляции с одной «идеальной» плоскости на другую и, соответственно, возможность реализации этих трансляций.

Отличие доски от экрана

Тезис	Доска	Экран
Расположение относительно плацдарма	Ортогонально плацдарму	
Расположение доски относительно экрана	Ортогонально друг другу	
Функции	Место коллективного мышления	Место трансляции норм, средство массовой коммуникации
Основные процессы	Рефлексия, проблематизация, понимание через мышление	Трансляция норм, эталонов, стандартов; понимание без участия мышления
Охват человеческого материала	Интеллектуальные и духовные элиты	Население, массы
Материал	Схемы, знания, цели, средства	Образцы, эталоны, нормы, стандарты
Различение знакового материала	Метафора: «строительные леса», проект	Метафора: построенное здание, изделие
Механизм трансляции на плацдарм	Вербальный, передача содержания	Визуальный, передача форм и образцов

Взаимосвязь и взаимоперенос содержания	Доска выступает в качестве «верстака», где происходит разборка и сборка идеальных объектов – схем объектов экрана и плацдарма. Для «переброски» результата сборки на экран нужна специальная работа («конфигуратор»), которая не описывается метафорой «проецирование слайда». С другой стороны, «переброску» результатов сборки на плацдарм можно описать через целеполагание и самоопределение.	Экран транслирует нормы на доску и плацдарм, которые являются основаниями и рамками для деятельности (схема трансляции-воспроизводства деятельности) и мышления (мышление как деятельность).
Пример «конфигуратора»	Военная ситуация. Штаб разрабатывает план операции у доски (песочница, имитирующая плацдарм военных действий). Когда план принят, его нужно донести до каждого солдата. И тут нельзя уже перед всем войском воспроизводить «штабную песочницу» – генерал встает перед строем (фигура на экране, show) вводит несколько реперов (мы наступаем или отстаиваем плацдарм и т. п.) и говорит в основном какие-то лозунги – уж никак не описывающие план, принятый на доске. То есть понятно, что главное в этой речи не содержание, а *деятельностная установка*, которая передается через разыгрывание понятной всем роли.	
Отношение к пространству культуры	Доска есть место, из которого видна дверь в пространство культуры («амбар» по Г. П. Щедровицкому [8, с. 464]) и видно ее устройство. Доска есть место «разборки-сборки» таких дверей.	Экран есть дверь в «амбар», где собраны все богатства культуры. Экран – это механизм трансляции содержимого «амбара», который зависит от аудитории. Если механизм согласован, то аудитория видит свой экран, а если нет – то трансляции нет. Поэтому правомерно и иное определение экрана – «китч» для толпы, жвачка для масс, продукт информационной эпохи, используемый правящим классом для управления массами.

Сегментарное устройство экрана

Культура многообразна и бесконечна, однако очевидно, что в определенной ситуации транслируется и реализуется только часть этого многообразия. И поскольку полагается, что трансляция осуществляется посредством экрана, то это свидетельствует о наличии функции «фильтра» в экране. Я себе это представляю таким образом, что экран задается рамочной установкой, которая «вырезает» в поле культуры своеобразное «окно» (сегмент), через которое транслируются только те нормы, которые рамочно встраиваются в установку.

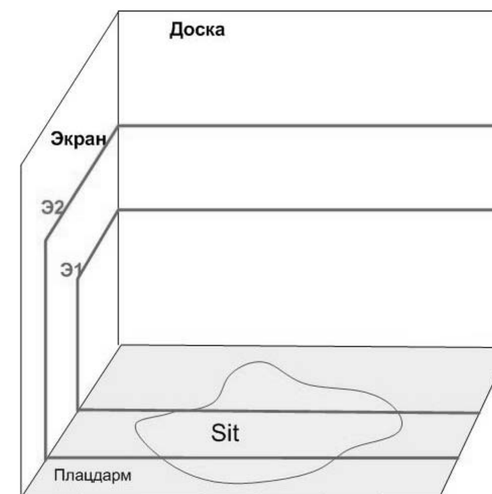

Рис. 2

По сути, возможно существование множества экранов для одного плацдарма, но в пределе все эти варианты взаимного расположения можно свести к ряду рамок, где каждая последующая охватывает предыдущие. Схематично это можно показать как ряд экранов Э1, Э2, … (рис. 2).

При этом очевидно, как установка, «фильтрующая» нормы, ограничивает и пространство мышления (доску), и границы ситуации на плацдарме. В качестве иллюстрации данной схемы приведу настоящую конференцию. Установки выступавших в отношении десоветизации можно было бы разбить на три группы:

- «все и так идет нормально, лучше не вмешиваться, а то хуже будет»;
- «мы — жертвы инновации, мы попали в недружественную ситуацию, поэтому мы должны отстоять свое, а потом вернуться к обычной жизни»;
- «инновация представляет собою шанс и вызов для самореализации».

Очевидно, что данные установки («что должно») изначально задавали границы для предметного содержания докладов («как далеко смею помыслить») и границы допустимой деятельности («что можно делать»).

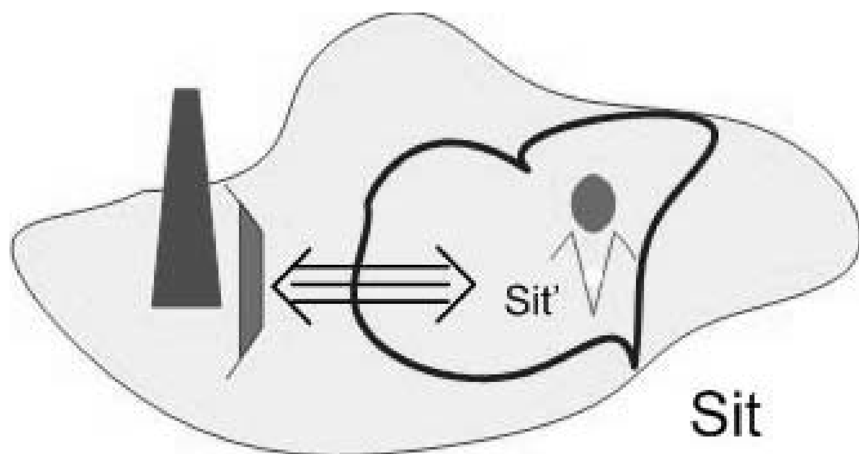

Рис. 3

Структура плацдарма

Ключевым объектом, который располагается на плацдарме, является ситуация *Sit* (рис. 3). При этом я полагаю, что эта ситуация матрешечная: внутри неё существует «освоенная» ситуация *Sit'* — ситуация, четко осознаваемая как своя и с жесткой регламентацией норм («ядро»). Условно она задается «традиционной» установкой через экран Э1, и «буферная зона», находящаяся в процессе «обживания» (или «освоения»?) — как бы своя и пока еще не полностью своя, — задается новой установкой через экран Э2.

Внутри «ядра» могут происходить (отражаясь на доске и на экране) только известные, нормированные события — все, что не укладывается в рамки, игнорируется. За пределами *Sit* любые события будут чужими (внешними), а потому не затронут живущего в ней субъекта. Чему-то новому и непонятному разрешается появляться именно в «буферной зоне» — и такого рода события я отношу к Вы-Зовам.

Очевидно, что совпадение *Sit* и *Sit'* означает «капсуляризацию», замыкание ситуации саму на себя и остановку всех изменений. И это весьма плохо — происходит переход субъекта (например, нации) в реликтовое состояние (по Л. Н. Гумилеву [1, с. 464]), а в таком состоянии нация беззащитна перед изменениями окружающей среды.

И тогда важно наличие «буферной зоны» — зоны ближайшего развития. Очевидно, что граница ситуации *Sit* задается с экрана в виде некой предельной установки (например: «к последнему морю» у Чингисхана или «Америка — для американцев»). И понятно, что сама по себе такая установка на экране не появляется — это также результат чьей-то деятельности (философов, поэтов, писателей). Так, например, движение викингов было вызвано появлением героических саг. У Гумилева [1, с. 513] имеется аналогичное понятие — «господствующий императив», и для эпох пассионарных движений этот императив обобщенно звучит так: «Надо исправить Мир, ибо он плох!».

Экран в Беларуси

Наличие и единство экрана может обеспечить только общая рамочная установка, задающая зону ближайшего развития на плацдарме. Более того, экран как бы «вырезается» из пространства культуры данной установкой, отсекая все то, что противоречит данной установке.

В настоящий момент можно констатировать, что доминирующей установкой на беларусском экране является «назад в СССР», что по-своему озвучил Лукашенко: «Я свою страну за цивилизованным миром не поведу». Естественно, такая установка не может быть принята мною, особенно из рамки «десоветизации» и европейского пути Беларуси. И существует опасность, что такая установка приведет именно к «капсуляризации» и переходу в реликтовое состояние нации — в таком состоянии нация легко может быть ассимилирована более сильными соседями, в зону ближайшего развития которых попадает Беларусь.

Роль сцены

Я понимаю, что понятие «публичное пространство», которое мы периодически употребляем, — это также один из объектов в плоскости экрана. А что такое «публичное пространство»? Нечто, помещаемое перед экраном и предназначенное для трансляции. Тогда это сцена. И одновременно сцена есть некая ситуации на плацдарме, сформированная посредством либо норм с экрана, либо целей с доски, в которой задействованы представители «рефлексивно охватываемых» событий на всем плацдарме. И эти представители знаковые, то есть однозначно отождествляемые людьми «в ситуации» с собой. Тогда ситуация сцены становится игрой, где проигрывается взаимодействие «рефлексивно охватываемых» ситуаций, в результате которой отработанный элемент взаимодействия в виде нормы (или установки) выносится на экран.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, десоветизацию можно трактовать как деятельность по «возгонке» рамочной установки, задающей общенациональный экран. Эта деятельность требует наличия равномощного данной задаче деятеля. И действие будет состоять не во «введении» новых норм — они все и так присутствуют в культуре. Действие должно состоять в преобразовании имеющейся установки («совок») в установку на освоение зоны ближайшего развития (например, европеизация) — и за счет этого будет обеспечена возможность трансляции новых норм.

Здесь существует ряд проблем, не решенных в настоящее время:

- отсутствие равномощного деятеля;
- отсутствие четкого представления о «совке» как о материале деятельности;
- отсутствие четкого представления о «европеизации» как о продукте деятельности.

Все эти проблемы предстоит решать в программном режиме, начиная с довольно очевидных:

а) перенормировка:

- организация для мышления о будущем («думать Беларусь»),
- запуск «сцен»: мест художественного и философского диалога (дебатов, квазиигр) о Вы-Зовах, стоящих перед Беларусью,
- вывод на экран новых «установок» — рамок, задающих зону ближайшего развития Беларуси (через знаковые фигуры — авторитеты);

б) «ньюмейкерство»:

- доминирование «совковой» установки на экране в настоящий момент не является преградой для первого действия,
- важным является понимание зоны ближайшего развития, трансляция этого понимания и реализация *деятельности по решению проблем* на основе этого понимания,
- организация вышеназванных действий в виде «шоу» — через ряд «сцен», что приведет к появлению на общем экране новой установки,

- процесс будет запускаться через ряд событий на плацдарме, в которых будут находиться носители новой установки и старой, — и тогда через общую коммуникацию и *общую деятельность по решению проблем* в такой искусственной ситуации может произойти понимание и принятие «новой» установки.

Литература:

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — Москва: АСТ, 2001. — 557 с.
2. Мацкевич В. В. Вопреки очевидности. — Санкт-Петербург: Невский простор, 2006. — 209 с.
3. Мацкевич В. В. Об образовании: Полемические этюды. — Минск: Змицер Колас, 2008. — 290 с.
4. Щедровицкий Г. П. О значении исследования коммуникации для развития представлений о мыследеятельности // Мышление. Понимание. Рефлексия. — Москва: Наследие ММК, 2005. — 798 с.

Десоветизация экранных технологий

А. Мирошниченко

При обсуждении понятия десоветизации мы будем иметь в виду скорее демодернизацию, поскольку, по нашему убеждению, советскость можно рассматривать как разновидность процесса догоняющей модернизации, связанного с особенностями частной социокультурной ситуации. Такой неспециализирующий подход к феномену советскости оправдан ракурсом нашего рассмотрения, то есть анализом функционального места экранных технологий в деятельности. Поскольку в качестве рамки отнесения мы будем иметь в виду Беларусь, то нам необходимо описать, что именно в ней мы выделяем в качестве предмета рассмотрения. В рамках рассмотрения экранных технологий Беларусь предстает как определенного рода организация деятельности. Организация деятельности при этом выступает в качестве специальным образом связанных между собой процессов, задаваемых в качестве целостности вертикально интегрированной системой государственного управления. Такому типу организации деятельности противостоит деятельность, объединенная не различными типами вертикальной интеграции, но интегрируемая горизонтально, за счет

отнесения к гуманитарным основаниям деятельности (общностью интересов, ценностей, представлений о мире, типах сотрудничества, приятельскими отношениями и т. д.). Похожее противопоставление вертикальной и горизонтальной интеграции деятельности ассоциируется у автора с противопоставлением феноменов «системы» и «жизненного мира» Ю. Хабермаса [5], однако это противопоставление проводится нами по основанию, связанному с использованием экрана в деятельности. Экран для нас выступает в качестве специфических технологий оперирования с массовым сознанием, являющихся неотъемлемой чертой существования модерных наций-государств. Это означает, что то, что специфицирует использование экрана как советского, не есть нечто исключительно новое и особенное, но есть разновидность модернистских экранных технологий.

Отправной точкой для описания функционального места экрана в десоветизированной организации в качестве типологии организаций мы возьмем классификацию, предложенную Р. Акоффом и проводимую по основанию выбора целей и средств деятельности. Р. Акофф утверждает, что всякая организация должна «облегчать развитие своих акционеров»». В таком случае специфика разных организаций зависит от позиции руководителя или руководящей группы по отношению к руководимым и определяется на двух шкалах — целей и средств: «Одна относится к тем, кто избирает цели для социальной системы, другая — к тем, кто избирает средства их достижения» [1, с. 76]. На одном конце шкалы выбора целей располагается единоличный выбор целей для социальной системы как целого. Этот конец Р. Акофф называет автократией целей. На другом конце находятся все, кто может участвовать в выборе целей социальной системы. Этот конец Р. Акофф называет демократией целей. Аналогичная шкала строится и для средств, где противоположными концами являются автократия и демократия средств. Таким образом, Р. Акофф выделяет 4 типа организации — автократию средств и автократию целей, автократию целей и демократию средств, демократию целей и автократию средств и, наконец, демократию средств и демократию целей. Советский тип организации, по нашему мнению, относится к первым двум типам организации (подробно на этом мы останавливаться не будем, не в этом состоит наша задача), переход же к организациям последних двух типов означает, мы полагаем, десоветизацию. Причем нормативно идеальным типом организации мы считаем, конечно, последний тип. Однако представить нацию-государство в качестве такого типа организации невозможно, поскольку такой тип организации, по всей видимости, несовместим с самим понятием государства (что отлично

показано в работе В. И. Ленина «Государство и революция» [4]). Поэтому такой тип мы связываем с понятием скорее анархической, а не демократической организации, хотя более детальный анализ и различение этих понятий заслуживают отдельного исследования и проработки.

Функциональное место экрана в этих типах организаций может быть различно. Первые две, возможно, вообще могут функционировать, воспроизводиться и развиваться без экрана. Однако без него нельзя обойтись в тех случаях, когда в тех или иных целях необходимо эксплицировать или конституировать единый для участников и позиционеров контекст совместной деятельности. В качестве примеров различного использования экрана можно привести факт появления самого понятия «массовое сознание» и средств манипуляции массовым сознанием в первой половине XX века. С одной стороны, в этом проявляется процесс увеличения масштаба деятельности и обеспечения целями индивидуальной активности. С другой стороны, использование этого термина привело к прививанию таких форм поведения, которые не могут осуществляться без оглядки на происходящее на экране, а значит, обеспечение целями индивидуальной активности с необходимостью приводит к использованию различных способов контроля и управления поведением. Причем контролировать и управлять поведением могут и сами индивиды, на что обращены отдельные технологии делания видимым, объективации себя.

Функции экрана в этом случае заключаются в легитимации различных масштабных процессов деятельности и включении в них в качестве элементов индивидуальной активности. При этом включение обеспечивается за счет идентификации себя с социальной системой, противостоящей агрессивной окружающей среде, отражающейся на экране (здесь важно не то, что она *агрессивная*, а то, что она *противостоит* деятельности, тем самым агрессивность становится качеством, подчеркивающим антагонизм системы и ее среды). На экране (в средствах массовой информации) отражаются процессы, происходящие в мире и предполагающие проведение определенной политики, в которой на правах исполнителей действуют индивиды. В понятии массового сознания как бы заключено единство у всех индивидов сознания и содержания сознания. Сам феномен массового сознания является искусственным изобретением и может существовать только благодаря экранным технологиям, и отдельной темой становится вопрос использования в качестве характеристики гуманитарного мира феномена «массового сознания».

Совсем в иных целях и иным способом используется экран в организации с демократией целей и демократией средств. Для того чтобы понять всю важность темы экрана, необходимо учесть цель его ис-

пользования — обеспечение возможности сотрудничества, взаимопонимания и взаимодействия, что позволит говорить о возникновении единой субъектности. Проще говоря, экран создает гуманитарные основания для существования организации как коллективного субъекта. Но для описания процессов функционирования экрана нам необходимо понятие экрана ввести и соотнести с определенного рода процессами в деятельности.

Использование понятия экрана в разговоре о гуманитарных технологиях имеет свою историю, связанную, скорее всего, с движением ОДИ. В связи с тем, что мы не погружены в данный контекст, и поскольку считаем, что нужно различать игровые и жизненные ситуации и эффекты, мы позволим себе говорить об экране только по отношению к процессу становления организации, обеспечивающей развитие индивидов. При этом понятие развития мы берем в акоффовском понимании — как приобретение потенциала для улучшения качества жизни. В этом плане создание организации рассматривается как цель, задающая возможность для принципиально иного качественного увеличения потенциала — для появления синергетического эффекта.

Для чего же нужен экран уже в рамках организации? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны представить организацию в форме деятельности, мы должны взять деятельность в такой объектной форме, в которой обнаружится место экрану. Для этого мы представим деятельность в форме кооперативных связей между различными деятельностными позициями. Тогда целостность деятельности обеспечивается экраном, за счет которого деятельность противопоставляется внеположенным ему объектам. И поскольку каждая деятельностная позиция не обеспечена средствами, с которыми она в своей оторванности от других позиций могла бы «выйти» на объект, то объектная ориентация оказывается сконструированной для позиции за счет специальных процедур связи категорий материала, продукта, целей, проектов и т. д. Это означает, что конкретная деятельностная позиция несоразмерна объекту всей деятельности. Объект рассматривается как некая реальность, которой в своей искусственности противостоит вся деятельность в целом. Но вне деятельности и вне ее особых целей, например целей задания целостности в холистической форме, реальности не существует. Объект оказывается собственно деятельностным изобретением. Экран же, на котором появляются объекты, соразмерные деятельности, и обеспечивает связь индивидуальной активности с «реальностью». Здесь единство и упорядоченность воздействий деятельности на реальность обеспечивается фиксируемыми на одном экране реакциями, графиками, образами и т. п. Отразим это на схеме (рис. 1).

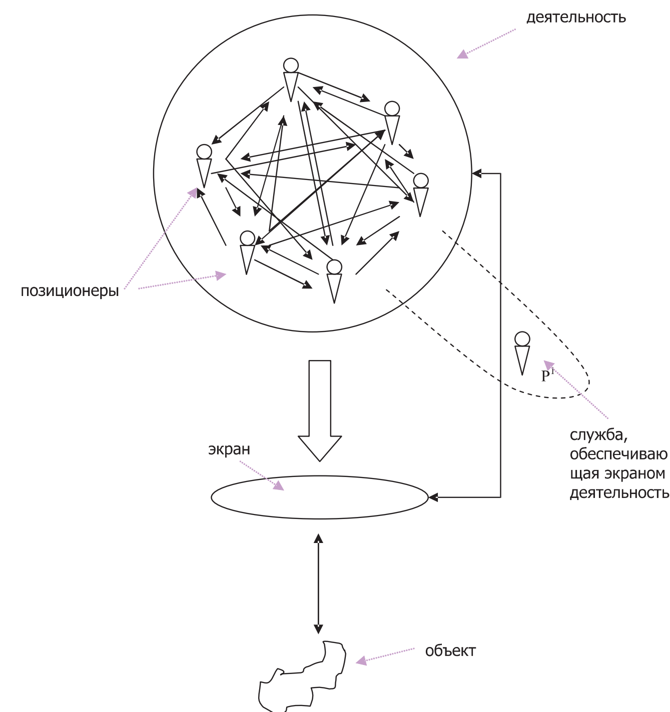

Рис. 1
Фунциональное местоэкрана в деятельности

Однако в современном постмодерном мире одного экрана для сведения деятельности воедино оказывается недостаточно. Связано это с тем, что, для того чтобы длить собственную деятельность, позиционер должен удерживать свои собственные предметные структуры (то есть совокупности средств, методов, знаковых средств и т. д.) в единстве, для чего над ними надстраиваются особые связки, корректоры, совокупности конечных областей значения и пр., что в большей степени позволяет позиционеру классифицировать собственные средства в зависимости от анализа конкретных ситуаций. Многообразие и сложная взаимосвязь этих надстроек не могут не сказаться на предметном отношении к изображаемому на экране, а тем более не могут не проявиться на самом экране за счет усложнения деятельности самого субъекта, предметно обращающегося к экрану. Поэтому если посмотреть со стороны самих позиционеров и представить себе все

многообразие и сложность их предметных структур, то та область, которая может их объединять, может быть межпозиционной, инвариантной для всех позиций, то есть может появляться на экране для общего пользования, оказывается весьма ограниченной. И эта область определяется рефлексией самих предметных структур деятельности. Таковым содержанием, выносимым на экран, оказывается сама деятельность в своей деятельностности, присущей любым позиционным предметностям. Это приводит нас к выводу о том, что на экране отражается сама деятельность, причем не отрефлексированные ее формы и эксплицированные содержания, но феноменальность деятельности — деятельностность как таковая. Это, в свою очередь, позволяет категориально различать экран сознания и доску мышления. Разберем этот момент более подробно.

В методологии доска традиционно определялась как пространство знаковой фиксации того, что происходит в деятельности. То есть речь шла о том, что доска необходима для рефлексии деятельности, которая разворачивалась в коммуникации и вводилась для связывания между собой деятельностных позиций через обозначение различных элементов предметных структур деятельности (методы, средства, цели и т. д.). Фактически доска обозначала способы функционирования мышления, под которым понимались процессы оперирования со знаками. В отличие от доски, экран фиксирует феноменальность, отличительной чертой которой является допредикативность, дознаковость. В феноменологии Э. Гуссерля [2, 3] допредикативность напрямую связана с допредметностью, то есть с таким полаганием феномена, когда по отношению к нему любое обозначение, любая квалификация означают редукцию содержания в силу узости (конкретности) эталонов, при помощи которых приписываются атрибутивные характеристики феномена. Здесь следует добавить, что корреляция феномена и объекта полагалась у Э. Гуссерля внедеятельностной, а значит, объективной, располагающейся в области «пассивных синтезов» сознания (хотя аутентичность подобного утверждения требует специальной проверки). Феноменальность в чистом виде удерживается сознанием. Поэтому экран напрямую связан с функционированием сознания. Необходимость введения экрана приобретает особую актуальность в ситуациях рефлексии коллективной деятельности, когда в фокус рефлексии попадает сама способность фиксировать рамки ситуации, в которую попадает деятель. Причем в сложноорганизованных и иерархически устроенных деятельностях не всякая ситуация становится ситуацией, соотнесенной со всей деятельностью. Поэтому сама «ситуация», становящаяся причиной разрыва в деятельности, а значит, и вызывающая рефлексию, предопределяет

задаваемый масштаб рефлексии. Здесь интересно, что с введением экрана оказывается, что сама деятельность оказывается «растащена» на категорию ситуации и на противостоящие ей предметные структуры. То есть деятельность оказывается сложной связью экрана и доски. Но для самого возникновения единства и факта существования деятельности определяющей оказывается фиксация феноменальности самой деятельности. В каких формах будет фиксироваться на доске это содержание — вопрос дальнейших исследований. Во многом все, о чем здесь написано, связано с понятием «вызова» В. Чернявского. Таким образом, взаимосвязь доски и экрана обусловлена взаимозависимостью сознания и мышления. Мышление осуществляет предикацию феноменов, с которыми оперирует сознание.

Как происходит предикация? В соответствии со схемой структуры атрибутивного знания [6, 7] (в которой структура знания оказывается свернутым процессом деятельности), приписывание какому-либо субъекту суждения предиката оказывается приписыванием объекту некоего свойства со стороны деятельности, то есть со стороны готовых эталонов свойств объектов, находящихся в пространстве «культуры». Тогда субъект суждения у нас задается как феномен, а его предикат как знаковая фиксация эталонного свойства. Различие объекта и феномена и, соответственно, наличие и отсутствие экрана в деятельности связано с использованием средств, за счет которых у объекта индицируется наличие или отсутствие заданного свойства. Подобной индикации по поводу феномена не существует. Однако экран и его функциональная референтность заключены в плоскости коммуникации, и индикаторы наличия или отсутствия свойств феноменов зависят от функций самого процесса предикации. Это не означает, что исследовательскую деятельность, связанную с категорией объекта, невозможно подчинить функции создания экрана (например, как это делается в науке, речь может вестись об организации эксперимента, в котором все, «кто пожелает», будут наблюдать одни и те же феномены). Однако устройство этого экрана связано именно с объектом, хотя «обратная сторона» экрана оказывается связанной с гомогенизацией деятельности (то есть с конструированием специфического «трансцендентального» «незаинтересованного» субъекта, когда «любой» может проверить результаты исследования экспериментально).

На рис. 2 на едином для обоих деятелей экране высвечиваются феномены, по поводу которых позиционеры выносят суждения. Вынесение суждений происходит за счет использования позиционных предметных структур, что в конечном итоге оказывается предикацией феноменов. Однако функции доски заключаются в том, чтобы

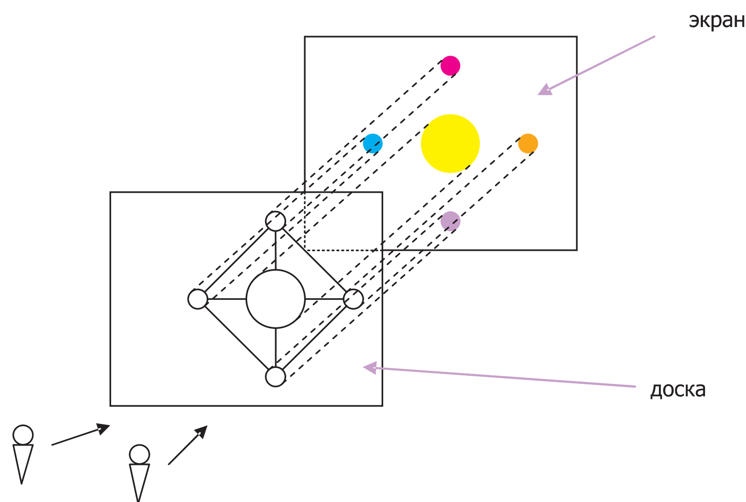

Рис. 2
Взаиморасположение экрана сознания и доски мышления

фиксировать разницу предикаций, вызванную разницей предметных отношений к феномену. На доску выносятся несовместимые друг с другом предикации феномена, и только благодаря коммуникации удается согласовать и конфигурировать предикации. Однако это согласование касается уже не характеристик объекта (единство его у деятелей обеспечивает экран), а объектных характеристик и свойств деятельности. Отсюда следует, что всякая феноменальность в принципе уже оказывается связанной с самой деятельностью, но не с объектами.

Рис. 2 не стоит начинать рассматривать с места взаиморасположения позиционеров. На нем отражено в первую очередь взаиморасположение экрана и доски. Важно то, что за счет введения экрана и фиксируемой на нем феноменальности деятельности предметные структуры становятся видимыми, а не мыслимыми. Мыслимость предметных структур уже зависит от коммуникации, деятельностных целей. Если пытаться определить место экрана на схеме мыследеятельности [2, 3], он, безусловно, должен находиться в поясе мыслекоммуникации, поскольку именно коммуникацию он должен обслуживать. Рис. 2 демонстрирует, что феноменальность проявляется в такой форме, в которой становится возможным предметное отношение (предметное отношение обозначено пунктирными линиями, соединяющими изображение на экране и изображение на доске). Экран в деятельности нужен вовсе не для познания и не для поиска новых

эталонов, которые позволили бы фиксировать имманентные свойства объектов, но для стягивания воедино предметности («кусочков» предметности) коллективной деятельности. За счет каких механизмов функционирует экран — тема отдельных исследований.

В заключение необходимо сделать еще одно замечание относительно, так сказать, «абстрактной» истории экрана. Очевидно, что искусственная работа с феноменальностью и управление ею для организации деятельности, что и представляют собой экранные технологии, может осуществляться только через работу со знаковой реальностью. То есть феномены оказываются на экране не за счет некой перманентной связи с вещами, а за счет особым образом организованной работы со знаками. Это означает, что предикации феноменов предшествует некоторая иная предикация, осуществляемая на генетически предшествующем шаге рефлексивного поглощения знаний. Раскрыть суть этого шага — значит ответить на вопрос об экранных технологиях.

Литература:

1. Акофф Р. Планирование будущего корпорации. — Москва: Прогресс, 1985. — 327 с.
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. — Санкт-Петербург: Наука — Ювента, 1998. — 315 с.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II: Исследования по феноменологии и теории познания: Исследование I. Выражение и значение // Логос: Философско-литературный журнал. № 10. — Москва: Изд-во РГГУ — Дом интеллектуальной книги, 1997. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_10/01.htm. — Дата доступа: 14.02.2008.
4. Ленин В. И. Государство и революция: учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Полн. собр. соч. — Москва: Изд-во политич. лит-ры, 1974. — Т. 33. — С. 1—120. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://grachev62.narod.ru/Lenin/I33_01.htm. — Дата доступа: 14.02.2008.
5. Фурс В. Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. — Минск: Экономпресс, 2000. — 221 с.
6. Щедровицкий Г. П. О строении атрибутивного знания // Избранные труды. — Москва: Шк. культ. полит., 1995. — С. 590—630.
7. Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Избранные труды. — Москва: Шк. культ. полит., 1995. — С. 281—298.

ЭКРАННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ СМЕНА СТРУКТУРЫ АВТОРИТЕТОВ В РАМКАХ ДЕСОВЕТИЗАЦИИ

Т. Пошевалова

В данном докладе «авторитет» рассматривается прежде всего как фигура экрана. *Экраном* мы называем здесь пространство культуры, совокупность коммуникативных каналов и выложенного их посредством транслируемого содержания. В других докладах понятие экрана рассматривается более подробно. Для того чтобы иметь возможность работать с авторитетом и его функциональным местом на экране, мы отделяем его характеристики от непосредственного носителя, абстрагируем его. Но авторитет — это не просто фигура экрана, а один из основных элементов управления посредством экрана и экранных технологий. Изменяя структуру авторитетов на экране, мы меняем природу власти в обществе или сообществе.

Процедуры, с помощью которых создаются и изменяются авторитеты, на экране приобретают форму разнообразных рейтингов. *Рейтинг* **—** это список имен, людей или организаций, идей или проблем, ранжированных как «лучшие» и «худшие» по каким-либо параметрам.

Свою модель управления авторитетами мы строим по модели рейтингового агентства. *Рейтинговое агентство* в бизнесе — это организация, оценивающая кредитное качество и риск долговых *ценных бумаг или заемщиков*, ранжирующая их *по надежности* и присваивающая им тот или иной рейтинг для информирования инвесторов и кредиторов. На экран, по аналогии, проецируются процессы и результаты оценки тех или иных имен, идей, текстов — с целью информирования потенциальных ресурсодержателей и иных пользователей (тех, кто на основе данной информации принимает решения).

Для функционирования системы рейтингов необходимо создание открытой процедуры независимого и объективного сравнения аспектов деятельности разных субъектов:

- определение принципов сравнения, типа и состава учитываемых показателей;
- организация сбора и анализа необходимой информации;
- выбор или создание независимого агента, способного выполнять объективное сравнение субъектов;
- публикация рейтингов.

Деятелю, управляющему экраном, необходимы постоянный приток и обновление информации о состоянии экрана. Требуются измерение этой информации по системе показателей и, соответственно, параметры (что измерять), единицы измерения, шкалы.

Авторитет как экранная фигура состоит из трех основных элементов: проблемы, публикации, имени (*проблема* в данном случае — некий императив, крайняя необходимость, ситуация утраты нормы, *публикация* — любое перформативное публичное действие или текст, а *имя* — знак, обозначающий автора или связанного с явлением персонажа):

$$\text{А: Пр + Пуб + И.}$$

При этом авторитет — это также часть экрана, работающая как конфигуратор. То есть авторитет представляет собой некое имя и появляется, будучи названным таковым, но он также номинирует, дает имена. Авторитет есть проблема, он возникает как ответ на вызов, но он же проблематизирует старые нормы, распространяя новые. Авторитет есть публикация, он создается публичностью, но он же и делает тексты значимыми, опубличивает имена и проблемы.

Для изменения всей системы необходимо определить и изменить некоторую минимальную пороговую величину «дельта» хотя бы в одном из элементов:

$$\text{А}'\text{: Пр}' + \text{Пуб} + \text{И},$$
$$\text{Пр}' = \text{Пр} + d,$$

где d **—** величина изменения проблемы Пр.

Итак, авторитет означает присутствие на экране массового сознания каких-либо проблемы, имени, публикации при позитивном характере их оценки. Присутствие на экране может выглядеть как присутствие в неком сегменте экрана, но при наличии связи и трансляции между сегментами. Для работы с авторитетами мы должны управлять их присутствием, уметь его обеспечивать, а также обеспечить процесс измерения и оценки.

Присутствие на экране предварительно определенных проблематики, имен, текстов и действий обеспечивается технологиями PR через уже существующую информационную инфраструктуру и систему авторитетов (статусов). Нас больше интересует запуск необходимых (запланированных нами) изменений. Для этого в каждом случае важно определить «дельту», то есть содержание помещаемого на экран сообщения: какой вызов, какие имена и действия должны туда попасть, в чем состоит их отличие от предыдущих.

Искусственное изменение структуры авторитетов на экране требует налаживания системы измерений по трем параметрам:

$$A = f(C, N, R),$$

где C — тип и охват аудитории; N — нормирующая сила авторитета; R — ресурсная емкость авторитета.

Изменение параметра ведет к изменению на функциональной кривой f, к изменению авторитета.

Тип и охват аудитории (C' — A — C'')

Авторитет является результатом признания другими субъектами неких имени, проблемы, публикации значимыми для них. Значимость авторитета делает его источником признания для других. То есть авторитет позволяет формировать субъектность в сообществе и сам является признаком наличия такой субъектности. Авторитет формируется в определенном сообществе, имеет в этом сообществе положительную репутацию, широкую известность и влияние.

Изменения здесь могут потребоваться следующие:

- распространить, расширить влияние данного авторитета на другие сообщества, группы людей или, наоборот, свернуть, локализовать данный авторитет;
- расширять сами сообщества посредством авторитета, сделать их взаимовидимыми.

Для данного типа работ нам потребуется измерение:

- качественных параметров — в каких группах действителен данный авторитет;
- количественных параметров — как велики группы, в которых он имеет влияние.

Нормирующая сила авторитета (N' — A — N'')

Авторитет способствует изменению норм, транслируемых посредством экрана. Авторитет является носителем образца, эталона, считываемых с экрана. Результат проблематизации и мышления закрепляется на экране в виде новой нормы также посредством авторитета. Перед нами в этой области может стоять два круга задач:

- закреплять и транслировать определенную норму;
- изменить одну норму на другую.

И здесь возникает также задача (и проблема) собственно иерархии авторитетов, а также социальной иерархии, в которой вообще возможен авторитет как явление. Каков статус тех или иных имени, публикации, проблемы? Чье слово значимее — эксперта, потребителя, любого участника обсуждения, мнение большинства или заключение должностного авторитета? Как быть с инфляцией авторитетов и с ситуацией изменения их структуры в целом? Нам потребуется измерять:

- качественные параметры — с какими именно нормами мы имеем дело, какие отношения нормирует данный авторитет, что на что меняет и что транслирует;
- количественные параметры — насколько обязательна или принимается норма, транслируемая через этот авторитет, относительно другого авторитета (носителя) или другой нормы?

Ресурсная емкость авторитета, его ликвидность и способность к капитализации (R' — A — R'')

Авторитет представляет собой производное от некоего ресурса и, в свою очередь, является ресурсом или источником ресурса: он конвертирует один ресурс в другой. Авторитет — это тип ресурса (символический капитал — по П. Бурдье), который может быть накоплен, с которым, как с эквивалентом ценных бумаг на рынке, можно проводить обменные операции. Перед нами могут быть поставлены задачи повышения или понижения стоимости авторитетов (абсолютной и относительно друг друга), и в принципе стоит задача создания и развития рынка авторитетов, с тем чтобы сделать возможными операции с ними. Поэтому мы должны измерять (и затем при необходимости изменять):

- количественные параметры — стоимость или вес авторитета (эти параметры могут быть выражены в величине гонорарной ставки или в индексе цитирования, здесь можно также отслеживать инфляцию авторитетов);
- качественные параметры — ликвидность авторитетов, способность к капитализации, то есть какие ресурсы на какие обмениваются и кто именно платит, в каких сферах данный авторитет имеет хождение.

Каждый параметр авторитета (проблема, публикация, имя) измеряется на всех трех шкалах. Результат измерений должен отображаться в функциональном изменении на нашем «мониторе», обычно в виде рейтингов. Рейтинги публикуются, и рейтинг проблемы задает относи-

тельную значимость публикаций и имен, с этой проблемой связанных. Рейтинг действия также тянет за собой обозначенные проблемы и имена, а рейтинговое имя оказывает влияние на рассмотрение проблем и оценку публикаций. Например, уже сделанное имя может помочь признать важной иную, не связанную с ним напрямую, проблему.

Управление экранной фигурой — это специальная деятельность, которая может быть разложена как минимум на три процесса, и внесение «дельта», или изменения, в существующий расклад осуществляется следующим образом:

1) введение нового качества через создание моды («раскрутка» «звезд», культовых фигур, отслеживание и корректировка модных тенденций);

2) через конкуренцию, соревнование (задание динамики, ритма, скорости изменения структуры авторитетов в той или иной сфере деятельности);

3) через канонизацию (создание традиции, классики).

Для осуществления такой управленческой деятельности также должна быть создана и поддерживаться при или на экране соответствующая система мест:

- хранилище (архив, библиотека, музей и т. п.);
- подиум (демонстрационная площадка);
- ристалище[1] (компетентное жюри, третья сторона, судебная власть, система премий и т. п.).

Необходимы также массовые и специальные информационные каналы, средства обратной связи, а также система мест, смежных с экраном и работающих с его помощью:

- «наука» и «искусство», выставляющие критерии и производящие экспертов (аналитики, рецензенты);
- клубы, ассоциации, сообщества (места выработки и признания образцов);
- производители (издатели, кино- и телестудии, продюсерские центры и мастерские и т. д.);
- рынок (сделки, продажи, авторские гонорары и ставки);

[1] Например, так работает система премий, которая: 1) задает авторскому и производственному процессам ритм, управляет временем; 2) создает авторитеты и профессиональные репутации; 3) создает кланы и лагеря (сообщества внутри сферы деятельности). Можно выделить четыре типа премий: статусные, присуждаемые не за конкретный текст, а за совокупность заслуг; премии публики — тут царит полная «демократия», голосовать и влиять на результат может каждый; профессиональные премии — профессионалы награждают профессионалов; экспертные премии.

- культурные политики, программисты общественных перемен.

Это те сферы деятельности, которые без экрана в современном мире работать не могут, и являются поэтому заказчиками экранных технологий. Они выставляют требования к тому, как и в каких формах организовываются архив, подиум и ристалище, и обеспечивают эти места кадрами (экспертами) и зрителями.

Усложнение структуры авторитетов ведет к усложнению экрана, и наоборот.

Рейтинговое агентство управляет не динамикой одного авторитета, а структурой авторитетов, то есть необходимо еще отслеживать:

- связи по шкале *атомизация — интеграция*, или *кооперация;*
- соподчиненность (взаимное положение авторитетов) по шкалам: *централизация — децентрализация*, или *иерархия — гетерархия.*

Различные конфигурации авторитетов так же важны для управления экраном, как и значения рейтингов каждого из них.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ МЕСТО ЭКРАНА В СИСТЕМЕ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

О. Шелест

Рассматривая десоветизацию как своего рода тотальный процесс, затрагивающий практически все сферы человеческой деятельности, необходимо понимать, что решение такой задачи возможно только при наличии соответствующего обеспечения — методологического, научного, информационного, материально-технического и т. д. Соответственно, в части научного обеспечения существует потребность в адекватном социогуманитарном знании (в том числе — в рамках таких традиционных дисциплинарностей, как политология, социология, правоведение, экономическая теория, лингвистика и т. д.), обеспечивающем соответствующее теоретическое и исследовательское сопровождение процесса десоветизации. Однако приходится признать, что состояние социогуманитарных наук в Беларуси на сегодняшний день не позволяет эффективно выполнять эту задачу, поскольку и сама научная сфера нуждается в десоветизации и трансформации.

Таким образом, актуальность проблемы восстановления сферы научной деятельности в контексте десоветизации определяется потребностью в социогуманитарном знании, отвечающем двум требо-

ваниям: 1) современность (соответствие современному уровню развития социогуманитарного знания в мировом контексте); 2) «беларусскость» (актуализация беларусского контекста, «собственного исторического самоопределения» Беларуси и беларусской науки, деятельность в рамке развития общественной системы в целом). Динамика отношений десоветизации как целостного процесса и общественных наук представляется следующим образом: на сегодняшний день сфера общественных наук должна стать объектом десоветизации, с тем чтобы в будущем стать знаниевым и кадровым ресурсом, обеспечивающим ее дальнейшее осуществление.

Одной из основных проблем сложившегося кризисного состояния общественных наук на сегодняшний день остается проблема огосударствления науки. После распада СССР эта проблема была актуализирована в рамках реформирования науки, однако не разрешена. Более того, на данный момент обсуждение этой проблемы (по крайней мере, в публичной сфере) носит вялый и декларативный характер, с сознательным (или неосознанным) смещением акцентов. Основные структурные проявления огосударствления науки — централизованное управление и практически полная финансовая зависимость науки от государства (негосударственное финансирование — фонды, гранты, хоздоговоры и др. — не могут в данном случае рассматриваться как серьезная альтернатива, способная обеспечить хотя бы относительную финансовую независимость). Ситуация усугубляется тем, что государство, «приватизируя» научную сферу, в то же время не формирует заказа на действенные социогуманитарные науки, способные генерировать и транслировать адекватное научное знание о реальных социокультурных процессах в Беларуси.

Вследствие «консервации» сложившихся в советские времена отношений науки и государства как социальных институтов, а также под воздействием некоторых изменений в этой системе отношений, произошедших в постсоветский период, как организационно-структурные, так и нормативные основания функционирования науки как социального института остаются деформированными. Деформация проявляется в следующих аспектах:

- постановка целей осуществляется исходя не из логики развития науки и не из социальной практики, а «извне», исходя из некоторого «видения» «управленцев от науки» или самой «верховной власти» — отсюда: идеологизация и сервильность общественных наук;
- отсутствие ответственности, как в области управленческих решений, так и в области научно-исследовательской практики;

- атомизация ученых, отсутствие научного сообщества (разрушено при советской системе и не восстановлено);
- неэффективность системы научной коммуникации;
- разрушение механизмов воспроизводства научных кадров (начиная с вуза и кончая докторантурой, мутация процедур вхождения в профессиональное сообщество);
- отсутствие механизмов формирования научных авторитетов;
- «местечковость» и провинционализм беларусской науки.

На феноменальном уровне можно наблюдать некоторые проявления действия механизма, направленного на консервацию сложившегося положения вещей. Например, поддержание «атмосферы страха и неизвестности» — урезание финансирования, закрытие, объединение, трансформация и т. д. (это в первую очередь касается академической и вузовской науки), вследствие чего ученые помещаются в ситуацию выживания, что не способствует выработке перспективного видения, планированию карьеры, заставляет держаться за свое место. В такой ситуации даже те, кто имеет внутреннюю мотивацию на развитие научной деятельности, вынуждены оттягивать время реализации своих планов. Таким образом, практически полная зависимость научных институтов от государства приводит не только к их полной управляемости в административном смысле, но и позволяет задействовать вполне определенные психологические механизмы. Еще один аспект действия механизма консервации, препятствующего восстановлению нормативности в сфере научной деятельности, — культивирование безответственности через введение коллективной ответственности, когда на самом деле никто ни за что не отвечает.

Можно отметить еще несколько «приемов», например:

культивирование формализма, выхолащивание содержания;

создание «режимов секретности»: в таком режиме работает ВАК, принимаются управленческие решения, утверждается финансирование (на разных уровнях), что приводит к расширению сферы слухов и домыслов, а также дает дополнительный ресурс (обладание информацией) для «близких к определенным кругам»;

декларация целей по повышению эффективности международного сотрудничества при одновременной постановке всевозможных барьеров и препятствий в этой области;

постоянное переписывание инструкций и правил (которых великое множество), изменение стандартов, противоречивость нормативных документов.

Очевидно, что этот перечень не является исчерпывающим, более того, претендовать на какую-либо полноту он может только после проведения системного исследования наличного состояния научной сферы в современной Беларуси. Однако даже такое фрагментарное представление позволяет наметить некоторые аспекты программы действий по десоветизации и восстановлению нормативности в области социогуманитарных наук.

Реализация задач по восстановлению нормы научной деятельности и науки как социального института предполагает наличие субъекта изменений. Функционирование науки как социального института предполагает взаимодействие двух качественно различных «субъектов», отвечающих за организацию и контроль развития сферы научной деятельности: научной бюрократии и научного сообщества. Ситуация на сегодняшний день такова: научное сообщество разрушено, бюрократия, конечно, на месте, но далеко не в веберовском смысле слова. Соответственно, можно сформулировать две задачи: формирование научного сообщества и трансформация управленческой системы. Первое направление представляется на данный момент приоритетным (в смысле первоочередным), поскольку, во-первых, без наличия научного сообщества все реформы в системе управления остаются бесконтрольными и, в определенном смысле, нелегитимными, а во-вторых, реформа системы управления предполагает наличие административного ресурса и политической воли, то есть определенных реорганизаций «сверху». К сожалению, этот ресурс пока недоступен.

Представление о научном сообществе в социологию было введено Р. Мертоном, в современной социологии науки научное сообщество определяется как «совокупность ученых-профессионалов, организация которых отражает специфику научной профессии». Чаще всего научные сообщества понимаются как экстерриториальные образования разного масштаба: мировые, национальные, дисциплинарные и т. д. Научные сообщества несут ответственность за «целостность науки как профессии и ее эффективное функционирование» [1], за «разработку той или иной системы разделяемых ими целей, включая и обучение учеников и последователей» [2]. Важнейшими организационными характеристиками научного сообщества (как и вообще социальных систем такого типа) являются: опора на представление об общности целей, устойчивые традиции, авторитет и самоорганизацию [1].

Первоочередные задачи, которые должны решаться научными сообществами (первоначально — дисциплинарными) в Беларуси на данный момент, можно сформулировать следующим образом: захоронение реликтов прошедших эпох через ревизию представленных в

беларусской социогуманитраной науке подходов, актуализацию проблемы самоопределения Беларуси в ситуации современности, определение целей развития и приоритетных задач общественных наук в Беларуси, контроль и «охрана» поля науки, формирование институтов научных авторитетов и научной экспертизы, восстановление научных ценностей (этоса науки).

Инструментом формирования научного сообщества выступает научная коммуникация. Проблема заключается в том, что существующая система научной коммуникации выхолощена и не выполняет своих функций. Образуется своеобразный логический круг: научное сообщество отвечает за систему научной коммуникации, и только оно может решать задачи по ее «приведению в порядок», в то же время приведение к должному состоянию системы научной коммуникации рассматривается как запускающий механизм формирования сообщества.

Формы научной коммуникации многообразны: научные публикации (в широком смысле), конференции, симпозиумы, научные семинары, неформальная коммуникация между учеными. Для каждой из этих форм должны быть разработаны свои методы восстановления, контроля и стимулирования.

В этом контексте экран может рассматриваться как способ запуска процессов научной коммуникации и формирования научных сообществ. Экран как способ задания единства деятельности в научной сфере должен быть устроен таким образом, чтобы инициировать самостоятельное целеполагание субъектов этой деятельности, актуализировать проблемы ответственности и контроля. Экранные технологии должны прежде всего работать на преодоление атомизации и локализации деятельности ученых и на формирование системы критериев и оценок научной деятельности на основе норм и принципов науки, в противоположность «статусным», «административным» и «коммунальным» принципам.

Литература:

1 Андреева И. А. Жизнь научного сообщества как социологический факт. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/philosophy/00012991_O.html. — Дата доступа: 20.03.2008

2. Кун Т. Структура научных революций. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/_psyzip/kunts01.zip. — Дата доступа: 14.02.2008.

IV. ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ДЕСОВЕТИЗАЦИИ

Во введениях к предыдущим разделам настоящего сборника нам уже пришлось сказать о том, что по разным причинам мы не смогли раскрыть все аспекты десоветизации. Сейчас следует упомянуть еще одну причину неполноты этого сборника. Дело в том, что в конференции по проблемам десоветизации приняло участие гораздо меньше людей, чем мы приглашали. Кто-то не смог приехать по не зависевшим от него причинам, но часть отказов аргументировалась неактуальностью темы.

Аргументы о неактуальности темы десоветизации звучали примерно одинаково: Советский Союз давно не существует, зачем ворошить прошлое — особенно когда есть много новых и интересных проблем, вроде нефтегазового кризиса.

Мы не беремся судить об искренности и серьезности этих аргументов. Просто напомним, что через несколько месяцев после нашей конференции состоялась «антикоммунистическая» конференция, вышел сборник, посвященный близким проблемам («Коммунизм — на международный трибунал»). Не место и не время вступать в полемику об актуальности и неактуальности темы десоветизации. Повторимся, что для нас тема десоветизации возникла из проблемы гражданского образования. В четвертом разделе мы размещаем только две дискуссии, опубликованные в СМИ после нашей конференции. Выбор этих материалов объясняется очень просто: в этих дискуссиях принимали участие люди, которые приглашались на нашу конференцию, хотя и не все из них там были.

Дэсаветызацыя — магчымасці і канцыптуальныя рамкі[1]

Дыскусія ў часопісе «Палітычная сфера»
Удзельнікі — М. Сямёнаў, У. Мацкевіч, В. Бабровіч, А. Казакевіч, Дз. Мельянцоў

А. Казакевіч: Першая праблема, якая была агучаная ў прапанаваных для дыскусіі тэзісах, — дэфініцыя тэрміна «дэсаветызацыя». Што

[1] Дискуссия опубликована в журнале «Палітычная сфера», 2007, № 9.

можна ім вызначыць? І, адпаведна, чым савецкае адрозніваецца ад несавецкага, калі казаць пра нашу сацыяльную і палітычную рэчаіснасць?

У. Мацкевіч: Калі мы пачыналі падрыхтоўку да канферэнцыі на тэму «Дэсаветызацыя і экран масавай свядомасці», мы чулі на свой адрас не тое што здзекі, больш жарты. Што ўздымаем непатрэбную тэму, што ўсё ўжо даўно прайшло, што гэта ўжо нікому не цікава і не актуальна і да т. п. Час ідзе, але беларускія інтэлектуалы звяртаюцца да гэтай тэмы зноў і зноў. Можа, не так актыўна, як мы хацелі б, тым не менш, з'яўляецца мода на абмеркаванне тэмы дэсаветызацыі. Апошні выпадак — калі Кузняцоў, А. Міхалевіч, П. Севярынец абвясцілі «Антыкамуністычны форум».

Што я тут хацеў бы падкрэсліць: азначэнне тэрміна — гэта не заўсёды прадуктыўная і канструктыўная праца. Ёсць з'явы, адносна якіх трэба ўстрымацца ад азначэння юрыдычнага, сацыялагічнага, паліталагічнага. Такое азначэнне збядняе сэнс і змест таго, што пад гэтым разумеецца. «Дэсаветызацыя» — слова, якое акрэслівае досыць шырокі комплекс настолькі розных працэсаў і з'яваў, што любая дэфініцыя будзе рэдукцыяй, значным збядненнем самога гэтага комплексу, звядзеннем яго да пэўных мерапрыемстваў, якія сапраўды можна выканаць.

Дэсаветызацыя — гэта, хутчэй, пазначэнне эпохі, якая павінна развітацца з савецкай спадчынай, з наступствамі скажонай сацыяльнасці, скажонай ментальнасці, скажонай свядомасці, што паўстала падчас панавання савецкай улады, камуністычных рэжымаў ад сталінскага да гарбачоўскага. Мы да сёння не ўяўляем тых фундаментальных зменаў, што адбыліся за гэты перыяд у свядомасці грамадства, і адбітку, пакінутага імі на індывідуальнай свядомасці, на асобе, на інстытутах, у тым ліку на інстытуце асобы як такім. Таму я думаю, што было б пэўны час карысна ўстрымлівацца ад дэфініцый і пытацца, ці актуальная дэсаветызацыя.

В. Бабровіч: Я падтрымліваю выказаную думку. Мабыць, не прадукцыйна займацца дэфініцыямі з дзвюх прычынаў. Па-першае, гэтым можна займацца вельмі доўга, наўрад ці хтосьці здолее хутка агараць такую задачу — на названую тэму мы неяк мала думаем. Па-другое, калі я падумаў пра змястоўнае напаўненне, я сутыкнуўся з двума аспектамі праблемы: дэсаветызацыя ў шырокім сэнсе выяўляе ўвесь комплекс праблем, які існуе ў грамадстве, і дэсаветызацыя ў вузкім сэнсе, якую я бы звёў, умоўна, да «капіталізацыі» беларускага грамадства. Замест савецкага мусіць быць нешта такое, што, найперш, у аснове задае іншае стаўленне да ўласнасці. Калі браць у дадзеным вузкім сэнсе, то дэсаветызацыя — гэта цалкам канкрэтны працэс, звязаны з эканомікай. Але мы цяпер кажам у больш агульным сэнсе, і калі пачнем з паняткаў, то будзем біцца над імі, трацячы цэласны змест усяго працэсу дэсаветызацыі.

М. Сямёнаў: Сёння няма, я так думаю, стылю ў той прасторы, дзе мы жывем. Няма стылю ні ў палітыцы, ні ў філасофіі. Ёсць форма жывая, ёсць мёртвая. Савецкая форма — мёртвая, і тое, з чым мы сутыкаемся, — прадукты распаду гэтай мёртвай формы, што заражае наша жыццёвае асяроддзе, і дэсаветызацыя, з майго пункту гледжання, ёсць пэўнага кшталту ўтылізацыя. Прысутнасць савецкага прадукуе месца неразумення, сляпыя плямы зацямняюць прастору нашага жыцця, сацыяльную прастору, асабістую. Да прыкладу, помнік Калініну, размешчаны насупраць парка Чалюскінцаў, — такая вось сумесь. Незразумела, што гэты помнік значыць сёння, прычым ён няварты і з мастацкага гледзішча. То бок гэта не што іншае, як сляпая пляма, яна ніяк не апрацаваная, сацыяльна незапатрабаваная, яе нельга прачытаць старымі знакамі. У нашай прасторы такіх плямаў колькі заўгодна. Мая думка такая: «Савецкае трэба завяршыць». Завяршыць — гэта значыць сапраўды яго перажыць. Такім чынам, «перажыць» мае на ўвазе «зразумець», а не толькі судзіць, бо што такое суд без разумення? Адначасова завяршыць — гэта значыць замкнуцца ў новай форме, даць нарадзіцца новай форме, формам новага жыцця і думкі.

Пытанне, якое нас павінна хваляваць у сувязі з дэсаветызацыяй: у якой менавіта форме мы можам перарадзіць прастору? Таму савецкае — гэта, калі хочаце, блакаванне нашага ўспрымання, нашага ўсведамлення, мажлівасці, за якую ўжо ніхто персанальна не нясе адказнасці. А калі адказнасць ускласці няма на каго, то гэтую адказнасць мусім узяць мы самі.

Я не зусім згодны з тым, што паняткі не значныя, што гэта не важна. Філасофія займаецца менавіта паняткамі, панятак не ёсць нязначная рэч. Дэсаветызацыя — гэта калі на месца савецкага прыходзіць нешта іншае, нейкі іншы працэс, напрыклад працэс камерцыялізацыі, які пранікае паўсюдна.

У. Мацкевіч: Вы знайшлі вельмі трапнае слова — стыль. Я ўспомніў курс лекцый С. Аверынцава пра стыль і азначэнне стылю. Ён, напрыклад, кажа пра класіцызм і рамантызм і змену класіцызму рамантызмам, пра Асветніцтва, якое прыходзіць на змену. І вось ён гаворыць пра стыль як пра інтэгральную характарыстыку эпохі, якую нельга звесці ні да калонаў, ні да барочнага ўпрыгожання, ні яшчэ да нейкіх дэталяў. Але стыль пранізвае ўсе бакі духоўнасці, маральнасці,

адпаведна, душэўнасці і г. д. Стыль не толькі вызначае, якімі павінны быць абрысы, дэталі, але і дыктуе манеру адчування, перажывання. Рамантызм і Асветніцтва закончылі эпоху стылю, бо як толькі стала магчымым суіснаванне ў адных і тых прасторы і часе розных стыляў, пачалася эпоха стылізацыі.

Калі мы сёння гаворым пра дэсаветызацыю, то я бы абазначыў савецкае як стыль, а ўсё, што існуе сёння, — або стылізацыя пад савецкае, або ўвогуле заканчэнне татальнага панавання стылю. Таталітарызм завяршыўся — завяршыўся стыль, і таму пры сацыялізме мог быць толькі сацрэалізм, а ўсе астатнія рэчы нейкім чынам ці прыгняталіся, ці мусілі мімікраваць. А цяпер можна і сацрэалізм пакінуць. Але калі ён прэтэндуе на татальнае дамінаванне, узнаўленне гэтага ўсяго, то гэта небяспечна. І ў такім сэнсе я бы казаў проста пра вітальныя аспекты дэсаветызацыі, бо без гэтага нельга. А змагацца са стылізацыяй навошта? Сацрэалізм па-свойму добры, хай бы сабе існаваў. Камуністычная партыя, калі яна лакалізаваная да парламенцкай фракцыі, таксама бяспечная.

М. Сямёнаў: Я ўсё-такі хацеў бы ўдакладніць. Я цалкам згодны з тым, што савецкае сёння магчымае толькі як стылізацыя. Такая яна і ёсць: будзёнаўкі, якія разыходзяцца на Захадзе, шынялі, футболкі з савецкай сімволікай. Я нават згодны з тым, што эпоха вялікага стылю завяршылася. Калі я казаў пра стыль, то меў на ўвазе крыху іншы сэнс: гэта тое, што здольнае трымаць своеасаблівасць. Калі я гляджу на палітыку, то не бачу своеасаблівасці таго ці іншага боку — вось пра што я кажу, а не пра татальны стыль.

А. Казакевіч: Калі мы кажам — дэсаветызацыя? Што гэта на ўзроўні паўсядзённасці? Ад чаго плануецца пазбаўляцца?

У. Мацкевіч: У мяне два планы разважання. Першае — у савецкім шмат што татальнае. Напрыклад, у савецкай сістэме ўсё павінна быць сацыяльным, гэта значыць, што аўтаномнасць духоўнай сферы, сферы розуму, душы адмаўляецца. Усё павінна быць падпарадкаванае сацыяльнаму. Я думаю, што дэсаветызацыя палягае ў пераадоленні татальнасці савецкіх практык.

Калі мы кажам, што сацыяльнасць — гэта вельмі істотна, але ж не ўсё, то гэта ўжо контрсавецкасць. І такіх рэчаў мы можам назваць шмат. Прыклад: Калінін на праспекце Скарыны насупраць парка Чалюскінцаў, пра што вышэй было сказана Мікалаем Сямёнавым. Здаецца, ну што там такога, але гэта ўжо не праспект Скарыны. Гэтая сітуацыя патрабавала нейкай рэакцыі — і Скарына не вытрымаў супрацьстаяння з Калініным. Чалюскін з Калініным выціснулі Скарыну.

Калі я яшчэ быў у Маскве, мы распрацавалі мадэль ці ідэальны тып трансфармацыйнага пераходнага грамадства. Было вылучана 5 складнікаў сістэмнага крызісу. **Крызіс ідэалогіі**, які расце, даходзіць да кульмінацыі і развязваецца: ці назад да савецкасці, ці, наадварот, да таго, што несавецкае, рынкавае, капіталістычнае, дэмакратычнае. Калі кульмінацыя адбываецца, то крызіс ідзе на спад.

Калі развязаная ідэалагічная праблема, пачынае развязвацца праблема ўлады — гэта **крызіс улады**. І таксама, калі ўлада пераходзіць да іншых сілаў, то і кульмінацыя праходзіць. Але ў гэты час на паверхню выходзіць іншы крызіс — **крызіс дзяржаўнага кіравання**. У залежнасці ад таго, якая суб’ектнасць улады, адбываецца перабудова дзяржаўнага апарату «пад сябе». Потым надыходзіць чарга **крызісу гаспадаркі**, і апошнім ідзе **крызіс ладу жыцця**. Вось такую маем ідэальную мадэль: яна выглядае так, што крызіс за крызісам развязваюцца паступова. Спачатку вырашаецца крызіс ідэалогіі, потым — улады, потым — дзяржаўнага кіравання, потым — гаспадаркі і потым — ладу жыцця.

Беларусы — што не адпавядала гэтай мадэлі — не развязвалі крызісу ідэалогіі. Крызіс улады развязаўся толькі ў 1994 годзе, калі іншыя народы ўжо развязалі крызіс дзяржаўнага кіравання. І беларусы спыніліся, пакінуўшы праблемы. У нас улада разумеецца па-савецку, але ж лад жыцця — гэта такая рэч, якая пакідае адбітак на ўсім астатнім. Што адбываецца сёння: беларусы, нічога не вырашаючы свядома, патрапілі ў іншае жыццё, і само жыццё пачынае дыктаваць змены. Усё робіцца несвядома, само сабою, а не штучна, не так, як трэба рабіць: спачатку спланаваць — потым зрабіць, калі дрэнна — выправіць, калі добра — пайсці далей.

У нас дэсаветызацыя і ўсе астатнія рэчы робяцца не таму, што мы так вырашылі, а таму што мы вымушаныя прыстасоўвацца. І гэта няправільна, правільна — калі мы свядома нешта вырашаем, пачынаем самі рухацца. Калі мы гаворым пра дэсаветызацыю ў паліталагічным аспекце, я б сказаў: давайце ўрэшце разбярэмся з ідэалогіяй. Мы хто — еўрапейская нацыя ці мы рэштка савецкай. Крызіс улады — мы так і будзем у архаічным выглядзе трымаць аўтарытарную ўладу, якая сёння не толькі ў Еўропе, а нават у Азіі неактуальная.

А. Казакевіч: Вы не думаеце, што вось такая рэакцыя «**лад жыцця** выцягвае ўсе астатнія сферы» — гэта нармальная рэакцыя для Беларусі? У прынцыпе, нармальна, калі ўсё адбываецца паступова, без радыкальных зменаў, «ад жыцця».

У. Мацкевіч: Не лічу. Я лічу, што гэта не нармальна, не па-людску. Я лічу, што грамадскае жыццё, палітычная дзейнасць — гэта чалавечная дзейнасць, чалавечная ў тым сэнсе, што людзі абіраюць ней-

кія мэты і да іх свядома рухаюцца, гэта па-чалавечы.

В. Бабровіч: Мне падаецца цікавай такая думка. Сапраўды, жыццё штурхае нас, і мы не паспяваем або не жадаем думаць. Мне здаецца, у той ці іншай ступені гэта можна назіраць на ўсёй постсавецкай прасторы. То бок асэнсаванне таго, што адбываецца, як правіла, запазняецца.

У. Мацкевіч: Калі эстонцы стаяць перад выбарам паміж эстонскай вуліцай і неэстонскім помнікам на гэтай вуліцы, яны выбіраюць не такім чынам, як беларусы. І пакажыце мне тых ветэранаў, якія звярнуліся да тых, хто прымаюць рашэнні ў дзяржаве, каб перайменаваць праспект Машэрава ў праспект Пераможцаў.

В. Бабровіч: Я меў на ўвазе Украіну і Расію — там гэты працэс таксама назіраецца. Жыццё і эканоміка ў большай ступені, чым іншыя чыннікі, правакуюць змены. І не вызначыўшыся ў якіх-небудзь папярэдніх фазах гэтага працэсу, яны вызначаюцца цяпер, хоць сама пастаноўка пытання — што неабходна задумацца пра дэсаветызацыю — можа нідзе і не прагучаць.

У. Мацкевіч: Гэта праўда: мы параўноўваем сябе з балтыйскімі краінамі, а яны ўжо праскочылі фазу актыўнай дэсаветызацыі і пра тое забыліся. Туркмены не дасягнулі яе, а беларусы засталіся ў ёй. Памятаю, як адзін аналітык казаў на адной з канферэнцыяў, што калі мы скардзімся на апазіцыю, то мы мусім разумець, што апазіцыя такая самая, як і беларускае мысленне. Літоўская апазіцыя прывяла краіну ў Еўропу, а апазіцыя ў Туркменіі не давяла нават да таго, што мы маем. І мы мелі такое мысленне і такіх інтэлектуалаў, такую апазіцыю ў 1991 годзе, якія далі нам магчымасць мець тое, што мы маем. Заўтра мы будзем мець тое, пра што дбаем сёння.

М. Сямёнаў: Я згодны, што трэба прадумваць, калі мы не жартуем, а маем сур'ёзныя прэтэнзіі на статус еўрапейскасці, калі мы жадаем быць еўрапейскай дзяржавай з традыцыямі еўрапейскай культуры — трэба рэфлексаваць, разбірацца. Я, займаючыся філасофіяй, магу больш ці менш прафесійна казаць пра тое, якую філасофію мы маем. Па сутнасці, гэта вельмі дзіўная сумесь. Па-першае, папярэдняя савецкая філасофія, людзі, якія атрымалі навуковыя ступені ў той час, цяпер вызначаюць палітыку і ўзначальваюць кафедры ў дзяржаўных навучальных установах. Па-другое, эклектыка адэптаў і папулярызатараў, даволі амбіцыйных, заходняй школы, то бок адсутнасць арыгінальнасці. Мы маем спробу нацыянальнай філасофіі, хоць тут застаецца не апрацаванай еўрапейская традыцыя. Мы маем нейкую абывацельскую філасофію, такі мястэчковы прагматызм ды пазітывізм. У нас няма ўласна філасофіі, філасофскай думкі еўрапейскага

ўзроўню. Што цяпер адбываецца, напрыклад, на філасофскім факультэце БДУ — гэта крах.

Што тычыцца савецкага, я бы хацеў сказаць інакш. Савецкае, якое пастаянна знаходзіцца на парозе светлай будучыні, на самай справе тармозіць развіццё. Такое разуменне часу, гранічнае адрозненне прадмета ад сябе самога, а савецкае — вельмі дакладная, абсалютная ідэнтычнасць, і ў гэтым сэнсе час замыкаецца. Тое самае адбываецца і з прасторай, калі разумець прастору як гранічнае адрозненне аднаго прадмета ад другога: гэтая розніца даходзіць да поўнага разрыву прасторы. Ёсць сваё, ёсць чужое. Ёсць варожы заходні свет, ёсць наша ідэнтычнасць. Савецкае значыць, што мы робімся нерухомымі, пазбаўленымі часавай прасторы.

Што да таго, як ажыццяўляць дэсаветызацыю, то гаворка мусіць ісці не так пра аб'екты, хай сабе нейкія савецкія інстытуцыі ці іх рэшткі. І гаворка нават не пра тыя «суб'екты», на якія мы можам павесіць кляйно «*савецкі*», ідзецца пра асноўныя вымярэнні нашага жыцця. Вось прадмет, які можа ўплываць на нас. Яго абавязкова трэба ўявіць, сімвалізаваць. Савецкасць страціла тую колішнюю рэальнасць, якая даганяла нас паўсюды і скрозь, ад яе было не ўхіліцца. Савецкасць у гэтым сэнсе нерэальная, але працягвае існаваць сімвалічна, працягвае існаваць як уява, і неістотна, у якім сэнсе — негатыўным ці пазітыўным. Шмат што ўяўляецца як пякельнае, д'ябальскае стварэнне, іншыя бачаць былое як светлы страчаны свет. Вось з гэтым і трэба разабрацца, гэта мае прайсці нейкую працэдуру дэканструкцыі, калі хочаце.

Мы таксама мусім задацца пытаннем, на якіх структурах працягвае трымацца савецкае. Хоць бы ў спрошчанай форме. Якія жаданні, вераванні, чаканні гэтыя структуры ўзнаўляюць і падтрымліваюць. Напрыклад, аўтарытарныя структуры вельмі здатныя па-свойму захоўваць савецкае, якое яшчэ не пахаванае.

В. Бабровіч: Адна заўвага з нагоды дэсаветызацыі: тут, агулам кажучы, сапраўды ўзнікае такі парадокс, што з цягам часу савецкае пачынае ў нас успрымацца зусім негатыўна. З-за таго, што мы яго не пазбыліся, яно перайшло ў нейкія пераўтвораныя формы.

А. Казакевіч: Дарэчы, гэта істотная акалічнасць — навешванне ярлыкоў. Напрыклад, сучасны аўтарытарны рэжым часта разглядаюць як спадчыну савецкага, хоць у характары ўлады ёсць вельмі значныя адрозненні. Пры гэтым мы неяк забываемся, што аўтарытарнае кіраванне дастаткова добра ўпісанае ў еўрапейскі гістарычны кантэкст, асабліва калі мы кажам пра «вялікую» Еўропу (Грэцыя, Іспанія). І тут асноўны змест хаваецца ў дэталях.

У гэтым кантэксце цікава назіраць за сітуацыяй у Літве — як там

вызначаюць праявы савецкасці. Традыцыйна лічылася, што бюракратызм — гэта праява савецкасці, але ў сучаснай Літве значная частка бюракратызму спускаецца з Еўрапейскай камісіі. Дык паўстае пытанне: што такое бюракратызм — праява «савецкасці» ці «еўрапейскасці»?

У. Мацкевіч: Праблема, з майго пункту гледжання, абывацельская. Пасля Вебера ды Кафкі савецкая бюракратыя выглядае як дзіцячая гульня. Але ж гэта на павярхоўны погляд, я ўсё-такі лічу, што савецкае — гэта зло цалкам. І тут я прапаную проста вызначыцца. Адна справа, калі мы разважаем як назіральнікі, аналітыкі (з вонкавага гледзішча: напрыклад, аналізуем класіцызм і рамантызм), і іншая справа — быць Байранам ці Шылерам: жыць, пераносіць на сабе — сваім жыццём, справай, учынкамі змяняць стыль. Я хацеў бы, каб пераход ад савецкага ўжо скончыўся, таму што маё жыццё не вечнае, кароткае. Я жыву тут, сярод савецкасці, і не хачу, каб пераход да наступнага этапу заняў усё маё жыццё. І дэсаветызацыю, і савецкасць я хачу лакалізаваць у часе, зрабіць гэтыя працэсы як мага карацейшымі.

Яшчэ важнае ўдакладненне. Калі разглядаць сённяшні рэжым як ізаляваны феномен, проста як рэжым, ён можа быць падобным да іншых аўтарытарных рэжымаў ці быць «султанічным», як некаторыя палітолагі цяпер прыдумляюць (не разумею, што гэта дае, але ж прыдумалі такое). Я кажу, давайце пазначым, адкуль гэта ўсе прыйшло, дзе карані і куды гэта накіроўваецца. Калі мы не ведаем, куды гэта накіроўваецца, то нічога не будзе. Калі мы сённяшні рэжым бачым як «лукашызм», які невядома куды рухаецца, і не заўважаем, адкуль ён вырас, то рэжым можа існаваць у часе і прасторы бясконца.

А. Казакевіч: Ці была дакладная пераемнасць паміж сучасным аўтарытарызмам і савецкасцю?

У. Мацкевіч: Я лічу, што гэта абстрактнае пытанне, больш за тое, другога адказу няма. Толькі адтуль гэта ўсё і ўзялося. Можа, іншыя, падобныя да лукашэнкаўскага, рэжымы ўзяліся аднекуль. А гэты ўзяўся з савецкага, з іншага ён не мог узяцца. І тут задавацца гэтым пытаннем? Я бачу беззмястоўнасць яго. Ніадкуль, толькі з савецкасці.

А. Казакевіч: Але варта пазначыць, што былі і пэўныя навацыі як рэакцыя на вонкавыя змены.

У. Мацкевіч: Не, нічога новага. Абсалютна нічога!

В. Бабровіч: З розных крыніц бярэцца апісанне цяперашняй аўтарытарнасці. Але яно не супярэчыць усяму таму, што ў нас умоўна засела і спараджае гэтую ўладу. І можна гэта абазначыць і як савецкае, і як патрыярхальнае. Горад душыў вёску — і рэванш патрыярхальнага злучыў разам архаіку ды савецкае.

А. Казакевіч: Вось я, напрыклад, не магу знайсці архаікі і патрыярхальнасці (калі гэта не разумець выключна як гендэрную няроўнасць) у сучаснай беларускай сацыяльнай рэчаіснасці. Беларусь стала самай савецкай менавіта таму, што здолела пазбавіцца культурнае традыцыі і любой павагі да архаікі. Калі мы кажам «патрыярхальнасць», то, у прынцыпе, павінны мець на ўвазе пэўную арганізацыю сацыяльных дачыненняў: паміж лакальнымі супольнасцямі, генерацыямі, паламі, сацыяльнымі групамі. Мы можам сказаць, што ў Беларусі не засталося вялікіх сем’яў. Максімум — бацькі і дзеці. Гэтым усё завяршаецца. Дачыненні паміж генерацыямі дастаткова ліберальныя. Сказаць, што наша грамадства «патрыярхальнае»... Гэта, я думаю, вялікае перабольшанне, гэта міф, які адводзіць нас у бок ад разумення спецыфікі нашае сітуацыі.

У. Мацкевіч: Так, калі мы будзем браць кожны раз адзін нейкі складнік, паўстане шмат пытанняў, шмат сумненняў. Я казаў з самага пачатку, чаму я супраць дэфініцый.

А. Казакевіч: Мне падаецца, адна з прычынаў замацавання савецкасці ў беларускім грамадстве палягае ў тым, што патрыярхальнасці і традыцыі даўно ўжо няма. Гэтым мы адрозніваемся, скажам, ад Туркменіі ці Грузіі. Беларусы першыя перамаглі ўласныя традыцыі. Маюцца на ўвазе традыцыі, якія перадаюцца з пакалення ў пакаленне. Пасля гэтага складана казаць, што ў межах сучаснага рэжыму адбываецца сінтэз савецкасці і патрыярхальнасці.

В. Бабровіч: Вось я, прыкладам, на кожным кроку сутыкаюся з праявамі патрыярхальнасці. Калі вы прыйдзеце да кагосьці ў сям’ю ў госці і ўсё скрозь будзе «ў еўрарамонце», дык перш падасца, што і людзі сучасныя. А калі вы пажывяце там ды разгледзіце знутры структуру дачыненняў — звычкі, адпачынак, працу і г. д., — вы ўбачыце, што гэта ўсё не зусім так. Стары парадак сядзіць глыбока і не заўважаецца.

А. Казакевіч: Так, але гэта ў тым выпадку, калі мы маем універсальнае ўяўленне пра сучаснасць, «сучасных людзей». Мне падаецца, што ў сучасных грэкаў ці іспанцаў вы маглі б заўважыць многія прыкметы патрыярхальнасці ў такім самым сэнсе. Яны таксама не з’яўляюцца сучаснымі? Тут мы трапляем у пастку. Усе праявы савецкага мы ўспрымаем як негатыўнае, а ўсе адхіленні ад абстрактнага «сучаснага» — як праявы патрыярхальнасці ды архаікі. У выніку атрымоўваем зручную інтэлектуальную канструкцыю, але яна мае мала супольнага з рэчаіснасцю.

В. Бабровіч: Згодны з вамі, што можна паставіць пад сумнеў строгасць ужывання гэтага тэрміна. Я тое бачыў на іншым прыкладзе: у мяне ва універсітэце вучацца студэнты, якія вывучаюць замежныя

мовы, і, здавалася б, праз гэтыя замежныя мовы мусілі б быць сучаснымі. Але яны ў сваіх поглядах на праблемы сусветныя гэтакія архаічныя! І не бачаць таго, чым жыве Еўропа. Мала таго, што не бачаць, дык яшчэ лічаць, што гэтага няма. Калі я пераконваю скарыстоўваць на абароне дыпломаў мультымедыйную ўстаноўку, выкладчыкі і студэнты адмаўляюцца! Такая несучаснасць, умоўна кажучы, на кожным кроку. Несучаснасць — гэта савецкае, ці што?

А. Казакевіч: Ну так, напэўна, гэта таксама праблема тэрміналагічная. Усякае адставанне ад сучасных тэхналогіяў мы не можам называць архаічным ці патрыярхальным у канкрэтным значэнні гэтага тэрміна.

В. Бабровіч: Вядома, я сказаў, што гэта нястрогае ўжыванне тэрміна. Давайце пазначым неяк інакш. Вось яшчэ прыклад: стаўленне да лецішчаў. У Польшчы — гэта месца для адпачынку, у Беларусі — для працы. Два розныя стаўленні.

А. Казакевіч: Дарэчы, доля сельскага жыхарства ў Польшчы большая, чым у Беларусі, як і значэнне сельскае гаспадаркі для эканомікі. А дачыненні на вёсцы ў нашмат большай ступені традыцыйныя (у сэнсе захавання традыцыі, рэлігійнасці, лакальнае ідэнтычнасці, народнае культуры) і патрыярхальныя, чым у Беларусі.

М. Сямёнаў: Дазвольце мне пару заўваг. Спачатку я хацеў бы пагадзіцца з Уладзімерам наконт таго, што можна было назваць рэфлексіўнасцю. Мы не можам быць толькі назіральнікамі, калі ідзе нейкі працэс дэсаветызацыі. Мы не толькі не можам стаяць наўзбоч — сама дэсаветызацыя мусіць пачынацца з нас, раз мы ад пачатку мусілі ў яе ўцягнуцца. Гэта — як сучасная сацыялогія. Сёння сацыёлаг мусіць падвяргаць рэфлексіі свае ўласныя сацыялагічныя даследаванні, г. зн. сам сацыялагічны акт ужо ўлучаны ў тое, што мы даследуем. А што да патрыярхальнасці — я думаю, тут праблема выклікана неадрозненнем паняткаў. Усё ж трэба размяжоўваць архаіку, патрыярхальнасць, адсталасць, традыцыяналізм і г. д.

Я зусім не маю пэўнасці, што савецкае ды патрыярхальнае падаюць адно аднаму рукі — наадварот. Калі ўспомнім, што савецкае — гэта індустрыялізацыя, калектывізацыя, разбурэнне патрыярхальнага ладу жыцця ў вёсцы. Быў вельмі моцны зрух. Успомніце культ інжынерыі — інжынерыя душ і да т. п. Усё вельмі далёка ад патрыярхальнасці. Савецкі мадэрнізм у савецкім грамадстве ўзнік як канструктывізм. Мы можам казаць, што мадэрнізацыя стварыла прэцэдэнт нашага адставання прамысловага, навуковага, культурнага, але СССР — перадусім праект мадэрнізацыі. Дык пра якую патрыярхальнасць гаворым? Істотныя зрухі адбыліся на прасторы Беларусі. Паўстала індустрыя, пачаліся працэсы ўрбанізацыі і вельмі моцнага адплыву жыхарства ў гарады. Таму мне падаецца сумнеўнай і не вельмі пераканальнай (а можа, і тым, што стварае пэўнага кшталту пасткі) вось такая строгая паслядоўнасць: савецкае з савецкага вырастае. Думаю, што такі вельмі плоскі дэтэрмінізм не адпавядае сённяшнім рэаліям. У тое, што сёння адбываецца, уваходзяць непрадказальныя рэчы.

Я не лічу, быццам наш рэжым цалкам і скрозь вырас з савецкага. Мне здаецца, што гэта занадта вялікае спрашчэнне, якое збаўляе нас ад доўгага аналізавання, ад высвятлення, скуль растуць ногі. І яшчэ раз наконт самой дэсаветызацыі: мне здаецца, галоўнае — гэта не **супраць** каго, а **для** каго і **на** каго яна працуе. З майго гледзішча (я ўжо тут не філасофскаю моваю кажу, а як просты грамадзянін), яна працуе на мяне і на маіх дзяцей, бо, праводзячы дэсаветызацыю, мы павялічваем ступень свабоды, павялічваем разуменне годнасці чалавечай, вяртаем сабе памяць. Тое, што яна вяртае памяць і пачуццё чалавечай годнасці, стварае перадумовы для згоды. «Савецкасць» — гэта час і прастора, дзе знаходзяцца мае бацькі, гэта тое, што я і сам нясу, — карані мае адтуль, там я гадаваўся. Адначасна там знаходзяцца дарагія мне людзі. І я мушу чыніць згоду, а не адну толькі дэструкцыю, крытыку, прыніжэнне.

У. Мацкевіч: Ёсць некалькі заўваг. Я нядаўна ў Інтэрнэце ўбачыў, з майго гледзішча, ашаламляльную фразу. Яна гучыць прыкладна так: «национальная привычка [беларусаў] — выдавать действительное за желаемое». Не так, як мы звыкліся, — «жаданае выдаваць за рэчаіснае», а «рэчаіснае за жаданае». Па-мойму, гэта надзвычайная рэч, і мне адразу прыгадалася кніга Юрыя Шаўцова, на якую я пісаў рэцэнзію. Яна дзіўная тым, што чалавек з усім багаццем сваіх інтэлектуальных падыходаў прысвячае вялізную кнігу адзінай мэце — апалагетыцы існага status quo. Я думаю, што гэта таксама савецкае, калі мы, пэўным чынам нават ускладняючы нейкія рэчы, замест таго каб іх пераадольваць, займаемся апалагетыкай status quo.

Мікалай казаў цікавыя рэчы. Гэта ж савецкі лад, не сацыялізм, савецкі лад нарадзіўся з імпульсу мадэрнізацыі, вельмі сур'ёзнага імпульсу мадэрнізацыі пачатку 1920-х гадоў, але потым усё змяніла свой знак. Чаму? Чаму так адбылося, што тады здарылася з марксізмам? Вельмі цікава — марксізм перастаў быць філасофіяй, перастаў быць метадам, а стаў гумовай ідэалогіяй, якую нацягвалі на што заўгодна. Спачатку поўнае адмаўленне таго, што не змяшчаецца ў марксізме, а потым нацягванне. І вось гэтая гумовая ідэалогія з вельмі сучасных на той момант метаду і філасофіі.

Ужо напрыканцы 1920-х гадоў такая сацыяльная і палітычная практыка цалкам задушыла ўвесь мадэрнізатарскі, мадэрнісцкі імпульс таго часу і ператварыла ўсё, я не скажу — у патрыярхальны або архаічны, але ў вельмі прымітыўны тып грамадства, вельмі прымітыўны тып, які і запанаваў на гэтай тэрыторыі.

М. Сямёнаў: Ёсць цудоўная філасофская метадалогія, якая дазваляе вярнуць і адчуць дваякі рух, вярнуць складаным рэчам даступнасць, зрабіўшы іх зразумелымі, простымі, і адначасова вярнуць простым банальным рэчам іх унутраную складанасць, іх вартасць.

Асабіста для мяне — я тут, пэўна, прыхільнік класічных падыходаў — важныя два падыходы. Я іх лічу дапаўняльнымі. Спачатку ўбачыць феномен. Вы ведаеце, гэта тое, што само сябе, з сябе паказвае, ні да чаго вонкавага не адсылаючы. З іншага боку, паглядзець на працэс па-структуралісцку, калі бачым, што аб'ект можа быць асэнсаваны ў рамках якой-небудзь структуры. Вось такі дваякі погляд дазваляе мне захаваць і самасць гэтай рэчы, і яе суаднесенасць з іншымі.

А. Казакевіч: Што да тэмы савецкасці, патрыярхальнасці, патэрналізму, я думаю, да надавання імёнаў варта ставіцца асцярожна. Яны часта падмяняюць рэчаіснасць штампамі ці арыенталісцкімі схемамі. Усе гэтыя з'явы — патэрналізм, традыцыя, патрыярхальнасць — у тых ці іншых формах існуюць у грамадствах, якія мы называем сучаснымі, мадэрнымі і г. д. Важна тут разабрацца, чым адрозніваецца патэрналізм, скажам, у Партугаліі і Беларусі. Я разглядаю гэтую праблему як практычную, што можа даць разуменне таго, з чым нам давядзецца працаваць. Магчыма, тое, супраць чаго вы выступаеце, напрыклад «архаіка», ужо стала гісторыяй ці набыло сучасныя формы, а значыць, патрабуе і іншага стаўлення.

У. Мацкевіч: Так, як практычную і трэба разглядаць, але каб гэта было практычным, мы мусім разумець абмежаванасць, у першую чаргу, розных дыскрыпцыйных ці тлумачальных канструкцый, а не чапляцца за іх.

Нашы беларускія інтэлектуалы шмат разумеюць, шмат чыталі, нават часопіс «Топас» выдаюць, але ж каб паспрыяць практыцы... Так і тут, я гатовы паразважаць з філосафамі (напрыклад, вельмі цікава спрачацца з Сямёнавым), але ж калі я сустракаю палітыка ці чалавека, які называе сябе практыкам, і ён пачынае разважаць: вось з гэтага пункту гледжання — так, а з гэтага — інакш, — мне хочацца бойку ўчыніць. Давайце не блытаць, дзе практыка, а дзе — тэорыя! З гледзішча філасофіі, напэўна, усё разнастайнае і рознабаковае, а з гледзішча палітычнай тактыкі: альбо робіцца практычны крок, альбо не. Нацыя павінна прыслухоўвацца да такіх філасофскіх спрэчак не для таго, каб вызначыцца, хто з філосафаў мае больш рацыі, а каб нарэшце вызначыцца практычна.

М. Сямёнаў: Я не думаю, што нашы інтэлектуалы зашмат чыталі, зашмат думалі. Дапусцім, той жа часопіс «Топас», у якім я таксама публікаваўся, — з майго гледзішча, гэта маленькі палігон інтэлектуальнай тусоўкі, — уводзіць новыя тэксты заходніх аўтараў. Ніякіх намаганняў палітычнай значнасці я там пакуль не бачыў.

А. Казакевіч: Вернемся да тэмы дэсаветызацыі, каб паспрабаваць падвесці рысу пад нашай дыскусіяй. Хай кожны паспрабуе даць сціслы адказ на пытанне: навошта дэсаветызацыя? Ці пажаданая яна?

Дз. Мельянцоў: У мяне будзе, хутчэй, ідэалагічны адказ. Мне падабаецца еўрапейская цывілізацыя, і я лічу, што Беларусь — гэта яе частка, і каб канчаткова вызначыцца ў геапалітычным выбары, Беларусі трэба правесці дэсаветызацыю. Не азначаем, што гэта такое, а бярэм як «рэч у сабе». Без гэтага мы не здолеем інтэгравацца ў еўрапейскія інстытуты ды структуры. І як казаў спадар Мацкевіч: усё мусіць быць па-людску, таму дэсаветызацыя — гэта дэідэалагізацыя і вызваленне чалавека, вяртанне да яго асабістай свабоды.

У. Мацкевіч: У мяне нават тры адказы будуць. Каб жыць па-людску — першы. Другі: чалавек гэта істота, якой патрэбныя не толькі ежа, пітво, сон, — чалавеку для жыцця патрэбны сэнс, і каб вярнуць гэты сэнс, патрэбная дэсаветызацыя. Трэці, практычны, адказ: нам патрэбная санацыя шмат якіх сфераў жыцця, напрыклад той жа навукі, — Мікалай Сямёнаў закранаў гэтае пытанне. Сёння навука выраздзілася, не дае ведаў, няма ведаў ад беларускай навукі, у прыватнасці, аб беларускім грамадстве. Без дэсаветызацыі гэта немагчыма.

В. Бабровіч: Мне падаецца, што адказ на пытанне відавочны. Ва ўсялякім выпадку, гэта патрэбна ў практычным сэнсе: «савецкае» стрымлівае развіццё, запавольвае дынаміку сацыяльных і палітычных працэсаў. Дэсаветызацыя неабходная, але мусім разумець, што працэс гэты будзе вельмі разнапланавым.

М. Сямёнаў: Мне падабаецца фармулёўка Уладзіміра «каб жыць па-людску». Спазнаванне беларускага грамадства будзе яго стварэннем. Спазнаць і стварыць для мяне ў гэтым сэнсе адно і тое. Таму, калі мы хочам разабрацца з тым, хто мы такія, куды мы рухаемся, куды мы можам рушыць і ці правільна мы ідзем, трэба разабрацца з тым, хто

---

[1] Мацкевіч У., Панькоўскі С. Дэсаветызацыя Беларусі / Гутарылі: А. Старыкевіч, В. Алёхін // Еўрапейскае радыё для Беларусі. — 2007. — 28 верасня. — [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: http://www.belradio.fm/by/250/prizes/8940. — Дата доступу: 14.02.2008.

мы і адкуль. Спадкаванне тычыцца і «савецкага», і нацыянальнай культуры, і патрыярхальнасці, пра якую вы казалі.

Дэсаветызацыя — гэта працэс, які абавязкова ўваходзіць у наша разуменне саміх сябе: хто мы такія ў дадзены момант, якая супольнасць. Мы не можам разабрацца, пакуль не разбяромся ў сабе і не зразумеем, што мы ўчынілі, які цяжар адказнасці і віны нясём: што нам перадалі, ад чаго мы мусім пазбавіцца, а што захаваць.

Дэсаветызацыя Беларусі[1]

Дыскусія адбылася на «Еўрарадыё» 28.09.2007
Удзельнікі: эксперты — У. Мацкевіч, С. Панькоўскі, вядоўцы — А. Старыкевіч, В. Алёхін

Вядоўца: У Літве прайшла канферэнцыя, прысвечаная праблеме дэсаветызацыі Беларусі. З арганізатарам гэтай канферэнцыі Уладзімірам Мацкевічам і палітолагам Сяргеем Панькоўскім мы паспрабуем абмеркаваць пытанні дэсаветызацыі беларускага грамадства.

Пачнём з адной цікавай лічбы. Паводле звестак сацыялагічнай лабараторыі «Новак», сёння толькі 10 % беларусаў хочуць вярнуцца назад у СССР. На гэтым можна было б закончыць нашу размову… Быццам бы дэсаветызацыя ў Беларусі паспяхова пройдзена. Але ёсць і іншае тлумачэнне гэтай лічбы. Усё таму, што мы і так жывём у Савецкім Саюзе, па сутнасці. Навошта нам імкнуцца да таго, што ўжо ёсць?

Вядоўца: Што думаюць пра гэта нашы эксперты?

У. Мацкевіч: На ўзроўні знакаў дэсаветызацыя ідзе. Яна ідзе нават на ўзроўні даволі глыбокіх прынцыпаў. Ну, напрыклад, знікненне партыі (КПСС) як такой. Але сказаць, што дэсаветызацыя завяршылася, нельга. Па-першае, яна ішла спантанна — як рэакцыя на нейкія падзеі і дзеянні. А па-другое, ёю ніхто не займаўся, яна проста ішла некантралявана. Гістарычныя працэсы ў гэтым сэнсе характарызуюцца тым, што, калі іх не рабіць штучна, то замест чагосьці новага пад іншым выглядам праточваецца старое. Беларусы проста на сённяшні дзень лічаць, што вяртаюцца савецкія часы. «Савок» узнаўляецца ў асобна ўзятай краіне.

*Вядоўца: «*Савок» тут нейкае абразлівае слова…

У. Мацкевіч: Ну так, канешне, абразлівае… Ім я сапраўды паказваю сваё стаўленне да гэтага грамадства, гэтага тыпу людзей, у нейкім сэнсе да самога сябе. Але гэта патрабуе асэнсаванасці, разумення…

Перш чым стаць беларусам, трэба зразумець, што ты быў «саўком».

С. Панькоўскі: Можа, нам не зашкодзіла б пачаць з некаторых азначэнняў таго, што мы разумеем пад дэсаветызацыяй, савецкім? Таму што сам па сабе гэты тэрмін даволі шматаспектны. Калі ў самым агульным сэнсе разумець нейкі лад жыцця, лучнасць палітычных, сацыяльных, ідэалагічных практык, то, на мой погляд, тая лічба, якую вы прыводзілі, — 10 %, якія б хацелі вярнуцца ў Савецкі Саюз, не ў апошнюю чаргу вызначаецца, па ўсёй імавернасці, узроставым фактарам. Людзі, якія добра памятаюць гэтую рэчаіснасць, яшчэ жывуць. І гэтая рэчаіснасць успрымаецца імі даволі пазітыўна, як спакойны, беспраблемны, зручны лад існавання. З іншага боку, паліталагічнага, мне здаецца, што сучасная Беларусь толькі ў маленькай ступені ўзнаўляе тое, што мы мелі ў Савецкім Саюзе. Савецкі Саюз быў перш за ўсё ідэалагічнай дзяржавай, пабудаванай на пэўных (вельмі ясных!) ідэйных прынцыпах. І ўсе — ад дворніка да прафесара — маглі знайсці сваю нішу. А сучасная Беларусь уяўляе з сябе стандартную аўтарытарную дзяржаву, апісаную ў падручніках, пабудаваную на аднаасобнай уладзе. Тут няма ідэальнай метафізікі, схемы, у якую можна было б верыць, акрамя персоны самога кіраўніка. Па сутнасці, гэта наменклатурная дзяржава.

У. Мацкевіч: Справа ў тым, што наменклатура ў апісанні Аўтарханава і іншых — гэта савецкая з’ява, адмыслова выгадаваны пласт людзей…

С. Панькоўскі: Тут ёсць, канешне, генетычная спадчына: і беларуская наменклатура, і сам Аляксандр Лукашэнка, які апынуўся ў цэнтры гэтага палітычнага механізма, не мелі іншага досведу, акрамя савецкага. Канешне, ён мог адштурхоўвацца толькі ад яго. Але я ўсё ж такі не рызыкнуў бы цалкам атаясамліваць. На мой погляд, Беларусь не з’яўляецца Савецкім Саюзам у мініяцюры, гэта па-іншаму арганізаваная рэчаіснасць.

У. Мацкевіч: Грамадскія змены ажыццяўляюцца альбо дэмакратычна, калі існуе шырокі масавы рух, які накіраваны на штосьці, альбо гэта ажыццяўляецца элітамі. У прыватнасці, магчымая элітарная форма грамадскіх зменаў праз рэфлексію грамадскіх працэсаў. І ў такім разе ў першую чаргу ў гэтым задзейнічаныя інтэлектуалы — гэта могуць быць журналісты, людзі вольных прафесій… І калі мы пачынаем пераасэнсоўваць тое, як мы жылі, як павінны жыць, то ў працэсе гэтых пераасэнсаванняў і адбываюцца змены. Вось, напрыклад, ёсць такая версія перабудовы і развалу Саюза — стомленасць эліт. Тая ж наменклатура, атрымаўшы поўную ўладу ў Савецкім Саюзе, асэнсавала сябе асобным класам, і была патрэбна найпрасцейшая рэч — перадача ўлады і багацця ў спадчыну, што Савецкі Саюз не забяспе-

чыў. Прынцып фармавання наменклатуры не быў спадчынным. Пры рэжыме Лукашэнкі адбываецца гэтае асэнсаванне наменклатурай неабходнасці перадачы ўлады і багацця ў спадчыну. І калі гэта будзе адбывацца, мы апынёмся ў вельмі цяжкім становішчы: нерэфлексіўнае грамадства, якое не асэнсоўвае сябе і не ўмее сабой валодаць.

Вядоўца: Вы лічыце магчымым дэсаветызацыю рабіць ужо сёння? Ці ўсё-такі гэта працэс, які патрабуе пэўных уладных механізмаў?

У. Мацкевіч: Мы спецыяльна на канферэнцыю запрасілі нямецкага эксперта, доктара паліталогіі, каб ён распавёў пра дэнацыфікацыю ў Нямеччыне. Адным з галоўных чыннікаў дэнацыфікацыі ў Нямеччыне была акупацыя і канцэнтрацыя палітычнай волі ў вонкавых суб’ектах. Я думаю, што дэсаветызацыя таксама магчымая толькі тады, калі мы знойдзем вонкавую кропку апоры, праз якую з палітычным ціскам, з урадавым кіраваннем магчыма ажыццявіць дэсаветызацыю штучным чынам. Таму што проста стыхійна, спантанна гэта не можа адбывацца. Тады будуць усталяваныя больш архаічныя, чым савецкія, формы жыцця і дзяржаўнага ладу.

Вядоўца: А што можа быць падмуркам для дэсаветызацыі?

У. Мацкевіч: Ведаеце, дэсаветызацыя — гэта адмоўная частка, а не станоўчая. Штосьці разбураецца… А што замест гэтага? Ну, я прапанаваў, напрыклад, беларусізацыю ці хрысціянізацыю.

С. Панькоўскі: Проста не існуе іншай альтэрнатывы, чым, вобразна кажучы, вяртанне ў сям’ю еўрапейскіх народаў. Я не маю на ўвазе геапалітычнае далучэнне да Еўрапейскага Саюза, а проста вяртанне да тых палітычных і інстытуцыянальных практык і прынцыпаў, якія цяпер у свеце з’яўляюцца агульнапрынятымі. Аўтарытарызм у XXI стагоддзі з’яўляецца архаікай, то бок гэта не стварэнне чагосьці новага, а паўтарэнне таго, ад чаго іншыя ўжо даўно адмовіліся. Таму, па сутнасці, у гэтага ўладкавання няма перспектыў.

У. Мацкевіч: Архаіка — гэта стаўленне. Да той жа самай з’явы, якую мы гатовыя назваць архаікай, можна змяніць стаўленне — і ставіцца як да класікі. Калі паглядзець на ўладкаванне Савецкага Саюза і той жа нацысцкай Нямеччыны ў 1933 годзе, то там яны таксама шмат у чым былі архаічнымі, калі параўноўваць з іншымі дзяржавамі таго часу. Тым не менш, у Нямеччыне гэта выдавалася за арыйскую класіку, а Савецкі Саюз, наадварот, мадэрнісцкую марксісцкую канцэпцыю падводзіў пад архаіку. Мне паказалі адзін фільм, ён называецца «Груз-200». Моладзь мне прынесла гэты фільм, і яны казалі наступнае: пасля прагляду гэтага фільма маладыя людзі хаваюць майкі з надпісам «СССР» і больш ніколі іх не апранаюць. Вось гэта дзейсны сродак дэсаветызацыі. Гэта тое, што здольная рабіць эліта. І тут я хацеў бы падкрэсліць адну важную рэч, яна, як мне падаецца, звязаная з інтэлектуальнай баязлівасцю беларускіх элітаў.

Справа ў тым, што ў пачатку 90-х гадоў, калі некалькі адчайных людзей пачыналі праводзіць беларусізацыю і будаваць незалежную краіну, беларускія эліты, інтэлектуалы не падтрымалі іх на той падставе, што «гэта немагчыма, у Беларусі гэта ажыццявіць нельга». Беларускія эліты прэтэндавалі на веданне таго, як Беларусь уладкавана, але пры гэтым прапусцілі такі момант, што пры развале Савецкага Саюза, пры знікненні той ідэалогіі ўзнікла магчымасць усталявання аўтарытарнай формы кіравання, пры якой па-валюнтарысцку можна зрабіць шмат якія рэчы. Частка людзей баялася гэтага! Перапалоханасць інтэлектуалаў 90-х гадоў, тое, як яны баяліся беларусізацыі, — гэта штосьці неймавернае. І той магчымасцю мы не скарысталіся.

Вядоўца: Вядома, што прывід камунізму ў свой час блукаў па ўсёй Еўропе, але затрымаўся ён у Расіі ды, адпаведна, Беларусі. Сёння мы гаворым пра тое, што ў нашым грамадстве захавалася яшчэ значная частка савецкасці. Можа, пытанне палягае ў тым, што гэта нейкія рысы нашага грамадства?

У. Мацкевіч: Сказаць, што фашызм уласцівы італьянцам як нацыі, напэўна, можна, і некаторыя так і гаварылі. Але ж гэта будзе збедненае тлумачэнне. Таксама, як сказаць, што немцы — гэта нацысты паводле сваёй прыроды. Так і з беларусамі. Я думаю, што вы маеце рацыю толькі ў тым, што сапраўды нешта ў пабудове беларускага грамадства спрыяе таму, што гэтыя блукаючыя прывіды спыняюцца ў гістарычнай і геаграфічнай прасторы там, дзе маюць добрую глебу для свайго развіцця.

С. Панькоўскі: Тут значную ролю адыграў фактар выпадковасці: замест таго каб будаваць сучаснае грамадства, Беларусь, для таго каб усё ж такі знайсці сваё месца ў сучасным свеце, праз часам пакутлівы пошук паспрабавала вярнуцца ў сярэдзіну XX стагоддзя. У гэтым сэнсе, Беларусь існавала рэтраспектыўна, яна існавала назад, а не ўперад… І таму цяпер, на мой погляд, Беларусь, па сутнасці, з’яўляецца адзінай краінай у Еўропе з абсалютна адкрытай будучыняй. На мой погляд, Савецкі Саюз перастаў існаваць і таму, што гэтую сістэму нельга болей было ўтрымліваць закрытай. І ўсе разумеюць, што рана ці позна ўсё даводзецца змяняць. Я думаю, што, з іншага боку, хоць ідэалагічна гэта і выглядала як рух назад, на самай справе гэта ўсё ж такі быў рух наперад, таму што беларускае грамадства цяпер цалкам гатовае да таго, каб стаць нармальнай еўрапейскай краінай.

Вядоўца: Мы знаходзімся ў кропцы А, у аўтарытарнай, шмат у чым «саўковай» дзяржаве, адначасова мы гаворым, што беларускае гра-

мадства, здаецца, саспела для трансфармацыі ў нармальную еўрапейскую дзяржаву. Што неабходна, каб з пункту А трапіць у пункт Б?

С. Панькоўскі: Тут, канешне, каго ні спытай, любы адразу адкажа, што беларускае грамадства сёння для пачатку павінна стаць аб'ектам узважанага аналізу і асэнсавання. Пра гэта трэба гаварыць, трэба прапаноўваць рашэнні. З іншага боку, яно існуе выпадкова, і мы не можам улічыць усіх выпадковых чыннікаў, якія могуць паўплываць.

Вядоўца: Але які ёсць агульны кірунак? У які бок ісці?

С. Панькоўскі: На самай справе, гэта ўжо адбываецца — чакаць не трэба, трэба штосьці рабіць сёння.

Вядоўца: А што канкрэтна?

С. Панькоўскі: Жыць у XXI стагоддзі.

У. Мацкевіч: Ага, лёгка сказаць. Ты агучыў вельмі важны тэзіс пра тое, што Беларусь — гэта краіна з адкрытай будучыняй: у тым сэнсе, што ў нас няма каляіны, па якой мы можам увайсці ў нейкую будучыню. Мы варыяцыйныя ў гэтым сэнсе: можам шмат чаго зрабіць, але гэта ніколі не будзе зроблена без грамадскай дыскусіі, без таго, каб варыянты будучыні не проста прапаноўваліся, але і крытыкаваліся, разглядаліся, у барацьбе адстойвалі сваё месца і захоплівалі б усё большую частку дзеячаў. Таму што дэмакратыя — гэта барацьба меркаванняў і прапаноў. Чаму людзі, якія імкнуцца да адкрытага грамадства, заўсёды змагаюцца за правы чалавека, за свабоды? Таму што могуць быць самыя геніяльныя пражэкты, але калі яны не сталі кіраўніцтвам да дзеяння для нейкай вялікай часткі жыхарства, яны кожны раз вядуць да аўтарытарызму. Чаму людзі, якія маюць мэты, лічаць дэмакратыю найгоршай формай кіравання? Таму што пры дэмакратыі дасягненне мэтаў запавольваецца.

Для таго каб дасягнуць нейкіх агульнадзяржаўных мэтаў, трэба правесці процьму ўзгадненняў. Пры таталітарызме ці аўтарытарызме можна прайсці некалькі інстанцый чыноўнікаў і дамагчыся таго, што мэта будзе дасягнутая. У дэмакратыі (асабліва, калі ідзецца пра нейкія вялікія справы — прыняць закон, напрыклад, альбо правесці адукацыйную рэформу ці што-небудзь іншае) трэба пераканаць грамадства, а гэта вельмі цяжка.

Адной з характарыстык заходняга чалавека з'яўляецца тое, што для яго сваё, мясцовае больш прыярытэтнае, чым штосьці глабальнае. Таму еўрапейцы ўсё ж такі ўладкоўваюць сваю краіну, а потым думаюць пра Еўрапейскі Саюз. Беларусы пакуль паводле савецкай звычкі змагаюцца за мір ва ўсім свеце, а свой калгас кідаюць…

Вядоўца: Улада кажа, што яна не пойдзе на нейкія змены, калі яны ёй будуць каштаваць улады. Калі ў краіне пройдзе дэсаветызацыя, гэта будзе азначаць аўтаматычную змену ўлады альбо не?

С. Панькоўскі: Я думаю, што яна проста не ўмее інакш. Геніяльнасць беларускай улады заканчваецца роўна на мяжы беларускай дзяржаўнасці. На мой погляд, зацікаўленасць заключаецца ў сталым узнаўленні статус-кво — усё, што яна робіць, так ці інакш арганізуецца вакол гэтага прынцыпу.

У. Мацкевіч: Калі мы разумеем, што ўлада мае гэтыя абмежаванні, у такім разе дэсаветызацыю мы павінны тлумачыць як тое, што робіць людзей (у тым ліку і эліты) вольнымі ад улады. Улада становіцца пераменнай прыкметай тых ці іншых эліт. І адсюль зменнасць эліт ва ўладзе ёсць адным з вельмі істотных атрыбутаў дэсаветызацыі.

Дзіўная рэч атрымоўваецца: на сённяшні дзень немагчыма ўсталяваць аўтарытарны рэжым, таму што нельга закрыць краіну. Вельмі важным кампанентам аўтарытарнасці і таталітарнасці краіны была «жалезная заслона», а вакол Беларусі цяпер нельга пабудаваць такую заслону. Што парадаксальна ў гэтым сэнсе — нельга рухацца наперад, у будучыню, нейкім самабытным, ізаляваным шляхам, таму што ёсць адкрытая інфармацыйная прастора, але архаічныя формы можна кансерваваць усё адно, нават у адкрытай інфармацыйнай прасторы. Атрымоўваецца, што бар'ер, «жалезная заслона» можа праходзіць у мове, пісьменстве, мазгах…

І тады «Еўраньюз», CNN і г. д. даюць страшна многа інфармацыі, але гэта неператраўная інфармацыя для людзей, якія гэта глядзяць. І абавязкова знаходзяцца інтэлектуалы, якія яшчэ абгрунтоўваюць гэта, каб і людзі з павышаным узроўнем адукацыі таксама не ўспрымалі гэтую інфармацыю. Напрыклад, цяпер, калі ў Тэгеране праходзіць канферэнцыя Руху недалучэння. Вельмі забаўная сітуацыя. Яны спрабуюць перайграць для сваіх краінаў фаварытаў Захаду як бы на іх полі. Яны карыкатурны Захад выводзяць у гэтую гульню на сваіх экранах масавай свядомасці і абыгрываюць іх начыста. Патрэбна проста шыла ў ср...цы, каб выводзіць грамадства на пэўныя дыскусіі. Вельмі важным момантам дэсаветызацыі з'яўляецца люстрацыя. Людзі, якія запэцкалі сябе супрацай са злачыннымі дзеяннямі рэжыму, павінны зазнаць забарону на прафесію, напрыклад… Дэсаветызацыя — гэта пачатак грамадскай дыскусіі наконт гэтага, а далей нам трэба будзе разбірацца з тым, што мы самі назапасілі ўжо ў незалежнай Беларусі.

Вядоўца: Рэальная сітуацыя палягае ў тым, што ці то люстрацыя, ці то дэсаветызацыя, калі яны адбудуцца, закрануць вельмі вузкае кола людзей. Немагчыма замест гэтых чыноўнікаў узяць недзе іншых. Будаваць дэсаветызаваную дзяржаву давядзецца з гэтымі ж людзьмі.

У. Мацкевіч: Ну канешне, давайце не будзем занадта рамантычнымі ў гэтым сэнсе. Эксперт з Нямеччыны нам распавядаў пра дэнацыфікацыю, калі да 40 % чынавенства і ўвогуле спецыялістаў былі выстаўленыя пэўныя прэтэнзіі. Не прайшло і 10 год, як большасць з гэтых людзей вярнуліся да сваіх пасадаў, да ўлады… І толькі 3 % з усіх тых, хто падлягаў люстрацыям, патрапілі пад гэта. Важна не колькі людзей мы закранем — важныя тыя змены ў свядомасці, якія будуць наступствам гэтага. Трэба разумець, што адной з характарыстык савецкасці з'яўляецца гульня на паніжэнне ў дыскусіях, калі гаворыцца, што кожная кухарка павінна кіраваць дзяржавай і г. д., таму ўсе пытанні павінны быць зразумелыя на ўзроўні кухаркі. Сучасная дэмакратыя прадугледжвае шматузроўневую дыскусію. Трэба даводзіць некаторыя рэчы на ўзроўні, зразумелым для людзей з пачатковай адукацыяй, але ў той самы час мы павінны пастаянна павышаць узровень дыскусіі.

С. Панькоўскі: Але вось гэтага фундаментальнага ўзроўню дыскурсу не існуе. Ён не можа быць больш разумным, чым улада, бо яна з'яўляецца галоўным філасофскім цэнтрам.

У. Мацкевіч: Я памятаю, як распаўся Савецкі Саюз. Гэта калі два аўтарытэты сутыкнуліся ў тэлеэфіры: Сахараў за трыбунай, а на месцы спікера — Гарбачоў. Гарбачоў паспрабаваў пазбавіць Сахарава голасу, і структура аўтарытэтаў змянілася поўнасцю: меркаванне Сахарава апынулася больш важным, чым меркаванне генеральнага сакратара.

Вядоўца: Прайшло 16 гадоў пасля Савецкага Саюза, вырасла новае пакаленне. А старое пакаленне памірае. Можа, трэба пачакаць пэўны час, і адбудзецца натуральны працэс дэсаветызацыі?

У. Мацкевіч: Тое, што робіцца без кантролю, без волі, без розуму, прыводзіць да больш прымітыўных формаў існавання. Трэба разумець, што калі не будзеш кантраляваць, то «поле зарасце пустазеллем».

С. Панькоўскі: Беларускае грамадства ўжо ў значнай сваёй частцы не з'яўляецца савецкім. Як у старой показцы: трэба мяняць сістэму, зрабіць яе больш прыдатнай для чалавечага існавання. На самай справе, беларусы вельмі лёгка ўпісваюцца ў еўрапейскае грамадства.

У. Мацкевіч: Дэмакратыя — гэта, калі хочаце, яшчэ і адказнасць дарослага. Мы змагаемся з чалавекам, таму што адстойваем прынцыпы, мэты... А потым, пасля таго як развязваем сітуацыю ў публічнай прасторы, пойдзем і вып'ем разам піва і з павагай паставімся да пазіцыі аднаго і другога. У нас часта адбываецца наадварот: людзі нічога не робяць у публічнай прасторы, але пасля не размаўляюць адзін з адным, таму што маюць розныя меркаванні.

Вядоўца: Дэмакратыя — гэта паводзіны дарослага чалавека. У такім разе, што можна сказаць пра савецкасць?

У. Мацкевіч: Гэта інфантыльнасць. Гэта патэрналізм, калі за свае

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытка сделать первый шаг не всегда бывает удачной. Мы не торопимся делать выводы об удачности или неудачности настоящей попытки. Мы убеждены только в одном: десоветизация Беларуси неизбежна. Будет это проделано с нашим участием или без — очень важно нам, но не истории. История холодна и безразлична. Наша задача делать попытки на максимуме своих возможностей, все остальное — дело самой истории. Она рассудит и все расставит по своим местам, воздаст должное: «кому бесславие, а кому бессмертие». Люди должны делать то, что они считают истинным и правильным. Каждый из авторов этого сборника представил свою точку зрения, но дискуссия и борьба еще далеко не закончены. Единственное, что мы можем предложить читателям настоящего сборника, — это определиться, занять свою позицию и принять посильное участие в решении самых главных и принципиальных вопросов на данном этапе нашей совместной истории.

АВТОРЫ И УЧАСТНИКИ ДИСКУССИЙ

Бобрович Вячеслав — политолог, аналитик, кандидат философских наук, заведующий кафедрой политологии Минского государственного лингвистического университета

Борхардт Вольфганг — политолог, директор народной школы «Mariaspring» (Нижняя Саксония, Германия)

Водолажская Татьяна — методолог, кандидат социологических наук, эксперт Агентства гуманитарных технологий, участник минского методологического семинара

Галиновская Юлия — координатор проектов общественного объединения «Центр социальных инноваций», стажер Агентства гуманитарных технологий, участник минского методологического семинара

Гиль Денис — протестант, церковь («Новое поколение»), участник минского методологического семинара

Егоров Андрей — методолог, политолог, магистр политических наук, эксперт Агентства гуманитарных технологий, участник минского методологического семинара

Казакевич Андрей — политолог, главный редактор журнала «Палітычная сфера»

Калитеня Леонид — разработчик проектов общественного объединения «Центр социальных инноваций», участник методологического семинара

Ластовский Алексей — социолог, кандидат социологических наук

Мацкевич Владимир — методолог, беларусский философ, эксперт общественного объединения «Центр социальных инноваций», руководитель Агентства гуманитарных технологий, руководитель минского методологического семинара

Мацкевич Светлана — кандидат педагогических наук, эксперт Агентства гуманитарных технологий, участник минского методологического семинара

Мельянцов Денис — политолог, магитстр политологии и международных отношений, преподаватель Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва)

Мирошниченко Андрей — философ, участник минского методологического семинара

Паньковский Сергей — кандидат философских наук, руководитель проекта “Наше мнение” (www.nmnby.org)

Пошевалова Татьяна — председатель совета директоров ОО «Центр социальных инноваций», эксперт шведского НГО-центра развития сотрудничества «Форум Сюд», участник минского методологического семинара

Семенов Николай — философ, кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения теологического факультета Беларусского государственного университета

Чернявский Вячеслав — генеральный директор инновационно-консалтинговой компании «Олдеран» ОДО, член общественного объединения «Центр социальных инноваций», участник минского методологического семинара

Шелест Оксана — кандидат социологических наук, эксперт Агентства гуманитарных технологий, участник минского методологического семинара